

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A 1,012,029

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

o Slowo o polku Igorowom.

БИБЛИОТЕКА „ЗОРЬ“.

Igor
= Igor

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

ТЕКСТЪ ЗЪ ПЕРЕКЛАДОМЪ

И ЗЪ ПОЯСНЕНІЕМЪ СТАРОРУССКИХЪ ПРАВИЛЪ АКЦЕНТОВЫХЪ И РИТМИЧНЫХЪ

ср 7675

0007431

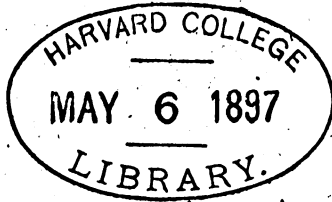
издаетъ

О. М. Партыцкій
ОМ. ПАРТЫЦКІЙ.

ВО ЛЬВОВѢ, 1884.

**Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка
подъ заглавіемъ К. Беднарского**

27222.16.5

Ward fund.

891.78
SC36
P27
1334a

Вступний уваги*).

Ще року минувшого, пояснюючи темні мѣстця въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, обѣщавъ я подати розправу про старорускій акцентъ и про ритмику давного нашего поемату. Задача була для мене дуже трудна. На тѣмъ поли нѣ въ нашѣй, нѣ въ російській, нѣ въ старославянській литературѣ не доведено до нѣякихъ результатѣвъ, въ загаль не зроблено навѣтъ якихъ-такихъ початкѣвъ, бо въ старовину акцентованихъ книжокъ не було, отже и нема теперъ підставъ до розвясненя такъ важного въ явцѣ нашѣмъ появу.

Лишавсь одно „Слово о полку Игоревѣ“. Єсть поемать, — мусить бути въ нѣмъ и ритмъ якийсь, — а если єсть ритмъ, то мусить онъ бути переведений після певнихъ засадъ акцентовыхъ. Отъ и взялись учені за тов „Слово“. Обнакомлені въ многими язиками свѣта — въ санскритскимъ, перскимъ, греческимъ, латиньскимъ, готскимъ и т. д. — они довгий часъ порѣвнували, комбинували, спорили, однакъ въ кѣнци узнали всѣ свои труды даремными и порѣшили однодушно, що въ старорускѣмъ памятнику єсть вправдѣ якийсь ритмъ

*) Уваги тія помѣщені вже були въ 9. числѣ сегорѣчном „Зорѣ“. Тутъ передруковую що важнѣйше на-ново, wrazъ зъ гдѣякими доповненнями и поправками, о скѣлько они конечно потрібнѣй для зрозумѣня цѣлои розправы.

и що ухо той ритмъ чуе, але годѣ его науково сконстатувати, бо „правиль староруской ритмики и староруского акценту не знаемо“.

Та найшовъ ся въ Россіи якийсь Нѣмчикъ, що замотану справу акцентону безъ великого труда ровнявавъ. Менѣ лучилося недавно бачити въ львівской бібліотецѣ Оссолинскихъ одно дуже цѣкаве выдане „Слова“ въ видѣ рукописи. Згаданий Рейнгардъ переписавъ власною рукою цѣлый поемать, наслѣдуючи старорускій способъ писаня, и тую рукопись посредствомъ литографіи, чи якимсь може иншимъ способомъ, выдавъ на свѣтъ божій. При ближшомъ розглядѣ я дознавъ ся, що Рейнгардъ своимъ выданемъ задумавъ перевести ритмику „Слова“. И якъ жежь онъ то робить? Онъ бере за podstawу нынѣшній акцентъ великорускій, при томъ читае кожде ѣ и кожде ъ яко повну самогласну, а где ему забракне силабы, онъ собѣ при якій небудь согласной дописуе букву ѣ. Отъ н. пр. перше речене „Слова“ онъ собѣ такъ скомпопувавъ: Не лѣпо ли ны кашеть, бѣратіе, начати сътарыми словесы тѣрдныхъ покѣстій о пѣлкоу Игоревѣ?

Зъ той пробки переконають ся Читателѣ, якого то рода „наукковыя разработки“ пишутъ ся Рейнгардами. Изъ слова „братіе“ робить ся „бѣ+ратіе“, изъ „старыми“ повстало „сѣ+тарыми“, слово „тѣрдный“ перемѣняе ся на „тѣ+рдный“ — и такъ иде черезъ весь поемать, ажъ до послѣднего слова „аминь“. Рейнгардови байдуже про те, що наведеній нимъ слова въ такомъ видѣ не знаній нѣ въ старорускомъ, нѣ въ старославянскомъ, нѣ въ нынѣшнихъ языкахъ славянскихъ; байдуже и те, що порѣвнавча наука языкѣвъ посередѣ бесѣдъ индоевропейскихъ не находитъ для такихъ формъ оправданя, — онъ маючи въ запасѣ богато іорковъ та ѣрковъ

кладе ихъ, где только буйна фантазія того забавляе.

И въ чомъ же причина, що наука про акцентъ вѣйшла на такій манѣвцѣ, на дорогу низком, недостойной забавки, на прости посмѣховище людей, що мають бодай якій-такій здоровій змыслы?

Причинъ ту двѣ. Одна, що ученій надто оглядались на иншія языки, а не шукали правилъ акцентныхъ въ самѣмъ памятнику старорускомъ. Друга, що ученій надто рефлектовали на нынѣшню, живучу бесѣду: Малорусины хотѣли читати все по своему, Великороссы вновь по своему, забуваючи, що межя часами Игоревыми а нынѣшними лежить спорый шмать часу — больше якъ 700 лѣтъ. А въ тыхъ 700 рокахъ яку то революцію не перебула наша бесѣда! Въ „Словѣ о полку Игоревѣмъ“ подыбуемо еще самогласнѣе *р* и *л*, подыбуемо самогласнѣе *ъ* и *ь*, подыбуемо формы короткѣй старославянскѣй и формы повноголоснѣй рускѣй, подыбуемо слѣды довгихъ и короткихъ самогласныхъ, подыбуемо вымерлѣе теперъ формы, якъ *aoristus*, *imperfectum*, *dualis*, подыбуемо двояку *ѡдмѣну* приложникѡвъ и т. д. Якъ жежъ все то читати и наголошувати, коли въ нынѣшнѡмъ языкѣ тыхъ звукѡвъ и формъ нема, а языкъ церковный пѡдъ вглядомъ акценту предсгавляе вже поstattь надто зрущени, новѣйшу, часто на довольныхъ придумкахъ и правилахъ оперту?

Докладнѣе слѣдженя въ области нынѣшнихъ нарѣчій рускихъ, а особливо въ нашихъ горахъ, моглибы кинути богато свѣтла на справу акцентову. Тѡлькожь такихъ слѣдженъ доси якбы не було. Я читавъ розправы о малорускомъ акцентѣ Дра В. Ганкевича и проф. И. Верхратского — та небогато въ нихъ довѣдавъ ся. Дрѣ Ганкевичъ самъ часто вѣ акцентуе, а послѣднѣй, пишучи

для не-Русинівъ, констатує тільки, що н. пр. слово „водá“ має акцентъ на послѣдньому складѣ, а слово „дóля“ на першомъ складѣ. Для чужинцѣвъ, очевидно, и те добре знати, але для насъ важна рѣчь довідати ся, для чого одно слово такъ, друге инакше наголошуєсь, для чого акцентъ въ рѣжнихъ падежахъ змѣнний, для чого и пнѣ слѣвъ разъ такій, разъ иншій акцентъ мають. Стереотипне покликванє на „духа языка“ єсть дуже вигідною фразою, але зновъ треба выяснити, що то єсть той загадочный „духъ языка“, якими засадами акцентовыми бесѣда наша руководила ся и руководить ся при твореню и при одмѣннѣ слѣвъ. У насъ, въ рѣжнихъ околицяхъ, буває и одмѣнний акцентъ, отже и иншій „духъ языка“. Случаєвъ одмѣнного наголошуваня на Украинѣ а въ Галичинѣ єсть дуже а дуже богато, тай въ самой Галичинѣ рѣжницѣ мѣжь горами а долами часто засадничѣ, — о Лемкахъ въ западной Галичинѣ навѣть не говорю. Отже въ той хаосѣ акцентовой требабы конечно якійсь ладь впровадити, треба посредствомъ науки, въ неабитыми доказами, въ желѣзноконсеквенцію выказувати, що єсть правильне а що нѣ, и где тѣлько еще можна, треба управильнювати нашъ выговоръ. Акцентъ рускій то не абы-яка марна рѣчь, — се велика нѣкками хоронена и вѣкками намъ передана спадщина, истинна святыня народна, котру если коли, то въ нынѣшнихъ часахъ мы въ Галичинѣ беречи и плекати повинни.

Якъ нема въ природѣ самовольныхъ скокѣвъ, а всякї переобразования одбувають ся постепенно и пѣсля певныхъ одвѣчныхъ правилъ, то такъ дѣєсь оно и въ бесѣдою людскою. Она живе, роввиває ся, переобразовує ся, та все пѣсля певныхъ, сталыхъ засадъ, если тѣлько не стануть въ дорозѣ якї шкодливи впливы посторонни.

Бѣтъ отже межѣ теперѣшностею а минувшостею такожь пѣдѣтъ взглядомъ акценту непрорывна, исторична звязь, котрой не годить ся спускати въ ока.

Про важнѣсть докладного пѣзнаня старорусского акценту промовляе еще одна важна обстановка. Якъ звѣстно, текстъ „Слова о полку Игоревѣмъ“ въ многихъ мѣстцяхъ есть надто попсоваый, такъ въ рѣчевѣй части, якъ и въ языковѣй. Я самъ въ торбѣнѣй „Зори“ пояснювавъ надѣ 50 темныхъ мѣстцѣ „Слова“, головно тѣ уступы, що ѣдносятъ ся до поганьской вѣры Варягъ-Скандинавцѣвъ и до поганьской вѣры давныхъ Русинѣвъ; а языковыхъ и словарскихъ хибъ и неточностей можна въ „Словѣ“ начислити такожь що найменше другихъ 50 выпадкѣвъ. Очевидно, що для поясненя, справленя, або усуненя тыхъ хибъ и неточностей передо-всѣмъ и наибѣльше придати ся повинно ритмичне про-вѣрене тексту.

Возьмѣмъ тѣлько одинъ случай. При кѣнци „Слова“ вгадуеь про рѣку Стугну и якъ она выляла въ бере-гѣвъ, а дальше додана така увага: „Оуношоу князю Ростиславоу затвори Диѣпръ темнѣ березѣ“. Довго ин-терпреты томились надѣ поясненемъ того загадкового реченя, ажъ недавно ученый Великороссъ, князь Вязем-скій, выказавши очевидну похибнѣсть въ горѣшнѣй сти-лизаци, запропоновавъ зробити такую поправку въ тек-стѣ: „Оуношоу князи Ростислава затвори диѣ при темнѣ березѣ“—значить: *(рѣка Стугна) затопила молодого Ростислава при темнѣмъ своѣмъ березѣ*. Той коментаръ у всѣмъ згожуе ся въ поданями лѣтописными и вводитъ якъ найкрасшу гармонию и логичну та рѣчеву звязь въ дотычный текстъ „Слова“, а предсѣ не довольились нимъ другіи интерпреты, котріи за нѣщо въ свѣтѣ не хотѣли розстати ся въ выраженемъ „Диѣпръ“. Если отже ясны

якъ сонце доказы, если глубокоумна интерпретація и гениальна поправка кн. Вяземского не могли перекопати другихъ интерпретовъ, — то чи можливый буде коли небудь розумный выхъдъ зъ того коментаторского лабиринту? Конечно, яко „ultima ratio“, посередъ всѣхъ тыхъ суперечностей и недовѣрчивостей, рѣшати мусять и рѣшати буде — ритмика, акцентъ. Тай истинно покажесь тогды, що коментаръ кн. Вяземского есть въ томъ мѣстци едино добрый, бо одповѣдае всякимъ вымогамъ доброй ритмики.

Про методу, якои я державъ ся при дослѣдженю старорусского акценту, подана була обширнѣйша згадка въ 10-омъ числѣ „Зорѣ“. Колижь, по довшихъ томлячихъ блуканинахъ, взявъ ся я за переписоване поемату пѣсла ритмичныхъ вымогъ, замѣтивъ я зъ немалымъ задивованемъ, що мои дослѣды въ многихъ засадничихъ точкахъ сходятъ ся зъ гдеякими правописными властивостями поемату. Не одно, що мы въ „Словѣ“ звыклѣ були называти языковыми и правописными блудами, проходячими нѣбы-то бѣдъ переписовачѣвъ, оказалось теперь автентичною, нарокомъ въ цѣляхъ ритмики придуманою правописею самого автора „Слова“.

Такимъ чиномъ найшлась въ правописи поемату перша и дуже важна пѣдстава до дальшихъ слѣдженъ. Держачись тои правописи, мѣгъ я вже лекше дѣйти бодай гдеякихъ правилъ акцентовыхъ и розпѣзнати яко-такое ритмичну будову старорускихъ стихѣвъ. Отъ и въ кѣнци ясно стало менѣ, що мы маемо тутъ дѣло въ поезію зовсѣмъ окремого рода, котра опираеть не такъ на римахъ, якъ бѣльше на алитераціи и ассонанции звукѣвъ, подобно якъ то було въ сучасной сканди-

навскої поезіи въ 12-ого столѣтіи. Се була друга великою ваги добычь, котра зновъ послужила менѣ дуже цѣнною указкою при порядкованю цѣлого поемату на поодинокі стихи*).

Довершивши дѣла, розглянувся я уважнѣйше въ акцентахъ ново-повсталои поезіи и замѣтивъ, що побѣчь акценту нынѣшного въ многихъ словахъ выходять акценты зовсѣмъ инші, падаючі wyłącznie лишь на слябы коренні, якъ: тѣбрити, міноути, зѣлиный, вѣслый, пѣганый, вѣликий, хѣтите, ідоути, вѣдите, а навѣть зѣбоути и т. д. Менѣ выдались такі акценты дуже правильными, а про ихъ колишне загальне уживане свѣдчила менѣ бесѣда нашихъ галицкихъ гѣрнякѣвъ, у котрыхъ до нынѣ замѣтна склоннѣсть до акцентованя слябѣ коренныхъ. Я той акцентъ назвавъ прарускимъ, а въ дальшѣй консеквенціи старославянськимъ; за его помочю ѡдкрывъ я зовсѣмъ правильный ритмичный укладъ въ щоденныхъ нашихъ молитвахъ, а подекуды и въ церковнѣй литургіи.

Розглядаючись въ творахъ старорускои литературы замѣтивъ я еще дуже выразну ритмичну будову стихѣвъ въ такъ званѣмъ „Словѣ Даниіла Заточника“. Творъ той въ руки переписовачѣвъ не выйшовъ такъ правильный, якъ поемать про Игоря, тай акценты многихъ выразѣвъ выходять въ нѣмъ инакші, але всежь есть то ритмичный утворъ, въ котрѣмъ въ гдѣякихъ случаяхъ можна було шукати порады.

Такъ отже пять чинникѣвъ вложилося на тоє, щобы менѣ уможливити студію надъ старорускимъ акцентомъ. Суть ними: 1) правописнѣй властивости

*) Стихи, збудовані на пѣдставѣ ассонанціи звукѣвъ, рѣшають зъ всякою певностею пыгане, якъ авторъ „Слова“ вымѣвлявъ самогласнѣй *ѣ, ѡ, ѡ, и.*

поемату, означені въ выданю Муссинъ - Пушкина; 2) ритмична будова стиховъ; оперта на алитераціи и ассонанции звуковъ; 3) Слово Данила Заточника; 4) акцентъ въ жиючѣй бесѣдѣ рускѣй (особливо въ нашихъ горахъ); 5) ритмика церковныхъ молитовъ.

До щасливого переведеня сеи працѣ немало причинились еще слѣдженя на поли староруского звукословія такихъ ученыхъ, якъ Максимовичъ, Востоковъ и проф. А. Потебня. Безъ ихъ трудовъ я бы не знавъ, що в. пр. въ старорускомъ явицѣ побѣчь полкъ, волкъ, солнце, Хорсь, черныи говорилося также: полокъ, колукъ, солонце, Хоросъ, черныи и т. д. Сесі повноголосніи формы приходять дуже часто въ старорускомъ поемагѣ и лишъ при такомъ читаню можна було близько цѣлу сотку стиховъ уняти въ правильну ритмичну форму. Цѣнною була для мене такожъ розправа проф. Потебнѣ о уживаню и звуковѣй вартости старорускихъ самогласныхъ ѣ и ѡ; надѣюсь, що ученый той мужъ найде въ теперѣшномъ выданю „Слова“ найкраще оправдане для своихъ выводовъ.

Въ многихъ мѣстцяхъ послугувавсь я еще въ великимъ хѣнономъ працями нашихъ галицкихъ ученыхъ: Як. Головацкого („Розправа о южнорускомъ явицѣ“) и Дра Ом. Огоновского („Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache“).

Ом. П.

Увага. Самогласну ѣ заступую въ текстѣ черезъ е, а ѡ черезъ о Обѣ тѣ буквы легко розпознати, бо печатаніи не кирилскимъ писемомъ, лишъ гражданкою.

СЛОВО О ПЪЛКОУ ИГОРЕВЪ.

I.

Не лѣпо ли ны вѣште, — братие,
Начити старыми словесы
Трудных повѣстий о полкоу Игоревѣ,
Игоря Святславича?

5 Начати же съ той пѣснѣ
По вѣлиамо сѣго времени,
И не по замыслѣню Божю.
Божно во вѣщнѣ, —
Ище комѣ хотѣше пѣсне творити,

10 То растѣкашете съ:

Славню по мысленоу дровѣ,
Сѣрѣме волокоме по землі.
Шизѣме брломе под облакы.

Помнишете во, — рече, перевых времѣн оуболицѣ:
15 Тогда поущашете десѣть соколово на стадо лѣбедей,
Который дотечаше,
Та прѣди пѣснь поѣше:

Староу Игоря Славича, храброу Мстиславу,
Иже зарѣза Рѣдею пред полкоу касожскимъ, —
20 Красноу Романови Святславичю.

Бѣшно же, братне, —

Не десѣть соколово на стадо лѣбедей поущаше,
 Но своѣ вѣщныя персты на живѣахъ стрѣны воскладаше,
 Онѣж самѣ князѣмъ — слѣвоу рокотѣху.

25 Почнѣмо же, — братне, — повѣсте снѣ

От старѣго Владѣмѣра до нынѣшняго Игорѣа,

Иже истигнуоу ѣмо крѣпостю своѣю

И побѣстри сѣредца своѣго моужествомъ;

Напоълнико сѣа рѣтнаго доухѣа,

30 Наведѣ храбрѣа полоки своѣа

На зѣмлю половецкоу за зѣмлю рѣскоу.

II.

О Бѣгане, — соловію сѣго врѣмени!

Явѣ ты снѣа полоки оущекотѣа,

Скѣча слѣвию по мѣсленоу древѣ,

Лѣтѣа орломе под ѣблаки.

5 Свинѣа слѣвѣ ѣаа полы сѣго врѣмени,

Рѣща в трѣпоу Трѣганю — чрес поля на гѣры!

Пѣти бѣло пѣсне Игоревѣ, того внѣкоу:

„Не бѣри соколы занесе чрес поля ширѣкаа:

„Гѣлицѣ стадѣ вѣжат ко Дѣноу вѣлнкомоу...“

10 Чѣль воспѣти бѣло, вѣщѣй Бѣгане,

Бѣлесово внѣче!...

Комѣни ржѣте за Соулѣю,

Звѣните слава во Кѣевѣ,

Трѣвы трѣвите во Нѣкѣградѣ,

15 Стѣйте стѣзѣи во Пѣтивлѣ.

Игорь ждет мила брата Всеволода.

И рече емѣ Боуй-Тѣр Всеволодо:

„Одино брат, одно свѣт свѣтлый ты Игорю,
Одѣ всекѣ Святславичи!

20 Сѣдлай, — брате, свѣи борзыи комѣни,
Я мой ти готови,
Осѣдлани оу Кѣреска на пѣреди!

Я мой ти Кѣршны —
Свѣдоми комѣти:
25 Под трѣбами повѣти,
Под шиломы возлежѣши,
Кѣонецъ копнии воскѣрмани,
Пѣти имо вѣдоми,

Ироугы им знаѣми,
30 Лоуци оу ниухъ наприжени,
Тоули отворени,
Сабали из-бстрени;

Сѣми скачюте акы скрѣи волоци в полѣ,
Ищѣчи свѣкѣ чести, — а князю славы.“

III.

Тогда Игорь возрѣ на солонце (свѣтловѣ) и видѣ
От него тѣмбю вси своѣи вой прикрѣты.

И рече Игорь ко дружинѣ своей:

„Братие и дружинѣ!
5 Лоучѣж вы пѣтитоу ми бѣти,
Нѣже полонѣноу бѣти!
Я всѣдемѣ, — братие,
На свѣи борзыи комѣни,
Да пѣзрѣме синѣго Дѣноу!“

- 10 Спала́ книзі́ви ўмо в по́хоти
 И жа́лости емь знамі́не застоупі́,
 Искоу́сіти Дбноу́ вѣликаго.
 „Хб́чу во, — рѣчи, ко́пие прило́жити,
 Ко́нць по́лы полови́цкаго, — с ва́ми Рѣснчи; ”
- 15 Хо́щѣ главѣ́ свою́ прило́жити,
 Я́ любо́ испі́ти шѣло́момо Дбноу́!“
- Тогда́ встоупі́ Игбо́рь во злат стрѣмі́нь,
 И поѣ́ха по чисто́моу по́лю.
 Со́лонце емь тамо́ю пѣ́те застоупа́ше;
- 20 Но́щю сто́ноуши емь грозо́ю птнч оу́вѣди;
 Свѣ́сто звѣ́рино воста́,
 Ови-Дѣво́ кла́иче(т) вѣ́рехоу́ древа́:
 Вѣ́лите посла́шати земла́и незна́емѣ́,
 Во́лзѣ́ и Помбо́рню й Посѣ́лию,
- 25 И Сѣ́рожоу́ и Ко́рсоу́ню, — и тебѣ́,
 Тьмоу́торо́канескый боло́ган!
 Я́ Поло́вци негото́вами доро́гами
 Побѣ́гоша ко Дбноу́ вѣ́ликому́;
 Крѣ́ичи(т) телѣ́гы по́лноши,
- 30 Е́рци лѣ́беди роспѣ́щени.
 Игбо́рь ко Дбноу́ во́н вѣ́дете;
 Оу́же О́вида е́го пасѣ́т — птнць подбе́ню,
 Бо́лоци грозѣ́ восрѣ́жате по шроу́гам,
 О́рли кла́ктомо на ко́сти звѣ́ри зо́воу́те,
- 35 Лисі́ци крѣ́цоу́те на черелѣ́ных шнты́.
 О́ рѣска́я земла́е, — ў́же не шѣло́мані́ем вси́!

IV.

Долого́ ноч мѣ́ркнете;
 Зари́ свѣ́то запа́ла,

Мегла поля покрыла,
Щекото славий оуспі,
Говор галич см оубѣди.

5

Рѣснчи великаа поля
Прегородиша черелеными щиты,
И щѣснчи себѣ чести, — а книзю славкы.

С зарани во пѣтко потопташа

10 Поганиа полкы половицкыи,
И расѣснчь стрѣлами по полю
Красныа помчаша дѣвки половицкыи,
И с ними злато и паволокы
И драгыа оксамиты.

15 Ортомами и шпѣнчицами и кожоухы
Начаша мѣсты мѣстити по еболото
И гризивиа мѣстома,
И всякыи оузорбчы половицкыи.

Черелено стѣго, вѣла хѣрюгове,
20 Черелена чѣлока, сребрено стрѣжне
Храброму Святославлчию!...

Дрѣмлете в полѣ Ольгово хѣрово гнѣздѣ,
Далече залѣтѣло!

Не было 'но Овидѣ порождено:

5 Ни соколоу, ни крѣчеоу, — ни тивѣ,
Чѣреный ворѣн, — поганиый Полѣвчини!

Гзѣко вѣжите стѣрыме вѣлокоме,

Кѣнчако смѣ —

Слѣдо правите ко Дѣноу великому.

Другаго-дн вѣльми рано крѣпавым зорн
Секто повѣдаютъ ;

Череным тѣчи с моря идоуте ,

Прикрыти хотите четыри солонца ,

5 Я в них трепещоуте синин молонни .

Быти грѣмоу вѣлкомоу !

Ити дождю стрѣлами с Дѣноу вѣликаго !

Тоу си кѣпемо прилѣмати ,

Тоу си сѣлашмо потрѣчати —

10 О шѣломы половецкыи на рѣцѣ на Каялѣ ,
Оу Дѣноу вѣликаго...

О рѣскаи землі, — уже не шѣломшнем вси !

Се вѣтри, — Стрибожи внуци ,

Бѣюте с моря стрѣлами

15 На храврѣи полоки Игоревы .

Зѣмля тѣтнете , —

Рѣкы мѣтно тѣкоуте , —

Перосѣ поля вкрякаюте ,

Стязѣ глагблютѣ .

20 Половци идоуте от Дѣна и от моря

И от всѣхъ сторѣн : — роускы полкы остоупѣша .

Дѣти вѣсови клѣкомъ поля пригородѣша ,

Я храврѣи Рѣсичи пригородѣша

Черелѣными щиты .

25

Ир-Тоурѣ Всеволоде !

Стѣиши на вѣрони ,

Прѣиши на вѣн стрѣлами ,

Грѣмляши о шѣломы —

Мѣчи харалѣжными .

Кáмо Тоур поскóчише,
 Своимъ златымъ шёлóмомо посекчнвѣмъ,
 Тáмо лёжа(т) пóганныя главы половѣцкыя,
 Поскѣпаны савелѣми кáлеными
 Шѣломы обáрескыи,
 Отъ твѣ — Ир-Тоурѣ Кесевлоде!

Кáкъ рана дорогá, — вратне,
 Забыво чти и животá
 И града Чёрнигова — отиá златá столá,
 И свѣа мѣлыи хотѣ — красныи Глѣкѣвны
 Свѣчии и обѣчии?

VI.

Бѣли вѣци Трѣбани,
 Мѣноула лѣтá Ирѣславли,
 Бѣли пѣци Ольговы,
 Ольга Святослáвлича.

5 Той во Олега мечѣмъ — крáмоу коваше,
 И стрѣлы по землѣ свѣше.
 Стоупáете во златъ стрѣмѣнь во градѣ Тьмоуторѣканѣ.
 Тѣже звано слыша давнѣи великѣи Ирѣславо,
 Сынѣ Кесеволѣж, --
 0 Я Владѣмиро по вси оутрá —
 Оуши закладáше во Чёрниговѣ.
 Бѣрнса же Къчеслáвлича слава на сѣдо привѣдѣ
 И на тканѣноу зѣленоу папѣломоу постлá,
 За обѣдоу Ольговоу, — хрѣбра и младá князѣи.

- 15 Тогда при О'льзѣ Гориславичи
 Сѣишите си и растишите оусебницами,
 Погыбаше жизне Даждевожа внѣка,
 Е княжиху крамолах —
 Етци челоуѣкмо скратишась.
- 20 Тогда по рѣскон землі
 Рѣтко ратѣве кыкахоуте,
 Но часто врани граихоуте,
 Трѣпи дѣлаче сѣѣ,
 Я галнци свою рѣч говорихоуте,
- 25 Хотате полѣтѣти на ѣдне.
 То было в ты рати и в ты полкы,
 Я сицен рати не слышано.

VII.

- С заранни до вѣчера, — с вѣчера до свѣта
 Лѣти(т) стрѣлы каленыя,
 Гримлюте савли о шѣломы,
 Трица(т) копи харалѣжныя
- 5 Е полѣк низнаемѣ, — —
 Среди земли половицкыи.

- Чѣрена земля под копыты
 Костями была посѣяна
 Я кроу пѣлана:
- 10 Тоугю въздоша по рѣскон землі.

Что ми шѣмите, — что ми звѣните
 Давѣчи рано прѣдо зѣрами?

Игорь полюкы заворочаете,
Жаль емѣ милѣ братѣ Бескѣлода.

Бѣишась день, — —
Бѣишась дрѣгый, — —
Третяго-дни, ко полѣдню,
Пѣдоша стязѣ Игорѣкы.

Тѣ ся братѣ разлѣчѣста ся
О На брѣзкѣ выстрымѣ Каіалы.
Тоу крѣваваго вѣна не достѣ;
Тоу пир декѣнчаша храврѣи Рѣсичи:
Святѣ попомѣша, — а самѣи полѣгоша
За зѣмлю рѣскоую...

Бѣишите травѣ жалѣщами,
И дрѣво с тоугоу ко землѣи прекѣлоннлось.

VIII.

Оу же бо, — братѣи, невѣсилѣи гѣднина востѣла,
Оу же бо поуѣтѣини сѣлоу рѣскоую прикрѣла.
Востѣла Овѣнда во сѣлах Дѣжевожа вноука:
Вѣстоупѣво Дѣвоу на зѣмлю Трѣбѣню,
Бѣосплѣскала лѣкѣдинными крѣпы на синѣ морѣ;
Оу Дѣноу плѣцоучи оуѣбѣди жѣрниѣи врѣмена.

Оу сѣбѣница князѣм на поглѣныи погыбѣи;
Рѣкѣста бо брат ко братѣу: — „се мѣе, а то мѣеже“,
И начѣшѣа князѣи про малѣе „се вѣлѣнѣе“ мѣеовитѣи,
И самѣи на сѣбѣи крѣмѣлоу кѣватѣи;

Я погани со всѣхъ сторонъ прихѣжихоу
 С поѣздами на зѣмлю рѣскоую.

О далѣче зайдѣ соколъ, — птѣици быи ко мѣрю,
 Я Игорьѣа храбраго полокоу не крѣсити!

15 За нѣмо клѣкноу Кончако,
 И Гзѣко поскочи по рѣскои зѣмлѣ,
 Смѣгоу мѣчючи во пламѣнѣ розѣ.
 Жѣны рѣскыи восплакаша съ дркоучи:

Оу же нѣмо свѣнхъ мѣлыхъ лад ни мѣсляю смѣслити,
 20 Ни дѣмою сдоумѣти, ни очѣма соглѣдѣти,
 Я злѣта и сребрѣ ни мѣло тѣго потрѣпати.
 Я востонѣ бо, вратне, — Кѣево тоугѣю,
 Я Чѣрингово напастѣми;

Тѣска разлѣись по рѣскои зѣмлѣ,
 25 Печѣль жирнѣ оутѣче срѣди зѣмлѣи рѣскыи.
 Я князѣи самѣи на сѣбе крѣмолоу ковахѣоу,
 Я погани самѣи, поѣздами
 Нарѣщѣоуче на рѣскоу зѣмлю,
 Смѣлѣхѣоу дань по вѣлѣ от двора.

30 Та бо двѣ храбраѣи Святослѣвлѣичѣ,
 Игорьѣ и Бѣсволѣдъ, — ѣже Лжоу оуѣдѣнѣста,
 Котѣроую то вѣшете оуспѣл отѣць нхъ Святослѣво,
 Грознѣй, — вѣлѣкнѣй, Кѣѣвскнѣй.

Грозѣю вѣшете :

35 Прѣтрѣпетѣлъ своѣми силѣными полокомъ
 И харалѣжнѣми мечѣи,
 Настѣупѣи на зѣмлю половецѣкоую,
 Прѣтѣпта хѣломы и проугѣи,
 Возмоутѣи рѣкѣи и ѣзѣры,

40 Исѣвши потокѣи и колѣтѣ,
 Я поганинаго Кѣежѣка, — из лоукѣморѣи,

От жалѣзныѣхъ великихъ полоково половіцкыѣхъ
Шко вѣхрѣ вѣторже.

И паде съ Ковѣк во градѣ Кѣвѣк,

5 Во грѣдници Святславлѣ.

Тоу Нѣмци и Венѣдци,

Тоу Грѣци и Моравѣ

Поюте славоу Святславлѣю,

Кѣюте князіа — Игора,

10 Иже погрѣзи жир во днѣ Кѣялы.

Рѣкы половіцкыѣ, —

Рѣскаго златѣ насѣпаша.

Тоу Игорьъ князь иссѣдѣ из сѣдла златѣ,

И в сѣдло кощѣево.

IX.

Оуныша во градѣмъ забрѣлы, а весѣли поничѣ.

И Святславо Мѣотино сон видѣ:

„В Кѣвѣк на горахъ синоч с вѣчера одѣвахотѣ мѣ, — рѣче,

Чѣреною паполѣмою на крѣвати "сѣвѣ;

5 Чѣрпахотѣ мѣ синѣе вѣно с трѣдомѣ смѣшѣно;

Сѣпахотѣ мѣ тощѣми тѣлы поганыхъ телковѣно

Бѣлѣкый жѣнчюго на лѣно, — и нѣгоуотѣ мѣ.

Оу же дѣскы безъ кнѣса в моѣмъ терѣмѣ златовѣресѣм.

Бсю нѣще с вѣчера Бѣсѣовѣ вранѣ

0 Возгрѣтахотѣ оу Плѣснеска на бѣлонѣ,

Бѣша дѣбре Исканю, — и несѣшасѣ ко синѣмоу мѣрю“.

И ѣркоша боѣре ко князію:

Оу же, кнѣже, — тоугѣ ти ѣмо полонѣла.

Се во двѣ — сѣкола —

- 15 Слѣтѣста с отниѣ столѣ златѣ,
 Понскѣти града Тьмоуторбкани,
 Я любѣ испѣти шѣломомѣ Дѣноу.
 Оу'же сѣколома крылеца.
 Припѣшали савлѣамн пѣганыхъ,
 20 Я сѣмоу опѣташа в поутины желѣзны.
 Темно во вѣ во трѣтѣй дѣнь:
 Два сѣлонца помѣркоста,
 Ока "грѣнѣаи стѣлпа погасѣста,
 Я с нѣма молодѣаи мѣсѣца,
 25 О'дѣго и Святослѣво,
 Темѣю сѣ поволокѣста.

На рѣцѣ на Каѣлѣ свѣто тѣма покрѣла:
 По рѣскон землѣи
 Прострѣша сѣ Полѣвци, ѣкы пѣрдоу'же гнѣздѣ,
 30 И вѣ морѣ погрѣзнѣста, — и великое воуиствѣ
 Подѣста хѣиовн.

- Оу'же снѣсе сѣ хоула на хѣвалоу,
 Оу'же трѣсноу Ажа на вѣлю,
 Оу'же кережѣ сѣ Дѣво на-землю.
 35 Сѣ во Гѣтскы красныи Дѣвѣ
 Воспѣша на врезѣ синѣмоу морю:
 Зѣонѣ рѣскыме златѣм
 Поюте врѣмѣ Бѣсоко,
 Лѣлѣкюте мѣсте Шарокѣню.
 40 Я мы ѣже дружина жаднѣ весѣлишѣ.

Тогдѣ Святослѣво великыи изрѣчи златѣ слово
 Слѣзамн смѣшѣно и речѣ:
 „О моѣ сынѣвци, И'горю и Ксѣволоде!
 Ранѣ'ста начѣла половѣцкоу землю

- 45 Мѣчи цѣлнѣти, — а свѣтъ славы искати.
 Но нечестно одблѣсти,
 Нечестно во кровѣ поганую проливати!
 Бѣю храбра сэредца
 Во жѣстоцѣмѣ харалѣзѣ скѣвана
- 50 И в ѣбѣсти заклѣна.
 Сѣ ли створнѣте моѣй сребрѣнѣй сѣдинѣ?
 Оу'же я не ви'жу власти силчанаго и богатаго
 И много рѣи брата моего Шрѣслава
 С черниговескыми былыми,
- 55 Со Могѣты и с Татраны,
 И со Шельбиры и с Топчакѣ
 И с Ревоугы и с Ольбиры.
 Тѣи бо без щитоко со засапѣжники
 Кликѣмо (?) полкы повѣждаюте.
- 60 Звѣниачи во прѣдѣднюю славоу...
 Но рѣкосте: — „Мѣжайме ся сами,
 Прѣдню славоу сами похытим,
 Я задню ся сами подѣлим.
 Я чи дѣво ся, — братне,
 65 Стѣроу помолѣднѣти?
 Коли сокѣл в мытѣх бывѣте,
 Бывѣко птѣици возвивѣте:
 Не дасть гнѣзда своѣго в Овидоу.
 Но се зло: князи ми не посѣбне;
 70 На ни'че ся годѣны обратѣша.
 Сѣ Оу'мри крича(т) под саблѣами половѣцкыми,
 Я Володѣмиро под рѣнами.
 Тоугѣ и тѣска сыноу Глѣбовоу.

Вѣликій книжі Бсѣволоде!
 Не мысляю ти прилѣтѣти издалеча,
 Появюстѣ отнѣи златѣ столѣ?
 Ты во мѣжши Болгѣ веслы раскрѣпити,
 5 И Дон шелоуы вылыти!

Иже бы ты был, —
 То была бы чага по ногатѣ,
 Я кощѣи по рѣзанѣ...
 Ты во мѣжши по сѣху
 10 Живыми шерширы стрѣляти,
 Оудалыми сыны Глѣбовы.

Ты еѣи Рюриче и Давыде!
 Не вѣю ли злачены шелоуы по крови плаваша?
 Не вѣю ли храбрага дружина
 15 Рыкаютѣ акы тоури,
 Ранены савлями калеными
 На полѣ незнаемѣ?
 Зестоупита, господина, — во злата стрѣмени
 За обѣдоу сѣго врѣмени,
 20 За зѣмлю рѣскоую,
 За ранѣ Игоревы,
 Бѣего Святславича!

Галицкый Осмѣмысле Ирѣслави!
 Быско сѣдиши на свѣбѣ
 25 Златокованнѣмѣ столѣ,
 Подпѣро гбры ѣгорескыи
 Своими желѣзными полокы,
 Застоупиво королеви поутѣ,
 Затвориво Доунаю веротѣ,

Міча врімени чрез облакы,
 Соуды риді до Дѣнаш.
 Грозы твоі по зѣмлямо текѣть:
 Отворивши Кіевоу вратá,
 Стрѣляеши с отніа златá стола —
 Салтаны за зѣмлями.
 Стрѣлай, — господіне, Кончакá,
 Поганого кощкá,
 За зѣмлю рѣскоую,
 За ранкы Игоревы,
 Бѣго Святславича!

Я ты, боуи Рѣмани и Мстиславе!
 Храбрáя мѣсле нѣсите вас ѣм на дѣао.
 Высоко плаваеши в вѣести,
 Якы сокол на вѣтрѣх шірма си,
 Хѣти птицю во боуиствѣ одблѣти.
 Сѣте бо оу ваю желѣзныи папорзи
 Под шѣломы латинскыми;
 Гѣми трѣсноула землá
 И многы страны хінова:
 Литвá, Птвѣзи, Деремѣла и Полбци
 Сѣлици своіа повергоша,
 А главы своіа поклониша
 Под тыи мѣчи харалѣжныи.
 Но ѣже Игорю князю оутѣрпѣ солицю свѣт,
 А древо не бологоме листе сробни.
 То Росіи по Соулі граді подѣлиша,
 А Игоревá храбрáго полокоу не крѣснти.
 Дѣно ти, княже, кличете
 А зѣвете князі на О'видоу.
 Дльгѣвичи, — храбрини князі, — дѣспѣли на брань.

Иногварь и Ксенолод, — и вси три Мстиславичи,
 Непоудѣ гнѣзда шестокрыльци!

Не обидными жревьѣ
 Говѣ власти расхѣтнесте.

- 65 Кое ваши златы шиломы
 И сѣлци лицкѣи и щитѣ?
 Загородите поля коротѣ
 Своими бстрыми стрѣлами,
 За зѣмлю рѣскоую,
 70 За ранѣ Игоревы,
 Бѣго Святславича!

XI.

Оуже во Соудѣ не тѣчете
 Сревереными стрѣлами градоу Периславию,
 И Двина болотоме тѣчете
 Оным грозным Полочаном под кайкоме поганых.

- б Едино же Изяславо, — сын Васильково,
 Позвони своими бстрыми мечѣ
 О шиломы литовскыи,
 Притрепа славоу дѣдоу своемоу Беславоу,
 Я сам под черелеными щитѣ, на кровавѣ травѣ,

- 10 Притрепано литовскыи мечѣ.
 И сѣпи си на кровати и рек:
 „Дроужинѣ твою, — княже, — птичь крылы приодѣ,
 Я звѣри крове полизаша.
 Не высть тоу врата Брячислава,
 15 Не дрѣгаго Ксенолода;
 Едино же изрѣни жѣмчюжноу доушѣ
 Из хрѣбра тѣла — чрес злато ожерѣлие.
 Оуныли гѣлосы, — поничѣ весѣлие.
 Трѣвы трѣвете горбдинескыи.

- 0 Прѣславе и вси вноуці Бѣславлан!
 Оу'же понизитъ стязи свои,
 Бонзитъ свои мечи верѣжени!
 Оу'же вѣскочисте во из дѣднин славы.
 Бы своими крамолами начисте навѣднати
- 5 Поганымъ на зѣмлю рѣскоую, на жизнь Бѣславлѣю.
 Которою бѣше во насиліе от зѣман половѣцкын.

- На седмоме вѣцѣ Троіани
 Бережѣ Бѣславо жрѣвий от Дѣвицѣ Бѣлѣ.
 Се той во кляуками подперъ си
- 0 Оконию скочи градоу Кѣвеоу.
 И дотчѣ си стрѣжнемъ златѣ столѣ Кѣвскаго.
 Скочи ѡтай лютымъ зк'рѣм
 Ко полночи из Бѣлаграда,
 Обѣси си синѣ меглѣ,
- 5 Оутѣрже в ѣзвено стрикѣсы,
 Братѣ отвори Новоуградоу,
 Славоу разшибѣ Прѣславоу,
 Скочи во локоме до Неміигы с Дѣдоуток.

- На Немзѣ снопѣ стѣлютъ голѣвами,
 0 Мѣлотите чѣпы харалѣжннми,
 На тоцѣ живѣтъ кладѣтъ,
 Бѣютѣ доушѣ от тѣла.
 Немізѣ кровави брезѣ
 Не во локоме вѣахоутѣ посѣянн,
 5 Посѣянн костьми роускѣхъ сынѣв.

Бѣславо князь людемъ соудѣаше,
 Княземъ рядѣмъ рядѣаше,
 Я самъ в нѣч во локоме рѣскаше:
 Из Кѣева дорѣскаше до коуръ Темѣторѣкани,
 Бѣлкомоу Хѣросови во локоме поутѣ прѣрѣскаше.

- 50 Тóмоу во Полѣтестѣкъ позвѣстиша
 Заѣтринюю рано оу свѣтѣхъ Сѣбѣнъ,
 Я би во Кѣвѣкѣ зѣвоу слышша.
 Ящѣ и вѣщама доуша в дѣроузѣкѣ тѣлѣкѣ,
 Но частѣ вѣдѣи страдѣши.
- 55 Тóмоу вѣщаний Бѣшино
 И пѣревое припѣвкоюу смлыслѣный рѣче:
 „Ни хытрѣ, ни гѣраздоу, ни птѣцю гѣраздоу
 Сѣда вѣжни не мѣноути“.

- О, стѣнати рѣскоу землѣи,
 60 Поминѣвше пѣревоюю гѣдиноюу
 И пѣревоу кнѣзѣи!
 Тѣго стѣраго Владѣмира
 Не вѣкѣ лезѣкѣ пригѣвѣздити
 Ко гѣрамоу Кѣвѣвскымоу;
- 65 Сѣгѣдне настѣша (?) стѣзѣи Рѣриковы,
 Я дѣвѣзи Дѣвѣдовы,
 Но рѣзѣни пѣшоутѣ им хѣботы,
 Кѣпѣи обѣюдѣна оу нѣю.

 XII.

- Ирѣславниноу глѣсѣ сѣ слышитѣ,
 Зѣгѣицю незнѣвѣмоу раноу кѣчете:
 „Пѣлѣцю, рѣче, — зѣгѣицю по Дѣнавѣи;
 Омѣчюу вѣвѣриноу роукавоу во Кѣмѣлѣкѣ рѣцѣкѣ,
 5 Оутрѣ кнѣзѣюу кровѣвѣвыи вѣгѣ ранѣи
 На жѣстоцѣкѣ вѣгѣ тѣлѣкѣ.“
- Ирѣславѣна раноу пѣлѣчете,
 В Пѣутѣивѣлѣкѣ на зѣвѣрѣлѣкѣ, дѣркоучи:
 О вѣктѣри-вѣктѣрило!

0 Чемъ, — господіне, насилено вѣвши?

Чемъ — мычши хинѳескы стрѣлкъ

На своєю нетрѣдною крильцю

На мѣста ладъ вой?

Мало ли ти вѣшите горѣ,

5 Бѣгати под ѳлакы,

Лелѣючи корабли на синѣ морѣ?

Чемъ, — господіне, —

Моѳ весѣлне по ковьялю развѣка?

Прославлена рано плачете, Поутѣваю гѳородоу,

0 На заборѳлѣ аркоучи: — О Днѣпрѣ Словѣтницю!

Ты пробѣл всеі камѣнны гѳоры

Сквѳзѣ зѣмлю половѣцкѣю.

Ты лелѣял еси на сѣбѣ Святославлн нѳсады

До полокоу Ковѣвова.

5 Возлелѣй, — господіне, — мою ладъ ко мнѣ,

Явѣх не слѣла к нѣмоу слез на морѣ рано.

Прославлена рано плачете

Е Поутѣвлѣ на заврѳлѣ аркоучи:

Свѣтлое и трѣсвѣтлое Сѳлнце!

0 Всеімо тѣпло и краснѳ еси.

Чемъ, — господіне,

Прѳстре гѳорачюю свою лѣчу

На ладъ вой? Е полѣ безводнѣ

Лѣчею им лѣци сопрѳжѣ,

5 Тоуѳѳю им тоуѳай затчѣ?

XIII.

Прѣсноу морѣ во полѣнощи:

Надѣте смѳрци мѣглами.

И'горьви (кнѣзю) Бѣго пѣте кѣжити
 Из зѣман половицкми на зѣмлю рѣскоую,
 5 Ко отнѣю златѣ столѣ.

Погасѣша вѣчероу зарѣи.

И'горь спит, — —

И'горь бдит, — —

И'горь мѣслию полѣ м'крѣит

10 От вѣликаго Дѣноу — до мѣлаго Донца.

Комѣнь к полѣночи...

Окѣр свиснѣ за рѣккою,

Кѣлнте кнѣзю разѣмѣти.

И'горя кнѣзѣя не бысть.

15 Кликноу, стоуцкноу зѣмѣя,

Пошоумѣ травѣ:

Кѣжи половицкми си подвизѣша си.

Я И'горь поскѣчи горнастаѣме ко трѣстнию,

И вѣкѣлме гогѣлме на вѣдоу,

20 Бокѣрже си на вѣрз комѣнь,

И скѣчи с нѣго вѣсым (?) вѣлокоме,

И потѣче ко лоуцѣ Донца,

И полѣтѣ соколом под мѣглами,

Извивѣа гѣси й лѣвѣди —

25 Завтрокѣ и овѣдѣ и оужнѣ.

Колѣ И'горь соколоме полѣтѣ,

Тогда вѣлоу вѣлоком потѣче,

Трѣси собою стоудѣноую рѣсѣ:

Претѣрѣста во свѣа вѣрзѣи комѣни.

30 Донѣц рѣчѣ: — „Кнѣже И'горю!

Не мѣло ти велѣчнѣя,

Я Кѣнчакоу нѣлюбнѣя,

Я рѣскон зѣмѣи вѣсѣлнѣя“.

И'горь рѣчѣ: „О Дѣнче!

Не мѣло ти величина,
 Дѣлѣвшоу князю на колонахъ,
 Стѣлѣвшоу зѣленоу емѣ травъ
 На своихъ сѣверныхъ брезѣхъ,
 Одѣвавшоу его теплыми мѣглами,
 Под сѣню зѣленоу дрѣвѣ.
 Стрѣжаше в гоголеме на водѣ,
 Чайцами на строуяхъ.
 Черенядки на вѣтрѣхъ.
 Не тако ти, — рече, рѣка Стѣгна:
 Хоудѣ строю имѣки —
 Пожереш чюжи рочьи
 И стрѣгы рѣстре на коустѣ.
 Оуношоу князю Ростислава
 Затвори днѣ при тѣмнѣ бѣрезѣ.
 Плѣчете ся мѣти Ростиславѣи (?)
 По ѣноши князю Ростиславѣ.
 Оуныша цѣкты жалобю,
 И дрѣво с тоугою ко землѣ преклонилось“.

Не сорѣкы втрѣскѣташа:
 На сѣдоу Игоревѣи —
 Гзѣко ѣздите со Кончакѣм.
 Тогда врани не грахоуте,
 Галици помѣлкоша,
 Сорѣкы не трѣскѣташа,
 По лѣзю подозѣша только;
 Дятлове тѣктоме ко рѣцѣ пѣте кажоуте,
 Головиѣи вѣселыми пѣсьми свѣто повѣдаюте.

Моловите Гзѣко Кончакѣви:
 „Аже сокол ко гнѣздѣ летѣт,
 Соколича рострѣлѣевѣ
 Свѣими злѣчными стрѣлами“.

Рече Кѡнчако ко Гзѣ:

„Аже сокол ко гнѣздѣ лѣтѣт,
Я вѣ сокольца опѣтаевѣ

70 Красною дѣвицю“.

И рече Гзѣко Кѡнчакови:

„Ще егѡ опѣтаевѣ красною дѣвицю,
Ни нѣма вѣде(т) сокольца,
Ни нѣма красныа дѣвицѣ:

75 То почнѣте нѣю птици вѣти
К половѣцкоме полѣ“.

XIV.

Рѣко Бѡшно, нехѡды на Святѡслава,
Пѣствѡрца Олъгова, — кѡгани хотѣ:

„Тѣжко головѣ ти крѡмѣ плѣчу;
Зло ти тѣлоу крѡмѣ головы...“

Б Рѣскон землѣ без Игоря!

Свѣтитѣ ся солонце на небесѣ:

Игорь князь во рѣскон землѣ.

Дѣвици поют на Дѣнан:

Вѣйте ся чрез мѡре голосѣ до Кѣева,

10 Игорь ѣдетѣ по Бѡричевоу

Ко святѣй Богѡродици Пирѡгѡщей.

Страны радн, градн вѣсели,

Пѣвше пѣсно старѣмо князѣм,

Я потѡмоу молодѣм.

15 Пѣти: слѣва Игорю Святслѣвланчу,

Боуѣ-Тоурѣ Евсеѡлодоу,

Владѣмирови Игорѣвнчу!

Здравн и князѣ и дружинѣ!

ПЕРЕКЛАДЪ.

Перекладъ, якій пониже подаю, не може одати въ повнотѣ всен красы оригиналу; я не поеть, такъ и не въ силѣ наслѣдувати первотворъ зъ его численными властивостями. Для мене було головнымъ старанемъ, переложити бодай въ ритмичной прозѣ и по можности ясно и вѣрно. Перекладати дословно, якъ то чинять инши выдавцѣ „Слова“, уважавъ я працею хибною, а навѣтъ шкодливою, бо зъ красной поезіи вытворюе ся тогда якійсь безъобразный языковый хаосъ, неприятный для слуху, якась часто беззвязна урывочна бесѣда, котра для сучасныхъ людей могла бути зрозумѣлою, але до нашихъ понятій и вымогъ въ той формѣ не надае ся. Та попри всѣй сумлѣнности въ выготовленю вѣрного перекладу, я позволивъ собѣ для лучшей синтактичной и рѣчевой звязи ту то тамъ вложити якась невнятна слѣва, а при митологичныхъ виразахъ и въ бѣльше темныхъ мѣсцяхъ я таки нарочкомъ додаю якійсь поясняючий додатокъ, щобы допомогти до зрозумѣня тексту.

Перекладъ мой иде ямбами и трохеями черезъ весь поемать; читати треба тымъ акцентомъ, якого мы въ Галичинѣ въ щоденной розговорной бесѣдѣ уживаемо. Гдекуды акцентъ назначаю зъ огляду на читателейъ закордонскихъ, а такожъ въ словахъ, где наголошуване у насъ не усталило ся (сѣк олы и сѣк блы, шѣломомъ и шѣломомъ). Впрочемъ я пересвѣдченый, що мой перекладъ змуситъ до ритмичного читаня, бо гармонійна будова поодинокихъ реченій конечно вплине и на слухъ читателя.

I.

Чи не булѣбъ то добре, братя, начати на стародавний ладъ ою скорбну пѣсню про войну Игореву, Игоря Святославича? Нехай начне оя пѣсню моя по правдѣ-былинѣ часу,

а не по придумкамъ Бояна. Вѣщій бо Боянъ, если кому творити пѣснь хотѣвъ, онъ оловѣмъ розганяево по мысли дѣреву, а сѣрымъ вовкомъ нѣсь ся по земли, а шизымъ орломъ поидѣ облакъ. Запаятавъ онъ, якъ самъ каже, первопочины домашнихъ вѣйнь князѣвъ: тогда пускавъ онъ десять соколѣвъ на стадо лебедей, а якъ котрый лишъ соколъ къ стаду долѣтавъ, вже лебедь пѣсню починала: и старѣму Ярославу, и хоробрѣму Мстиславу, що зарѣзавъ бувъ Редю передъ полками касоскими, и красному Романови Святославичу. Та нѣ, не десять, братя, соколѣвъ Боянъ пускавъ на стадо лебедей; онъ десять вѣщихъ пальцѣвъ на живи струны покладавъ, онижъ князямъ самѣ вже славу голосили.

Почнеможь, братя, повѣсть нашу ѡдъ старѣго Володѣмира до нынѣшнѣго Игоря, що умъ скрѣпивъ своею силою а сердце мужествомъ-завзятемъ поостривъ, що повный духа боевого наводивъ хоробрѣ воинство свое на землю половецкую за землю рускую.

II.

О Бояне, оловѣю нашего вѣку! Кобы такъ ты защебетавъ про полки тѣ, скачучи мовъ оловѣй по мысли дѣреву, лѣтаючи немовъ орелъ пѣдъ облакъ, звиваючи для славы обѣ половины днешнѣго вѣку, Троянимъ шляхомъ скачучи черѣзъ поля на горы. Князямъ ты иншимъ пѣснь спѣвавъ: „Не буря понесла соколѣвъ крѣзь широкии степи; то галки стадами летять ко Донови великому.“ Теперь бы Игореви, внуку Олега, ты пѣснь такую заспѣвавъ, Бояне вѣщій, внуче Бѣхесѣвъ!

Конѣ ржуть за Сулою рѣкою, слава въ Кіевѣ дзвенить-лунае, трубы трубять въ Новгородѣ, хоругви стоятъ въ

Путивль. Дождает Игорь брата своего Всеволода. И рече ему Буй-Туръ князь Всеволодъ: „Одинъ ты братъ, одинъ ты свѣтъ, пресвѣтлый Игорю, оба мы Святославичи! Сѣдлай, мой брате, конѣ скоропадни свои, мойжъ готовя уже, осѣдлай у Курска напередъ. Мои Куряне свѣдомы конники: подъ трубами повиты, подъ шеломами лелѣяны, концемъ одъ коня годованы; дороги все имъ вѣдомы, яруги знаны, лукы въ нихъ натяжены, сагайдаки отворены, сабли наострены: сами мои сѣри вонки поскакують степомъ, роздубаючи для себе честь, а славу для князя.“

III.

Тогда поглянувъ Игорь князь на Сонце и узрѣвъ одъ него тьмою войско все свое покрыте. И промовявъ князь до дружини своей: „Братя-дружини! вже лучше най мене потнуть, нѣжъ мавбы дати ся въ полонъ! Вже, братя, всядемо на конѣ скоропадни свои, поглянемъ якъ вливаецъ въ сине море Донъ!“ То умъ князеви розгорѣвъ жадобой войны, а знамено зловѣще, жалостне для него, заступило путь ему ко Донову великому. „Я хочу — мовить князь — вразъ зъ вами, Русины, въ найдалшихъ кончинныхъ степу Половцѣвъ приломити коніе свое; я хочу голову свою покласти, або шеломомъ напиться Донской воды!“

Тогда вступае Игорь князь у стремень золотый и ѣде смѣливо безкраими степами. Сонце тьмовъ ему до рогу заступае; нѣчь грозой застогнала, будить птаство изо ону; воздухомъ роздавъ ся свистъ звѣрять, а зъ верху свѣтового древа кличе лютый богъ поганцѣвъ, збройный Дивъ — велить спѣшити въ бѣи земли незнаной: Волзѣ и Поморю и Посулю, Сурожеви и Корсуневи, и тобѣ, тьмуроканьскій болване!

И ось на покликъ Дива неуѣзжими дорогами сѣшаты летать Половцѣ къ Донови великому; скрипѣть телѣги ихъ въ опѣвочи, мовь лѣбеди роспущей. И Игорь войско къ Донови веде... Ой вже Обида глѣдае за нимъ въ подобѣ птицѣ, вже грѣзу срозать по ярахъ вовкѣ, вже орлы клетомъ зовуть на кости звѣрину, вже брешуть лиолицѣ на рускѣи червоинѣ щиты. О земле рѣдная, ты вже не есь безпечнымъ захистомъ теперь!

IV.

Довго-довго меркне нѣчь; зорѣ небомъ засвѣтили, землю мрака налягла, щебѣтъ стихае соловѣвъ, гаморъ галичъ пробудивъ ся. Русины широкѣи поля червоными щитами перегородили, добуваючи для себе честь, а славу для князя.

А у пятницу раненько-рано Русины погане войско потоптали половецкѣ и розсыпавшись стрѣлами по степу, имали половецкихъ красавиць-дѣвчатъ, а зъ ними золота собѣи придбали, паволокъ и оксамитѣвъ дорогихъ. Бесѣгами и опанчачами й кожухами мѣсты мѣстятъ Русины по болотахъ и по млаковинахъ, тай всякими дорогоценностями половецкими. Червоный стягъ Половцѣвъ, бѣла хоругѣвъ, червона чолка и срѣберне рѣтище — побѣдна добычь храброго Святославица! Безпечно на опочинѣ въ степѣ лягае Ольгове хороброе гнѣздо, — далеко залетѣло! Знай, не для Обиды въ жертву породило ся оно: нѣ соколу нѣ крѣчету, и нѣ тобѣ, ты червоный вѣроне, поганый Половчине! Газа бѣжить-летить на помѣчь мовь той сѣрый вовкѣ степами, а Кончакъ ему дорогу-слѣдъ проказуе ко Донови великому.

V.

На другій день, ще вельми рано, зарево кроваве возвѣщае свѣтъ; великій чорній тучѣ въ моря наднеслись, хотять прикрыти сонць чотыри, а у нихъ дрожать-трепечуть лисавки злобожй. Буде грѣмъ великій! Дошь подѣ-поллѣсь стрѣлами ѡдъ великой рѣки, ѡдъ Дону! Не одно тутъ копіе поломить ся и не одна тутъ шабля выщербить ся, бьючи ѡбъ поганія лобѣи Половцѣвъ на рѣцѣи Каалѣ — при великомъ Донѣ!

О земле руская, ты вже не соь могучимъ захистомъ теперь! Вѣтры, Стрѣлбога внуки, въ моря вѣютъ мчатъ стрѣлами на хоробрѣи полки Игоревѣи. Осъ вже дудонъ чути недалекій, рѣки каламутнѣи потеклѣи, степнѣи покрылѣи порожами, хоругвѣи изъ вѣтромъ щось шепочуть. То Половцѣи наднеслись ѡдъ Дону и ѡдъ моря и въ усѣхъ сторонъ: доволоа обступаютъ войска рускѣи. Бѣсового батька дѣти крикъ вчинили на весь степъ, а Русины хоробрѣи степъ червоными щитами перегородили.

Яръ-Туръ Всеволоде! першій ты стовишь въ рядѣхъ и першій прыскаешь на поганяи половецкую стрѣлами, першій гремотишь булатными мечами ѡбъ лобѣи поганцѣвъ. Ты куды поскочишь, золотымъ своимъ шелѣмомъ блискотячи, вже поганцѣвъ головы стелѣтъ ся по земли; оварокѣи-великанскѣи ихъ шелѣмы ѡдъ шабелъ сталевыхъ въ дрѣбнѣи окіпочки поскѣпанѣи ѡдъ тебе, Яръ-Туръ Всеволоде!

Чижь найдемо, брата, днесъ цѣну для княжеской дорогой раны? Для добра ѡнъ руской землѣи забувъ на почести, на жизнь овою и на Чернѣгѣи гѣи гѣи гѣи, на батькѣи-воковскѣи золотый престѣи, на любу ладочку овою, на красной Глѣи-бонной звычайѣи и обычаѣи!

VI.

Були, минули ся варяжїи, кровавіи вѣки; минули ся щасливїи Ярославовїи лѣта; настали полки Олеговїи, Олега Святолавича. Той Олегъ свары-нелады ковавъ мечемъ и стрѣлы сѣявъ по земли. Онъ въ стремянь золотый вступае въ гóродѣ Тьмутороканѣ. Чувъ же звенкòтъ того стремени давнїи великїи Всеволодъ (сынъ Ярослава), а Владїмиръ князь щодень ранками уши закладае: не добрòиъ ему той дзвòнъ вѣщуе у Чернїговѣ! Полягъ у вòйнахъ тыхъ и Бòрисъ князь, прїятель Олега; онъ олавы забажавъ и слава на травѣ зеленòй застелила му покровъ мертвецкїи и повелá его на вѣчный судъ. Тогда при Ользѣ Гориславичи и сѣллось и поростало сварам-незгодами на Руси; гинула земля Дажбожа, середь княжихъ заверухъ корòталось жите людей. Тогда по рускои земли лишъ рѣдко веселились ратаї, вороны часто грали-кракали, мѣжь себе трупы роздѣляючи, и галки втѣшно гаморили забираючись летѣти на богатый жврѣт. Такъ дѣялось въ часѣ военъ варяжихъ и въ часѣ тыхъ Олеговыхъ пòходòвъ, а рòвнои, якъ нынѣшна вòйна, изъ поконвѣкъ нѣкто на свѣтѣ не чувавъ.

VII.

Одъ сонця восхòду до вечера, одъ вечера до свѣта стрѣлы падають каленїи, гремòтять шаблѣ въ шелòмы, копія булатнїи трескотять въ стєну незнанòмїи, середь половецкого краю. Чорная земля пòдъ кòньскими копытами кòстьми посѣяна булá, а крòвью пòляна, тугá вродила ся по рускои земли. Що се за шумъ, що се за дзвòнъ я чую рано передъ зòрями? То Игорьъ полки заворочуе, бо жаль му брата милого своего Всеволода. Бьòтъ ся день и бьòтъ ся другїи,

а на третій пѣдъ полудне хоругвѣи ся здали Игоревѣ. Тутъ оба хоробрѣя брата розлучили ся на березѣ Каялы, тутъ вина не выстало кровавого, тутъ пяръ гуляне докѣчили Руины хоробрѣя: упояли гостенькѣвъ-сватѣвъ, самѣжь сердечнѣя полягли за землю рускую. Поникла-звянула ѡдъ жалощей трава, а дерево зъ великою тугѣи охлило до землѣ.

VIII.

Ой вже, брата, невеселая година стала, вже въ пустыни войско руске погреблѣ. Обида злая отанула посередъ войскъ зъ Дажбожов землѣ; святою Дѣвою она спустилась на трибожу землю, плеще лебедяными крыльѣи на синѣмъ мори, плюскотомъ у Дону будить жирнѣя-грабежнѣя часы. Минулись войны на поганцѣвъ изъ за княжескихъ незгодъ; сказавъ бо братъ до брата: „се мое, и то мое!“ — и зъ дрѣбною марницѣи уроода велика рѣчь. Незгоды вѣчнѣя и свары вѣчнѣя князь одинъ на другого куде, поганцѣ-жь радѣ тому, зъ всѣхъ сторонъ зъ побѣдами на землю руску набѣгають.

О далеко соколъ нашъ загнавъ ся, вражѣи птицѣи побиваючи ко морю, а хоробрѣхъ Игоревыхъ войскъ уже не воскресити! Позадъ Игоря почувъ ся кликъ поганця Кончакѣа, а Гза погнавъ на землю рускую, кидачи пожогу зъ своего поломѣнь-рогѣа. Жѣны рускѣи заплакали горенько: „Ой вже, кажутъ, намъ миленькихъ нашихъ ладъ нѣ мысля змыслити, нѣ думкою здумати, нѣ очима оглядати, и нѣ золотомъ нѣ орѣбломъ намъ вже бѣльше не играти!“ Ось вже стогне, брата, Кѣвъ тяжкою тугѣю, а Чернигѣвъ гине пѣдъ навалою врагѣвъ; сумъ розлявъ ся по земли Дажбога, смутокъ тяжкѣи розпливає ся по Русѣи. Отъ до чого свары допровадили князѣвъ: поганцѣи днесъ зъ побѣдами на землю

руску налѣтають, выбираютъ дань по бѣлицѣ зъ каждого двора!

Оба тѣ Святославичѣ хоробрѣ, Игорь князь и Всеволодъ, на-ново разбудили Лжу, що бувъ приспавъ отецъ ихъ Святославъ — грѣбный, великій, Кіевскій. Онъ бувъ грозою на поганъ; онъ пострахъ наносивъ своими сильными полками и харалужными мечами, наступавъ на землю половецку, здоцтувавъ и хѣлмы и яруги, скаламучувавъ и рѣки и озера, высушувавъ потоки и болотá, а Кобяка поганого изъ Лукоморя вырвавъ онъ, мовъ вихоръ-ураганъ, зъ посередѣ тыхъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ: — и погибъ Кобякъ у мѣстѣ Кіевѣ, у Святославовѣмъ двѣрци. Тогда и Нѣмцѣ и Венедцѣ, Греки и Моравцѣ спѣвомъ величали славу Святослава, а теперь въ догану мають Игоря князя, що руске золото на жиръ Обидѣ затопивъ на днѣ Каалы, половецкой рѣки. Тутъ Игорь князь зъ сѣдла своего высѣвъ золотого, а усѣвъ въ сѣдло невольника.

IX.

Знемогли бдѣ смутку стѣны городѣвъ, поникли радощѣ людей. А Святославъ такій мавъ божій сонъ: „У Кіевѣ на-горнѣмъ сей noci зъ вечера, казавъ онъ, одѣвали ми Дѣвицѣ готскій герянымъ покрываломъ на пѣстели своѣй; давали пити миѣ вина животворящего, безсмертного; порожными сагайдаками зволючи поганои менѣ на лоно сыпали жемчугъ великій, пѣстами та любощами забавляючи мене... Снилось, що не стало сволока въ моѣмъ теремѣ золотопобитѣмъ; що вою нѣчь Боусове вороне кракало у Плѣснеска на оболоню, що бдтакъ погане птаство понеслось въ Исканьскій дебри, а зъ тамъ бдтамъ полетѣло зъ жиромъ та добычею назадъ до моря синѣго.“

Тогда бояре кажутъ до князя: „Уже твоѣй духъ покрывсь тугбю, княже. То соколы два злетѣли изъ батьковскаго престола золотого, пошукати гброда Тьмуторокана або шѣломомъ напетись Доньской воды. Обомъ соколамъ крыльця еже присѣчено поганьскими шаблями и обохъ олувано въ желѣзнии пута. И стало темно въ третій день: померкли сонця два, багрѣнии оба стовпѣ погасли, а изъ ними мѣсяцѣ два молодѣи, Святославъ и Олегъ, тьмою оя поволоклѣ. На рѣцѣ Каалѣ тьма покрыла свѣтъ: по руской земли простерли оя Половцѣ, наче пѣрдуже гнѣздо, и въ мори погрузили золота на жиръ Обидѣ, и великое буйство вчинили ханови. Вже ганьба станула въ похвалѣ, Джа приспана кинулась на волю, лютый Дивъ на землю павъ. Ось и Готбвъ божіи Дѣвицѣ заспѣвали понадъ берегами моря: дзвенкотячи рускимъ золотомъ спѣвають про часы великого своего Буса, тѣшать оя про пѣмщену неславу Шароканову... Веди насъ, княже на Обиду, въ ббѣи зъ поганьствомъ вражимъ: мы, твои бояре, багнемо розвеселити оя.“

Тогда великій Святославъ изъ себе ронитъ слово золоте, полите слѣзами, и каже: „О мои сыновцѣ, Игорю и Всеволоде! стали вы за рано землю половецку цвѣлтити мечами, а собѣ шукати хвалы. Отъ якои хвалы доборолись и зъ якою славою вы кровь погану проливали! Вашѣ мужниіи оерцѣи въ горячбмъ харалузѣ окованѣ, а въ буйному завзятю загартованѣ. Чомужъ такую нечестъ навелѣи вы на отаречіи оребнѣи волосъ мбѣи? Вже я не бачу власти сильного ѣ богатого, не бачу много войска брата мого Ярослава изъ его чернѣгбвскою дружною, изъ Могутами ѣ зъ Татранами, изъ Шѣльбирами ѣ зъ Топчакѣми, изъ Ревугами и зъ Ольберами. Та бо и безъ щитбвъ, зъ голыми ножами, крикомъ ворога поборювали, дзвонячи у прадѣбвску славу... Выжь, мои бояре ѣ дружинѣ, оказали днесъ: „Самѣи мужѣймо сѣ на ббѣи! самѣи Половцѣамъ славу бдберѣмъ, самѣи новою славою

дѣлимъ ся!" Гарна шаха рѣчь и не велике диво, якбы ѿ я старый изъ вами вразъ помолодѣвъ. Коли роняе обокѣтъ пѣре звѣтшале свое, высоко бнѣ за птицами женесь: не дасть своего окривдѣти гнѣзда. Одно лишъ лихо, брата, що князѣвъ намъ помочи яе буде; на нѣщо веселіи години обернули ся. Ось чути, Умира доньки кричатъ изъ пѣдъ шабѣль Половцѣвъ, чути Володѣмаръ князь цѣлый покрывъ ся ранами... Туга и тоска Глѣбовому сыну!"

X.

Великій княже Всеволоде! чи тобѣ не въ думцѣ прилетѣти здѣлека, отцѣвского престола золотого стеречи? Ты можешь Волгу розкропити вѣсками, а Донъ шеломомъ выляти? Колибъ ты тутка бувъ, невольница булабы по ногатѣ, а кощѣй по рѣзанѣ. Ты виѣшь и по суши самострѣлами живыми на врага стрѣляти: вдѣлыми сынами Глѣбовыми!

А ты, смѣливый Руриче ѿ Давиде! чи не вашѣ то золоченѣ шеломы плавали въ Половцѣвъ крови? чи не ваша то хоробра дружина реве мовѣ тѣя туры, рѣненѣ булатными шаблями въ поля незнакомѣмъ? Чомъ же не вступаєте у золотіи стремена свои? Не вжежь вамъ не помстити ганьбы днешного часу, не мстити ся за землю рускую, за раны Игоря, смѣливого Святславича?

Осьмомысле Ярославе зъ Галича! Высоко ты засѣвъ на златокованѣмъ своѣмъ столѣ! ты горы подонеръ угорскіи своими полками желѣзными, дорогу въ Русь ты королеви заступивъ и пристушъ до Дунаю ворогамъ заперъ, кидаячи тягаръ-камѣне мѣтавками черезъ облаки, судами правлячи далеко по Дунаѣй. Твои то грозы пострахомъ по всѣхъ земляхъ несуть ся: ворота ты одчиняешь кѣвская, стрѣляешь

изъ батьковскаго престола золотого хановъ та султановъ за далекии землями. Нынѣ, господине, стрѣлы наверни на Кончака, поганого кощавца, моти за землю рускую, за раны Игоря, смѣливаго Святолавича!

А ты, Ромѣне смѣлый и Мстиславе! Мысль хоробрая несе вашъ умъ на дѣло. Въ буйности-завзятю вы высоко пѣднялись, якъ соколъ що ширяе въ вѣздусѣ, хотѣчи птицю силою добути. Е у васъ желѣзній чудотворній панороти пѣдъ латиньскими шелѣмами: ѡдъ нихъ земля ся потрясла и много хановыхъ краѣвъ: Литва, Ятвяги, Деремела и Половцѣ педъ паноротю тою покидали списы до земли и поклонили головы пѣдъ вашъ харалужнѣи мечѣ. Тенерь до дѣла вамъ порѣ! Осъ Игоревѣи сонце вже не ѡвѣтитъ въ повный давный блескъ, и дерево въ недобрый знакъ зронило листе до земли. По Росѣи по Сулѣ днешь поганцѣ дѣлятъ гѣроды мѣжь себе, а хоробрыхъ Игоревыхъ войскъ уже не воскресити! Донъ до тебе, княже, кличе и зове князѣвъ на бѣи въ Обидю. Ольговичѣ, хоробрѣи князѣ, готовѣи на борбѣ.

Ингваре и Всеволоде и всѣ три Мстиславичѣ! знатнѣо роду шестокрыльцѣ! Не Обиды жребѣилями вы захопили для себе власть. Ѳдъ чоѣгожь вашъ золотѣи шелѣмы и списы ляцкѣи та щитѣи? Загородѣте воротѣи стѣпамъ своими острыми стрѣлами, мотѣтъ за землю рускую, за раны Игоря, смѣливаго Святолавича!

XI.

Вже Сула не тече среберными струями къ гѣроду Переславлю; вже и Двина потекла болотомъ въ край полоцкѣи середъ наклику поганѣи Литвы. Одинъ лишъ Изъяславъ, Василька сынъ, своими острыми мечами виѣвъ дзвонити ѡбъ литовскѣи лобѣи; Всеслава, своего дѣда, славу перестигши,

бнѣ полягъ подъ щитами червоными на окровавленой травѣ, порубанный литовскими мечами. Ще въ послѣднѣ схопивъ ся на постели кровавой князь хоробрый и оказавъ: „Твою, о княже, дружинѣ прикрыло птаство крылами, а звѣри полизали кровь.“ Не було тамъ нѣ брата Брячислава, нѣ не було Всеволода; самъ одинъ зронивъ жемчужну душу изъ хороброго своего тѣла черезъ ожереле золоте. Изнемогли зб смутку голосы, поникли радощѣ людей: ляхъ городеньскій похороннй сурмы-трубы жалостно квялять за домовиною князя.

Ярославе и Всеславовй воѣ внуки! вже охилѣтъ свои стягй, вложѣтъ въ похвы свои поганьбленй мечъ! уже одпали вы ѡдъ своихъ предкѡвъ славы. Вы незгодами своими навели погань на землю рускую, на власную батькѡвщину свою. За вашими то оправками-незгодами пришла на насъ недоля ѡдъ землѣ Половцѣвъ!...

На семѡмъ мѣсяци Троянѣго панованя Всеславъ кидает жребій ѡдъ Дѣвицѣ Бѣлы. Онъ то клюками подпершись скачет марюю-конемъ идъ Кіеву и доторкаеть рѣтищемъ до золотого тамъ престола. Ѳгай скачет лютымъ туромъ въ пѡвночи изъ Бѣлгорода и повисши въ сннихъ облакахъ ошибает въ тализманъ свѡй, въ богомъ даный свѡй чепецъ, обидный жребія боёвой. Зъ ними бнѣ несеть-летитъ у Новгородъ, городокй ѡдчиняет воротѣ, старого Ярослава розшибает славу, вовкомъ скачет до Немиги зъ Дудутокъ.

На Немизѣ головы стелятъ снопами, бьютъ-молотятъ харалужными цѣнами, на тоцѣ жите кладутъ, ѡдъ тѣла душу вѣютъ. Береги Немиги очервонѣли ся ѡдъ крови — не добромъ булй засѣяны: засѣяны кѡстями поляглыхъ Рускнѡвъ.

Всеславъ судивъ людамъ, ряды рядивъ князямъ, а самъ ночами вовкомъ нѣсѡ ся; зъ Кіева въ ночи Тьмутороканъ доскачавъ передъ пѣвнями-курмй: великому Дажбогу-Хоросови дорогу вовкомъ перебѣгъ. Ему въ Полоцку подзвонили рано до заутренй въ святой Софій, а бнѣ у Кіевѣ почувъ

Софійскій дзвонъ. Та хочь родивъ ся бытъ у лавенъ-чещи, хочь вѣщу душу мавъ у другомъ тѣлѣ, всежь бытъ на вѣку овоимъ неразъ бѣды зазнавъ. Недаромъ вѣщій нашъ Боянъ у-перве умну прищѣвку ему вложилъ: „Нѣ хитрый, нѣ богатый, нѣ якъ птиця скорый суда божого не обминѣ!“

О, стонати рускою земли, згадавши першіи часы и першихъ рицарѣвъ-князѣвъ! Старого того Володимира не можь було удѣржати при горахъ кievскихъ, а нынѣ роздѣлилася руская земля: ту войска Руриковѣ, тамъ Давидовѣ — лишь рѣжнй повѣвають бунчуки на хоругвѣахъ, и копія у войскъ изъ двохъ сторонъ заостренѣ!

XII.

Почувъ оя рано голосъ Ярославны, нѣбы коване самотной зазулѣ: „Полечу зазулевъ по Дунаю; змѣчу овѣй рукавъ бобровый у рѣцѣ Каялѣ, обѣтру князеви раны на его горячѣмъ тѣлѣ.“

Ярославна рано плаче у Путивлѣ на городскихъ мурахъ кажучи: „О вѣтре мѣй, вѣтрило! чомъ ты, господине, вѣешь такъ насильно? Чомъ мечешь тѣ стрѣлы хановѣ легонькими своими крѣльцями на войско мого любого князя? Чи мало ще тобѣ, пѣдъ облаками вѣяти горѣ, на синѣмъ мори кораблѣ гойдати? Чомъ же, господине, радощѣ мои въ степу розвѣивъ по ковѣль-травѣ?“

Ярославна рано плаче у Путивлѣ мѣстѣ на городскихъ мурахъ кажучи: „О Днѣпре мѣй, Словутичу! камѣннй горы ты пробивъ еси крѣзь землю половецкую. Ты колисавъ на собѣ чѣвна Святославовѣ, несучи ихъ до войска Кобяка. Пригѣйдай, господине, и моего ладу-мужа къ мнѣ, абыхъ не олака къ нему слезъ на море рано!“

Ярославна рано плаче у Путивлі на городокихъ мурахъ кажучи: „О сонце ясне, тричи ясне! воімъ и тепле ты сон и красне. Чомъ же, господине, лучъ ты горячія свои простерло на князя моего дружиню? На щѣ въ степу безводнѣмъ луки имъ лучами позгинадо и тугѣю имъ сагайдаки заткало?“

XIII.

Бачить море слезы Ярославной и прыснуло въ опѣвночи: несутъ ся зъ моря ираки туманами. Игорю князеви Богъ теперъ указуе дорогу зъ половецкой землі на землю рускую, къ батькѣвскому престолу золотому. Зорѣ зъ вечера погасли Игорь спитъ, не спитъ, ѡнъ мыслями розмѣрюе широкіи степіи ѡдъ Дону до малого Донця. Вже готовъ ствѣтъ для него конь въ опѣвночи. Почувъ ся свистъ зъ позарѣки: то Влуръ велитъ князеви розумѣти. Але Игоря князя нема... И зновъ почувъ ся кликъ, земля стрясалась-застукѣла, зашумѣло у травѣ, воі вежѣ-шатра рухнули ся половецкіи. Зрозумѣвъ вже князь: выважуе опорушену стѣну и скаче горнастаемъ въ очеретъ и бѣлымъ гѣголемъ на воду, допадае борзого коня и скаче зъ него босымъ вовкомъ и жене ко лугови малого Донця, и летить соколомъ попѣдъ ираки-мглы, гусей та лѣбедей стрѣляючи собѣ на снѣдане и на обѣдъ и на вечерю. Коли Игорь соколомъ летѣвъ, то Влуръ гнавъ вовкомъ напередъ, стрясаячи студеную росу собою: притомились швидкимъ летомъ конѣ скоропадніи бѣгцѣвъ.

Каже Донецъ: „Княже Игорю! не мало ти величности, а Кончакови грызоты, а руской земли веселости.“ „Не мало и тобѣ — рѣкъ князь — величности, що ты князя на своихъ фляхъ колювавъ, що ты стеливъ ему траву зелену на своихъ орѣберныхъ берегахъ, що одягавъ его

туманомъ теплымъ въ тѣни дерева, що гоголемъ стерѣгъ его на водахъ, чайкою на струяхъ, а чернядкою на водахъ. Онъ не така то рѣчка Стугна, мовить князь: малій у ней струѣ, але жре чужій воды и неразъ вже повѣнь на-несла лугами по корчахъ. Онажъ и молодого Ростислава за-топила въ своѣмъ днѣ при темномъ березѣ. Сердечна мати Ростиславова! охъ скѣлько не наплакалась она по сынѣ своѣмъ молодѣмъ! Тогда бѣдъ жалоцей и болю цвѣты вянули-сохли, а дерева въ великой тугѣ къ земли оя похилили!“

Не сороки то скрегочуть: се у слѣдъ за Игоремъ несе ся Гза изъ Кончакомъ. Ну, добрый знакъ: вороны вже не крачуть, галки замовкають, вже сороки не скрегочуть, тихо повзають по лозинѣ; дятлове тѣлько стукомъ Игореву вказують дорогу ко рѣцѣ, а соловѣи пѣснями веселыми вѣ-щають свѣтло дня.

Каже Кончакови Гза: „Коли несе оя соколъ въ рѣдное гнѣздо, мы позѣсталога сокольця розстрѣляемо золочеными стрѣлами своими.“ Одрѣвѣвъ Кончакъ ему: „Коли несе оя соколъ до гнѣзда, а мы сокольця спутаемо красною дѣвицею.“ И каже Гза до Кончака: „Коли его мы спутаемо красною дѣвицею, не буде нѣ сокольця намъ, нѣ красной дѣвицѣ, то почнутъ насъ птицѣ бити въ половецкому степу...“

XIV.

Сказавъ Боянъ, поборюючи Святослава, пѣснотворца Олега: „Погано головѣ ти безъ плечей; погано тѣлу кромѣ головы“; — оттакъ и рускои земли безъ Игоря.

На небѣ сонце засіяло: Игорь князь прибувъ на Русь! Дѣвицѣ пѣснь опѣвають на Дунаю: вьють оя черезъ море голоса до Кіева. Уже Игорь ѣде по Боричеву до церкви Богородицѣ святой. Всѣ крайны радѣ, гѣроды веселѣ, заспѣвали

пѣснь старымъ князямъ, потому молодымъ. И мы спѣваемъ :
слава Игоревн Святославичу, Буѣ Тѣру Всеволоду, Володѣ-
мировн Игоревичу. Здоровѣи князѣи дружинѣ!

Пѣснь про Игоря, якъ бачимо зъ горѣшного перекладу, єсть справдѣ поематомъ величнмъ, заснованмъ на широкій розмѣры. Провѣдною думкою поета було, описати не лишь саму нещасну судьбу Игоря, але дати подробнѣйшій образъ сучасныхъ подѣй и представити вѣ головныхъ характеристичныхъ чертахъ всю давнѣйшу исторію Руся. Передъ нашими очима пересувають ся ту рожнїй образы зъ колишної исторіи Руся. Перше всего выступають „вѣки Троянї“, т. є. часы першихъ поганьскихъ князѣвъ, ознаменованїй кровавыми войнами одъ Рурика ажъ до Володимира Великого. Єсть то скандинавскїй періодъ нашой княжеской исторіи, законченїй цѣлковитмъ упадкомъ славянскихъ поменшихъ княжествъ и заведенмъ поганого рабства на всѣй Руся. На рѣвнїи зъ тими Троянїми вѣками ставить авторъ Слова часы князя Олега, головного виновника познѣйшихъ домашнихъ войнъ на Руся. Про тїи домашнїи войны (межиусобицѣ) поеть вѣ кѣлькохъ мѣстцяхъ згадує зъ жалемъ правдивого патріота, и имѣ приписує всѣ нещастя и зневаги, якї Русь часто терпѣла. Докладнежъ знанє сучасной исторіи заявляє поеть вѣ тыхъ мѣстцяхъ поемату, где помѣщена бдозвѣ до князѣвъ всен Руся, щобы спѣшили нещасному Игоревн на помѣчь. При кождѣй такѣй бдозвѣ находимо кѣлька есенціональныхъ и характеристичныхъ датъ зъ исторіи то сего то того князя, межъ иншими такожъ зъ исторіи галицкогo князя Осьмомысла Ярослава.

Паралельно зъ описомъ историчныхъ фактѣвъ иде представлєне двохъ поганьскихъ вѣръ, котрї давнѣйше истновали на Руся, а безперечно вѣ цѣлѣй повнїи жили вѣ традици боляр и народу еще и за часѣвъ Игоря. По сторонѣ Половцѣвъ стоять божества скандинавскїй, символично представленїй вѣ постати Обиды (кривды). Сюды належать: Обида-Дивъ (богъ войны), Обида-Дѣва (богиня-воиница), Обида-Дѣвиця (богиня людской судьбы, Норна); а окрѣмъ того Стрибогъ або Стрѣлобогъ, Троянъ (скандинавска Трїиця божа) и Обида-пятицѣ. Головнмъ мѣстцемъ пробуваня скандинавскихъ або готскихъ богѣвъ була Тро-

яня земля, т. е. область Тьмутороканьска, где мешкали останки колишнихъ Готѣвъ. Все що стоить въ звязи зъ тими божествами, наводить ся въ поематѣ зъ епитетомъ смій: смія мгла, синє море, синій Донъ (при впадѣ до азовского моря), синє вино, смія молніи.

По сторонѣ Русинѣвъ стоить Дажбогъ або Хорсъ (сонце). Але власть сего бога сягала лишъ на Русь саму, — не мала силы въ краю Половцѣвъ; надъ войсками рускими, що загнались далеко въ степь, скандинавскій боги остаточно однести мусѣли побѣду. Множество въ поематѣ роскиненыхъ повѣрокъ изъ славянської митологій: про чудесну силу папороти, про людей що родять ся въ чепци, про сонце, вѣтеръ, воду, про наддунайскій Русалки, про затьмѣне сонця, про добріи и зліи птиці и т. д.

Вѣйну Игоря зъ Половцами представивъ поетъ зовсѣмъ вѣрно, згѣдно зъ оповѣданями лѣтописцѣвъ. Що важнѣйше зъ тыхъ оповѣданъ, наводжу тутъ въ короткости, о скѣлько оно потрібне до лучшого зрозумѣня поемату.

Игорь выбравъ ся на вѣйну зъ Половцами року 1185 вразѣ зъ братомъ Всеволодомъ (княземъ курскимъ), зъ братанцемъ Святославомъ и зъ двома своими сынами; одъ Ярослава, князя чернигѣвского, одержавъ до помочи оддѣлъ войска одъ проводомъ боярина Ольстина Олексича. Союзній войска ишли двома дорогами: Игорь вийшовъ одъ Путивля, Всеволодъ одъ Курска; надъ Донцемъ мали они получитись зъ собою. Дня 1-ого Мая, надближаючись до Донця, спостерегли войска затьмѣне сонця. Хочъ знакъ то недобрий, але Игорь не упадавъ на дусѣ, ему конечно заблаглось воювати зъ Половцами. Перейшовши Донецъ войска станули при рѣцѣ Осколѣ, и тутъ черезъ два дни чекали на Всеволода.

Перша стрѣча зъ Половцами вийшла въ користь рускимъ князямъ: Половцѣ утекли, а Русины заняли ихъ станица, а разомъ богато невольникѣвъ и добычи. Щастливый успѣхъ той борбы додавъ духа войскамъ, они рѣшили ити дальше въ край Половцѣвъ ажъ до Лукоморя (азовского моря), где лежала область Тьмутороканьска. Але заразъ на другій и третій день стали изъ всѣхъ сторонъ выступати новіи половецкій силы. Русины, окруженій ворогами и одрѣзаній одъ воды, були розбитій и дѣстались въ неволю; ледви 15 чоловікѣ уратовалось одъ катастрофы. Лѣ-

топшець славлять хоробрость войскъ рускихъ, тымъ ббльше, що два дни они боролись утомленй великою спрагою, бо не було воды нѣ для войска нѣ для коней. Въ борбѣ ранено Игоря въ лѣву руку.

Игорь перебувавъ въ неволи до весны року слѣдуючого. На просьбы своего конюшого змовивъ ся онъ зъ Половчиномъ Лаворомъ (Влуромъ), а сей ему приставивъ коня и одной ночи, коли сторожа весело забавлялась, Игорь вываживъ стѣну въ свойй вязницѣ и допавши коня погнавъ степами. По одинадцати дняхъ прибувъ онъ щастливо на Русь. Сынъ Игоря, Володимиръ, женивъ ся зъ донькою половецкого хана Кончяка и по двохъ рокахъ вернувъ такожь на Русь, разомъ зъ княземъ Всеволодомъ.

Въ лѣтописи розказано, що Игорь утѣкаючи зъ неволѣ, вложивъ на себе хрестъ и взявъ зъ собою образъ святихъ. Вѣстка тая дуже важна для зрозумѣня 13-ого уступу въ Словѣ Въ цѣломъ поематѣ згадують ся лишъ божества поганьскій, Готвъ и Русинѣвъ, а доперва при кѣнци поемату выступае Богъ християньскій, именно въ уступѣ XIII, где говорить ся про утечу Игоря зъ неволѣ. Для переведеня тои утечѣ сама помѣчь людска не выстарчала, Дажбогъ въ земли Половцѣвъ не мавъ нѣякои власти, для князя единою надѣєю бувъ еще Богъ християньскій, котрому и оддавъ ся онъ въ опѣку. Отъ и наступае теперъ за волею Бога велика акція природы: зъ моря несуть ся безчисленнй мраки и покрывають густымъ туманомъ степъ половецкій, земля починае стукати, трясти ся, всѣ стѣны половецкихъ шатеръ порушають ся. Игореви пришло теперъ легко пѣдвжити слабу стѣну шатра и дѣстати ся черезъ шумящій очеретъ на другу сторону рѣки, где вже стоявъ конь для него приготованый. При помочи Лавора (Влура), охрещеного Половчина, дѣставъ ся князь щасливо до руской землѣ, и тутъ першимъ его дѣломъ було, оддати вдячний поклонъ Богу християньскому, до чого выбравъ онъ церковь св. Богородицѣ въ Кіевѣ.

РИТМЪ ПОЕМАТУ.

Якъ видно въ тексту, цѣле „Слово о полку Игоревѣмъ“ писане ямбами (˘ -) и трохеями (- ˘); на бѣльше якъ 600 стихѣвъ поемату не находжу нѣ одного, котрый бы въ инакшихъ стѣпъ складавъ ся. Такійже ритмъ подыбуемо и въ тыхъ стихахъ, що въ поематѣ дословно наводятъ ся въ писемъ давнѣйшого поета Бояна. Видно въ того, що вся давна исторична поезія збудована була на той самыи ладъ.

Старорускій ритмъ основуе ся не на короткости и довгости самогласныхъ, якъ въ языкахъ латиньскѣмъ и греческѣмъ, але на акцентѣ, подобно якъ въ поезіи теперѣшнѣй; въ тои причины старорускій стихи уважати треба тоничными, а не метричными.

До довгихъ самогласныхъ зачисляю въ Словѣ одно тѣлько ѣ, до короткихъ е, ѣ и ѡ; всѣ иршій що до часу свого вымовлюваня вырѣднались въ собою и були скорше короткѣ нѣжъ довгѣ. Самогласна ѣ довгостею вымовы притягала голось до себе, тому и має звичайно акцентъ.

Въ довшихъ словахъ, одвѣтно до нынѣшного способу писаня, я лишъ одну слябу означую акцентомъ, н. пр. брѣтнѣ, половѣцкоую, возлелѣни. При ритмичнѣмъ читаню (ямбами и трохеями) мусить кожда друга сляба акцентонати ся, проте на довшій слова падае бѣльше акцентѣвъ: брѣтнѣ, пѣловѣцкоую, вѣзлелѣни.

*

На тую властивость тоничныхъ стиховъ звертаю бачну увагу читателя, инакше трудно прійде врозумѣти и бдучути красоту старорускихъ римовъ, опертыхъ головно на ассонанціи звуковъ.

Число стѣпъ въ поодинокихъ стихахъ Слова не есть однакове, хотяи вновь дуже великом рѣжницѣ въ метричнѣй будовѣ не добачаю. Менѣ найкрасшими выдають ся стихи зложеніи въ 5 и 6 стѣпъ, и такихъ наибльше подыбуемо въ Словѣ (н. пр. цѣлый уступъ про галицкого князя Ярослава, дальше уступъ XIV и инші).

Довшіи стихи мають завсѣгды цезуру, черевъ що кождый въ нихъ ровадае ся якбы на два окремі стихи.

Примѣры 5-стопныхъ стиховъ.

1) Тѣжко | голо|вѣ ти | крѣмѣ | плѣчу;
 Зло ти | тѣлоу | крѣмѣ | голо|вы, —
 Рѣско и зе|мли без | И|го|ри.

2) Бысоко | сѣди|ши на | свѣ|ме
 Златѣ|кѣ|вѣннѣ|ме|сто|лѣ,
 Подпѣро | гѣры | зго|рескыи
 Своіми | желѣ|зными | по|ло|кы*)...

3) Слѣви|ю по | мѣ|сле|ноу дре|вѣ,
 Скрѣ|ме | вѣ|ло|коме | по зе|мли,
 Ши|зыме | брѣ|ме под | бѣла|кы.

*) Стихи подъ числемъ 2) суть властиво ямбичніи (˘ ˘), однакъ читане послѣ ямбѣвъ есть для слуху кождого Русина неприяте, проте першіи три силѣбы беру окремо яко амѣбрахъ (˘ ˘ ˘), змушаючи такимъ чиномъ до читаня послѣ трохѣвъ (˘ ˘ ˘), далеко одвѣтвѣвшихъ и природнѣвшихъ нашѣй бесѣдѣ.

Примѣры 4-стопныхъ стиховъ.

1) Ир-Тоу|рѣ Бсе|вло|де!
 Стѣи|ши на|бѣро|ни,
 Прѣще|ши на | вѣи | стрѣ|ла|ми,
 Грѣмле|ши о | шѣло|мы
 Мѣчи | хара|лѣжны|ми.

2) Дохо|гѣ ноч | мѣркне|те;
 Зѣри | свѣто | запа|ла,
 Ме|глѣ по|ла по|крыла,
 Ще|кто сла|вѣи оу|спѣ,
 Гѣвор | гѣлнч | ста оу|бѣ|ди.

Велику розмаитѣсть въ одностайну будову стиховъ вводятъ такъ званѣ перестанки голосу, бракующѣ силыбы. О тѣй дуже цѣквѣй властивости староруском ритмики говоривъ я обпирнѣйше въ 13. и 14. числѣ сегорбчнои „Зорѣ“, проте годѣ теперь розписувати ся богато. Обмежу ся лишъ на кѣлька увагъ.

Въ Словѣ о полку Игоревѣмъ подыбууютъ ся реченя, котрѣ, читанѣ навѣтъ нынѣшнимъ акцентомъ, маютъ вовсѣмъ правильный ритмъ, за те множество иншихъ реченѣй не можъ нѣякимъ способомъ унати въ ритмичну форму. Особливожь велика замотанина заходитъ при пятѣмъ падежи именникѣвъ. Въ Словѣ подыбуесть той падежь около 50 разѣвъ, а всюды псуе онъ ритмъ черезъ те, що по обохъ его сторонахъ (а що найменше по одной) недоставе силыбы.

Тотѣ бракующѣ силыбы рвятъ нашъ слухъ, бо мы привычались поезію читати хибно, бѣльше монотонно, механично, безъ тыхъ перестанокъ голосу, якихъ требуе добра деклямація, а еще до того деклямація поезіи поважнои, героичнои. Прислухаймосъ тѣлько добре звы-

чайной, буденной бесѣды людей, а легко замѣтимо, що въ нѣй пятый падежь выговорюе ся оодѣльно одъ иншихъ слѣвъ реченя, иншимъ тономъ и въ певною перервою голосу въ часѣ бесѣды. Грамматика, числячись въ тою властивостею нашей мовы, установила навѣтъ окреме правило для пятого падежа, приказуючи его комою (протинкою) оодѣляти одъ иншихъ слѣвъ реченя. Що отже въ нынѣшней правописи означаемо знакомъ роздѣловымъ, комою, то въ староруской ритмицѣ выражалось бракомъ силабы. На всякій способъ правило то дуже розумне, на властивостяхъ бесѣды и на риторичныхъ вымогахъ оперте.

Та не лишъ при пятѣмъ падежи, але и всюды при апозиціяхъ, при поясняючихъ додаткахъ, при втрученѣмъ словѣ рече, — въ загалѣ тамъ, где мы посередъ реченя ставимо знакъ роздѣловый, въ поематѣ старорускомъ дѣйстно бракуе силабы. Рѣжниця заходить только тотя, що мы пятый падежь, втручені слова, апозици, поясняючі додатки завначуемо протинкою въ двохъ сторонѣ, а въ Словѣ бракуе силаба ввычайно лишъ въ одной стороны. Я всѣ такі бракуючі силабы завначивъ въ серединѣ стихѣвъ павзами (—), на знакъ, що при читаню выповнити ихъ треба короткими перестанками голосу и черезъ те привернути гармонію стихамъ.

Заходить пытане, для чого на кѣнци реченій, где мы кладемо якийсь знакъ роздѣловый (протинку, знакъ середный, точку, двоточку, знакъ пытаня), силабы въ поематѣ часто не бракують? Мене то наводитъ на думку, що на кѣнци довшихъ реченій мусѣли бути и перестанки далеко довші, що они обѣмали двѣ силабы, отже цѣлу стопу ритмичну. Бракъ одной силабы (половины стопы) мы легко замѣтимо, бо неправильный ритмъ разить нашъ слухъ, але бракуючої цѣлой стопы не легко дости-

речи, бо для слуху виходить часто все одно, чи стихъ (особливо довгий) має одну стопу ббльше, чи менше.

Цѣкавий еще и той появъ въ ритмицѣ Слова, що силабы бракують часомъ тамъ, где припадає цезура посередъ довшого стиху, н. пр. оніжь самі князѣм — слáвоу рокотáхоу; ѣже О'кида егб пасѣт — птиць по-дбѣню; грѣмлеши о шѣломы — мѣчи харалѣжными; из хрáбра тѣла — чрес злáто ожерѣлие; от вѣликаго Дбноу — до мáлага Донцá; Кбнчакo емѣ — слáдо прáвнте ко Дбноу вѣликомуу. Здавсь, що до сєи категоріи стихбвъ бднести нележить и стихъ въ поезій Бояна: гáлицн стады — бѣжате ко Дбноу вѣликомуу.

Колижь теперъ сважимо, що въ Словѣ приходять стихи довшій и коротшій и що интерпункція виражалась бракомъ силабъ, то найдемо въ укладѣ тексту певного рода аналогію межн старорускимъ поематомъ а пбвнѣйшими историчными пѣснями (пду м а м и" зъ часбвъ козаччины). Текстъ, въ частыми перестанками, выголошувавъ ся поетомъ устно, а инструментъ музичный зводивъ текстъ въ ритмичну цѣлбсть, выповняючи згадані перестанки бдповѣдною арією.

Ббльша часть стихбвъ Слова числомъ силабъ (10—14) пригадує стихи въ такъ званихъ великорускихъ былинахъ (историчныхъ пѣсняхъ), въ тою рбжницею, що въ Словѣ всѣ силабы вяжуть ся ритмично въ гармонійну цѣлбсть, а въ былинахъ замѣтна въ ритмѣ надто велика свобода и неправильнбсть. Бесомнѣнно тоті великорускій былины занесені були на пбвнбчь въ Києва, бо бдносять ся переважно до кївского князя Володимира Великого, около котрого групують ся давній рускій богатырѣ-рицарѣ и силачѣ. Зразу и былины мусѣли бути утворами малорускихъ Боянбвъ, и мусѣли мати укладъ ритмичный, якій подыбуємо въ Словѣ о полку Игорє-

вѣмъ, толькожь въ протягу многихъ столѣтій они въ устахъ народу подлягли и языковымъ и рѣчевымъ змінамъ, такъ що въ колишнихъ историчныхъ поевіяхъ лишилась только руна, бо важнѣйшія историчныя факты уступили на другій плянъ, а только повѣстанъ темать такъ улюбленный народомъ, якъ росказы митологичныя и росказы про незвычайну людску силу.

СТАРОРУСКІЙ РИМЫ.

Окрѣмъ ритму вымагаемо бѣдъ доброй поезіи еще и риму, т. е. рѣвнозвучности на конци стиховъ. Римъ есть въ вагалѣ важнѣмъ, музыкальнѣмъ элементомъ поэтичной бесѣды, бо надае ѣй крѣпцу форму и тѣснѣйше звязуе поодинокіи стихи въ себе.

Въ Словѣ о полку Игоревѣмъ розрѣзняти треба тройкого рода римы: 1) алитерацію, 2) ассонанцію и 3) властивіи римы. Поясню тѣ три рода римовъ на примѣрахъ.

А) Алитерація.

Алитерація есть нѣяко „предтечею“ пѣанѣйшого риму и вже бѣдъ дуже давныхъ часовъ становила важну властивѣсть поезіи. Она полягае на тѣмъ, що въ стиху певне число силлябъ починалось або кѣнчилося тою самою согласною. Поезія уважалась особливо тогды красною, коли алитерація находилась въ силлябахъ акцентованыхъ, бо черевъ сильнѣйше наголошуване силлябъ вбивалась и согласна сильнѣйше въ слухъ читателя. Алитерація найкрасше розвинулась була въ поезіи скандинавскѣй и въ старонѣмецкѣй, а и нынѣ еще подыбуемо въ бесѣдѣ Нѣмцевъ богато стальныхъ фразъ, котрі очевидно въ той давнѣйшой эпохи походятъ, н. пр. „frisch,

fromm, fröhlich, frei“ (четыри f на початку слѣвъ), „Geld und Gut“, „Wohl und Wehe“, „Kind und Kegel“, „Leib und Leben“, „Schutz und Schirm“ и т. д. Ритмика Слова выказуе, що и староруска поезія досыть часто побѣчь иишихъ римѣвъ послуговувалась еще и алитераціею, яко традиційнымъ останкомъ въ давнѣйшихъ часѣвъ.

(Примѣры.)

Алитерація за помочю звука вѣ н, м.

Ні текѣ, — чѣреный корѣн, — поганый Половчині!

(5 силѣвъ акцентованыхъ зѣ буквою н)

Онымъ грознымъ Половчаномъ подѣ клѣнкомѣ поганыхъ

(4 силѣбы акцентовані зѣ буквою м)

Алитерація за помочю звука р.

Трѣвы трѣмѣте во Новѣградѣ.

(3 силѣбы акцентовані зѣ буквою р)

Тоу пір докѣнчаша храбрин Рѣсичи.

(3 силѣбы акц зѣ буквою р)

Ріща в трѣпоу Трѣблю — чрѣс полѣ на гѣры.

(4 силѣбы акц. зѣ буквою р)

Страны радн, грады вѣселн.

(3 силѣбы акц. зѣ буквою р)

Алитерація за помочю звука с.

Иже истигнуоу ѣмо крѣпостю своєю

И побстри сѣредца своѣго моужествомъ.

(въ 7 словахъ приходитъ буква с)

Бѣрисѣ же Бѣчиславчанѣ слава на сѣдо приведе.

(3 силѣбы акцент зѣ буквою с)

Сѣ ли стѣбористѣ моеи сребрѣнкѣ сѣдинѣ.

(4 силѣбы акц. зѣ буквою с)

Высоко сѣдиши на своѣме столѣ.

(3 силѣбы акц. зѣ буквою с)

Притрѣпа славоу дѣдоу своѣмоу Бесславоу.
(3 слябы акц. зъ буквою е)

Поскѣани костьюи роускыхъ сынѣв
(въ кождѣмъ словѣ буква е)

Ирѣславленно глас са слышите
(въ кождѣмъ словѣ буква е)

Свѣтлоу и трѣскѣтлоу Солнце,
Всѣмоу тѣплоу и краснѣ всѣ.
(майже въ кождѣмъ словѣ буква е)

И Игорьъ князь поскѣчи горнастаѣме ко трѣбѣтнѣю.
(въ 3 слябахъ е а въ одной з)

Трѣси собою стоудѣноу росѣ.
(въ кождѣмъ словѣ буква е)

И стрѣгы рѣстре на коустѣ.
(3 слябы акц. зъ буквою е)

Сѣловиинъ вѣселыми пѣсьми свѣтоу покѣдаюте.
(3 слябы акц. зъ буквою е)

Сѣколича рѣстрѣлиѣекѣ
Своими злѣчеными стрѣклами.
(въ кождѣмъ словѣ е або з)

Свѣтите са солонце на небесѣ.
(3 слябы акц. зъ буквою е)

А литерациа за помочѣю звуковъ в, п.

Не бысть тоу брата Брѣчислава.
(3 слябы акц. зъ буквою е)

(С зарѣнни) во пѣткѣ поѣтопташа
Пѣгаными полкы полѣвицкыи.
(6 слябъ акц. зъ буквою п)

Пѣти было пѣсне Игоревнѣ.
(3 слябы акц. зъ буквою е або п)

То почнѣте наю пѣтнѣи бѣти
К полѣвицкомѣ полкѣ.
(майже въ кождѣмъ словѣ п або з)

Алитерація за помочою звука л:

Лѣти(т) стрѣлы ка́леныя

Грѣмятъ са́мѣ о шѣ́лѣмѣ

(въ кождѣмъ словѣ буква л)

Мегла́ поля́ покрѣла.

(въ кождѣмъ словѣ буква л)

Міноула́ лѣта́ Прѣслава́,

Бѣли́ полци́ О́льговѣ,

О́льга Свѣтосла́вничи.

(въ кождѣмъ словѣ буква л)

Алитерація за помочою звука в.

Отъ вѣ́ликихъ по́локово полове́цкихъ

И́во вѣ́хрѣ вѣ́терѣ.

(майже въ кождѣмъ словѣ буква в)

Вѣ́щій Бѣ́нѣ, — Бѣ́лѣсовѣ вѣ́чѣ!

(3 слябы аяц. зъ буквою в)

Звѣ́ните сла́вѣ во Кѣ́вѣ.

(3 слябы аяц. зъ буквою в)

То́же звѣ́но слы́ша да́вний вѣ́ликий Прѣсла́во.

(4 слябы аяц. зъ буквою в)

Алитерація за помочою звукѣвъ т и д.

Не мѣ́слю тѣ́ прилѣ́тѣти́ изда́лѣчи,

По́блѣу́стї отнї́ златѣ́ столѣ́.

(6 слябъ аяц. зъ буквою т або л)

И́ двѣ́на бѣ́лотѣ́мѣ тѣ́чѣтѣ́.

(4 слябы аяц. зъ буквою т або л)

Дѣ́вици́ пою́тъ на Дѣ́нѣн.

(3 слябы аяц. зъ буквою д або т)

И́ти́ дождю́ стрѣ́лами́ зъ Дѣ́ноу́ вѣ́нкаго́.

(3 слябы аяц. зъ буквою д або т)

Се то́лько малы́й вы́боръ въ посере́дѣ́ тыхъ сти-
ховъ, где согласнї́ въ аяцѣ́ваныхъ слябахъ три або

и больше развѣ повтаряють ся. Алитерацій, котра опирають ся на двохъ акцентованныхъ силлябахъ, або и на силлябахъ воевѣмъ неакцентованныхъ, я нарокомъ ту не наводжу, разъ що ту можливі прости тѣлько случаѣ, а ѡтакъ тому, що стихѡвѣ такихъ богато въ поематѣ, проте надто много мѣстца занялибы въ сѣй книжцѣ.

Хочь алитерація и приходитъ часто въ Словѣ, я еѣ воевѣмъ не уважаю головною властивостею поемату. Се повѣстальщина въ давнѣйшой эпохи (въ 9. и 10. столѣтїа), котра авторови Слова послужила гдекуды тѣлько до переведеня певныхъ поетичныхъ образѡв. Такъ н. пр. звукъ р, якъ видно въ примѣровѣ, надававъ ся добре поетови для означеня голосу трубъ, урывистого скорого бѣгу, голосной радости (порѡвн. самъ конецъ поемату въ уступѣ XIV); звукъ л для выраженя лету або нѣжной бесѣды (пор. „Плачь Ярославны“); звукъ в для означеня будь вѣянїя вѣтру, будь голосѡвѣ що воздухомъ несуть ся; звукъ т для выраженя лету, такъ скорого якъ и повѣльного; звукъ п для наглядного представленя якогось наглого погрому, а такожь для означеня пѣвчого голосу. Поеты старорускїи якъ у воевѣмъ, такъ и ту, далеко перестигли нынѣшнихъ поетѡвѣ, котрымъ про алитерацію, такъ въ поезїи конечно потрѣбну для наглядного представленя многихъ появѡвѣ въ прирѡдѣ, навѣтъ и не снитъ ся.

В) Ассонанція (стиховый римъ).

Далеко частѣйше, чимъ алитерація, приходитъ въ Словѣ ассонанція, такъ що еѣ слушно зачислити можна до характеристичныхъ властивостей старорусской поезїи.

Ассонанція въ рускѡй бесѣдѣ дуже зближаеться до риму. Она полягае на тѡмъ, що въ двохъ або бѡльше сло-

вахъ та сама самогласна акцентуе ся. Такъ приходитъ ассонанція въ словахъ *Дбноу и мѣре, старыми и словесы, братъ и даръ, вѣштѣ и братнѣ* и т. д. Давна поевія иншихъ народѣвъ задоволялась ассонанцію на кѣнци стихѣвъ, тай гдѣнкѣ нынѣшнѣи поэты (особливо испанскѣи и нѣмецкѣи) пишуть ещѣ такими римами. Отъ для примѣру три строфы нѣмецкѣи въ ассонанціями на кѣнци стихѣвъ:

Seine Länge mass acht Füsse,
 Königlich war seine Stirne,
 Ausgelernt war er im Kampfe,
 Und an Kraft fast wie ein Riese.
 Tugendsam war dieser Kaiser
 Auch im Essen und im Trinken,
 Wenig Brotes nur genoss er;
 Nebst dem Viertel eines Widders,
 Ein'ge Hühner, sonst Geflügel,
 Hasen, Pfauen, so man briete.
 In den Wein mischt er sich Wasser,
 Sass nur einmal Tags zu Tische.

Кѣнцевѣ слова въ кождѣмъ другѣмъ стиху (*Stirne, Riese, Trinken, Widders, briete, Tische*) мають акцентоване, котре и творить римъ опертый на ассонанціи, хочѣ ухо майже вовсѣмъ его не замѣчае.

Красшою для слуху и не безъ поетичной красы естѣ вже ассонанція посередѣ стиху, якою въ великимъ щастемъ послугують ся часами и наибѣльшѣи нѣмецкѣи поэты. Знанѣи загально два слѣдуючѣи стихи Гетого:

Da pfeift es und geigt es und klinget und klirrt;
 Da pisperts und knisterts und flüsterts und schwirrt.

Подѣбныхъ засадѣи придержуе ся и староруска поевія; особливожь стиховѣи римъ (ассонанція посередѣ стиха) переведенѣи старорускими поэтами въ недорѣвнанѣмъ артизмомъ. Въ загальѣ кождѣи стихъ на-

шого поемату (майже безъ вызму) збудований на засадахъ ассонанціи, котра въ добавокъ не обмежує ся лишъ на двѣ слябы, але правильно засягає три, а гдєкуды и больше слябъ.

(Примѣры.)

Ассонанція за помочю самогласной а.

Є бо двá — соколá —

Слѣтѣстá с отнá столá златá,

Поискáти градá Тьмоуторобáниá.

(въ 3 стихахъ 9 а акцентованныхъ)

Є зарáниá до вѣчерá, — с вѣчерá до скѣтá.

(4 а акцентованá и одно неакц.)

Тá бо двá хрæбрáа Свѣтослáвниá.

(6 а акцентованныхъ)

От старáго Владáимира до нынѣшни́го И́горя́.

(4 а акцентованá)

И́горя́ Свѣтслáвниá.

(3 а акцентованá)

И́прослáвна рáно плáчете.

(4 а акцентованá и одно неакц.)

Ассонанція за помочю самогласной о.

И́ дрæвó с тоугóю кó землѣ прækлбнилóсь.

(5 о акцентованныхъ)

И́ дрæвó не кóлогóме лѣстѣ сробни.

(4 о акцентованá)

Пóганóго кóщѣкы.

(3 о акцентованá)

Сорóкы не трескóтáша,

По лóзью пóлózбшá тóлько.

(6 о акцентованныхъ и 5 неакц.)

От Дóна и от мóря и от всѣхъ сторóн.

(3 о акцентованá и 4 неакц.)

Ассонанція за помочю самогласнои оу.

Трѣси собою стоудіноюю росѣ.

(4 оу акцентованѣ и 2 неакц.)

Заетрокѣ и обѣдѣ и ѹжинѣ.

(4 оу акцентованѣ)

На свѣю нетрѣдноюю кривлю.

(4 оу акцентованѣ и одно неакц.)

Оу же лжѣ оуѣднста.

(3 оу акцентованѣ и одно неакц.)

Бѣлѣ и Помѣрию и Посѣлию,

И Сѣрожѣ и Корсвию.

(6 оу акцентованыхъ)

Славню по мысленѣ дрѣвѣ.

(3 оу акцентованѣ)

Бѣи-Тоурѣ Бсевлодѣ.

(3 оу акцентованѣ)

Старомѣ Прѣславѣ, храбрѣмоу Метіславѣ.

(3 оу акцентованѣ)

Ассонанція за помочю самогласныхъ ы и и.

Я сицеи рати не слышано.

(4 и акцентованѣ)

Пѣскочи по рѣскои земліи.

(3 и акцентованѣ)

Козмоути рѣкы и ѡзеры.

(3 и акцентованѣ)

Стѣиши на бѣронѣ,

Прѣиши на вон стрѣлами,

Грѣмши о шѣломѣ.

(7 и акцентованыхъ)

Ассонанція за помочю самогласныхъ ѣ, е, ѡ.

Тѣ три буквы выговорювались въ 12 вѣку однаково, якъ ѣ, проте могли творити стиховый римъ. Самъ

авторъ Слова часто мѣсто *е* пише *ѣ*, чтобы означити акцентъ, и на оборотъ мѣсто *ѣ* пише *е*. если силаба має бути неакцентована. Рѣжница въ вымовѣ самогласныхъ *ѣ*, *е*, *а* була толькo тая, що *ѣ* вымовлялось якъ довге *е*, а *а* якъ дуже коротке *е*.

Не лѣпо ли ны бѣшете, — братіе.

(3 : акцентованѣ)

Свѣтитѣ ся солонцѣ на нѣбѣхъ.

(5 : акцентованыхъ)

Затебри днѣ при тѣмнѣхъ кѣрзѣхъ.

(4 : акцентованѣ)

Дятлові тѣктомѣ ко рѣцѣхъ пѣте кѣжоутѣ,
Голови нѣселыми пѣсьми свѣто повѣдѣютѣ.

(8 : акцентованыхъ и 4 неакц.)

Рѣкы мѣтно тѣкоутѣ.

(3 : акцентованѣ)

Дрѣмлетѣ в полѣ Ольгѣво хѣробрѣ гнѣздѣ,
Дѣлечѣ залѣтѣло!

Не было но Овндѣ порѣждѣно.

(7 : акцентованыхъ и 9 • акц.)

Почнѣме жѣ, — братіе, — повѣстѣ снѣю.

(4 : акцентованѣ)

На зѣмлю половѣцкоюю за зѣмлю рѣскоюю.

(3 : акцентованѣ и 3 • акц.)

Для ассонанціи выходитъ все одно, чи римовѣ самогласнѣ стрѣчаютъ ся въ серединѣ, чи на кѣнци силѣабъ; староруска проводѣа домагалась толькo, чтобы они що-можъ близькo себе стояли. Три слова, одно за другимъ, а кожде въ тоюжь акцентованою самогласною — уважалось найкрасшимъ римомъ, тай такихъ стихѣвъ есть въ Словахъ дѣйствио дуже богато, н. пр. начитѣ старымѣи словесымѣ (три н акц.) — иже зарѣза Рѣдѣю (3 • акц.) — Игорѣа Святславичѣа (три а акц.) — пѣрвѣыхъ

времѣн оубоенцѣ (З е акц.) — кѣмъ рѣна дорогѣ (З а акц.)
— побѣстий о поблоку Игоревѣ (З о акц.).

Для слуху найкрасше звучитъ ассонанція, коли припадае на конецъ слбвъ. Самъ поетъ нарочно вышукъе такі рими, хочъ черезъ те выходятъ часомъ неправильні акценты: хошѣ главѣ своѣ прилбжити — отнѣ златѣ столѣ — милѣ братѣ Есеблодѣ — Ир-Тоурѣ Есеблодѣ. Въ такихъ выпадкахъ головну вагу класти мусимо на акцентъ слова послѣднаго, попередні акценты вже до него акомодують ся.

В) Властиві рими.

Рими, якъ мы ихъ нынѣ понимаемо, знані въ Европѣ вже одъ пятого столѣтя, а за часбвъ Игоревыхъ були въ повнѣмъ роввою въ поезіи скандинавскѣй и нѣмецкѣй. Що про нихъ знавъ и авторъ Слова, не подлежитъ сомнѣнью, тѣлькожъ уживае онъ ихъ дуже рѣдко, якбы мимоволѣ, и особливо въ такихъ стихахъ, где иншого рода римбвъ (н. пр. ассонанція) нема.

(Примѣры.)

Начати же си той пѣснѣ
По бѣланамо сѣго врѣмени.

Котѣрый дотечаше,
Тѣ прѣди пѣкень поіаше.

Не десѣть соколѣво на стѣдо лѣбедѣй поущаше,
По своѣ вѣцнѣи пѣрсты на живѣаи стрѣбны воскладаше.

Я мой ти Кѣрины —
Свѣдоми комѣты:

Под трѣбами повѣти,
 Под шело́мы возле́тѣни,
 Кóнѣцъ кóпѣи воскóрмленн,
 Пѣти ѣмо вѣдоми,
 Проу́гы им зна́емн,
 Лоу́цѣи оу́ ни́х напри́жени,
 Тоу́ли отвѣрѣни,
 Сабелѣи из-бóстрини...

Черенá землѣи под копы́ты
 Косты́ми была́ посѣ́жна,
 Я́ кровю́ по́лына:
 Тоу́гою възы́доша по рѣскон землѣи.

Оу́же нáмо свóих мѣлých лад ни мѣслю смѣслити,
 Ни дѣмою сдоу́мáти, ни очѣма соглáдáти,
 Я́ злáта и сребрá ни мáло тóго потрѣпáти.

. чрес злáто ожерѣ́лие;
 Оу́ныли́ голосо́ы, — поничѣ́ весѣ́лие.

Всю́ но́щю с вѣ́чера Бóбсови́ врани́
 Возгрáахоу́ оу́ Плѣ́снеска́ на бóлонн.

Во злáта стрѣ́мени —
 За обѣ́доу́ сѣ́го врѣ́мени.

Прѣ́дню слáвоу́ сáми похы́тѣм,
 Я́ зáднюю́ сá сáми подѣ́лим.

Всеслáво́ князь лю́дѣм соудѣ́ше,
 Князѣ́м радѣ́ радѣ́ше.

Часомъ и посередъ стиха одно слово римуешь въ другимъ, н. пр. а древо не блегоме листы србни — а Полбци не готбвами дорбгами побѣгоша ко Дбному великому — а в них трыпцоуте сини и мблонни — выти грбмоу великому. Видно въ всего, що старорускй поеты послугувались рожнородными римами, щобы тѣлько одвѣтно пѣднести милозвучность поетичной бесѣды.

СТАРОРУСКІ ПРАВИЛА АКЦЕНТОВІ.

О акцентъ старорускомъ писавъ я обширѣйше въ „Зорі“ въ числахъ 10—21. Ту наводжу лишь що-важнѣйше, зъ гдѣякими поправками та доповненями.

Самогласнй р и л.

Въ гдѣякихъ бесѣдахъ славянскихъ задержалась еще по нынѣ самогласна р, якъ у Чеховъ (и ихъ побратимцѣвъ Моравянъ и Словаковъ), у Сербовъ и Хорватовъ, и гдѣкуды межи галицкими гбрняками; у Чеховъ окрѣмъ того доховалась еще и самогласна л: vlk (вовкъ), plst (пѣлснъ, клобучина), mlčeti (мовчати).

На пѣдставѣ нынѣшнихъ бесѣдъ славянскихъ выводили ученій слависты, що и въ старославянскомъ явцѣ обѣ тѣ самогласнй находились, а именно всюды тамъ, где по якѣйсъ согласнѣй стоитъ ръ або лъ (такожь рь або ль), н. пр. прѣвый, плѣкъ. Головнымъ защитникомъ тоя гипотезы есть славно звѣстный ученій Дръ Фр. Миклосичъ. Але въ новѣйшихъ часахъ нашли ся другіи ученій, котрі оспорювали теорію Миклосича, именно тымъ выводомъ, що у всѣхъ Миклосичемъ значеныхъ случаяхъ побѣчь л и р находятъ ся якійсь глухій звукъ (ъ або ъ), що отже л и р уважати треба тѣлько согласными, а глухій звуки властивы ми самогласными. Споръ повставъ до нынѣ нерѣшениый.

Иный поныи що до тыхъ двоухъ самогласныхъ стрѣчаемо въ старорускихъ памятникахъ литературныхъ. Побѣчь старославянскаго пѣлькѣ пишеть тамъ часто пѣлькѣ (ѣ передъ л), або просто полкѣ; а суть зновъ и такій случаѣ, що писалось полкѣ, пѣлькѣ, а навѣтъ пѣлькѣ. Особливо послѣднїи формы (зъ двома ѣ) суть для насъ важными, бо стрѣчаютъ ся досить часто, навѣтъ въ найдавнѣйшихъ памятникахъ, якъ Остромирове Евангелїе, Сборникъ Святослава въ р. 1073, Сборникъ въ року 1076, Переводъ словъ Григорїя Богослова въ XI вѣка, Новгородскїи памятники въ XIII вѣка и т. д.

Въ „Словѣ о полку Игоревѣмъ“ замѣчаемо двояку правопись при самогласныхъ л и р: пѣлькѣ (ѣ по л) и пѣлькѣ*), прѣвѣый и пѣрѣвѣый, вѣлькѣ и вѣлькѣ, але вже видно, що давнїи переписовачъ не розумѣвъ звуковыхъ рѣжницъ въ обоухъ тыхъ формахъ и все читавъ на одинъ тѣлько способъ. Зъ ѡдси пѣшло, що на вступѣ поемату ѡнъ пише ѣ всюды передъ плавными, а оѡдся вже держить ся правописи старославянскои и пише ѣ всюды по плавныхъ. Иный зновъ формы, якъ оутрѣпѣ, мркнетѣ, ркоша, аркѣчи суть нагляднымъ доказомъ, що р було ту справдѣ самогласною, а не согласною.

По докладнѣмъ перестудїюваню всѣхъ тыхъ мѣстцъ „Слова“, где приходятъ давнїи самогласнїи л и р, я сконстатовавъ слѣдуючїи два правила:

1) л и р, если суть самогласнїи, мають завсѣгды акцентъ на собѣ (ѡдъ того правила вынятїи лишь слова: пѣпорзи, вѣторже, телкѣвина.)

*) Въ Словѣ формы пѣлькѣ, солнце, сердце и т. д. читають оя всюды повноголосно: полкѣ, солонце, серѣдце; здаеть, що въ первотворѣ стояли надотрочнїи знаки: пѣлькѣ, сол'нице, ср'дце, а тѣлько переписовачъ зъ невѣдомости ихъ выпустивъ.

Авторъ Слова самогласными *а* и *р* означуе гдѣкуды акцентъ; побѣчь Болгоу (акц. на *оу*) бнѣ пише такожь Балѣт (акц. на *а*), побѣчь Чамингоу (акц. на *р*) пише такожь Чамингоу (акц. на *и*). Если суть неправильности подѣ тымъ взглядомъ, то они подходятъ безопасно зѣ вины переписовачи.

2) въ старорускомъ языкѣ самогласнѣ *а* и *р* переходили часто въ согласну и тогда поветавала повноголосна форма (по обохъ бокахъ согласной *а* и *р* вставлялись самогласнѣ: пѣлъкъ, солѣнце, сѣрдце; въ такихъ случаяхъ акцентъ падае завсѣгды на першу зѣ тыхъ двоухъ самогласныхъ.

Наведенѣ правила рѣшити повиннѣ пытане, чи въ старославянскихъ формахъ (н. пр. вѣкъ, прѣкънѣ) звуки *а* и *р* були самогласными, чи тѣлько согласными. Самъ фактъ, що въ такихъ словахъ завсѣгды лишѣ тая сила дѣставала акцентъ, гдѣ приходитъ *а* або *р*, промавляе за тымъ, що то були самогласнѣ, бо тѣ яко пѣвзвукъ не могли бы притягати акценту до себе. Теорія Дра Миклосича, якѣ думаю, не подлягае и наименшому сомнѣнню.

Самогласна *ѣ*.

Окрѣмъ самогласныхъ *а* и *р* наибѣльшѣй впливѣ на акцентъ мало еще *ѣ*. Двѣ першѣ самогласнѣ (*а* и *р*) выговорувались коротко, але за те тономъ высокимъ, якѣ посвѣдчають численнѣ слѣды въ вымовѣ нашихъ гѣрнякѣвъ; при вымовѣ буквы *ѣ* голосъ продолжувавъ ся, отже нѣяко и концентрувавъ ся на дѣтычнѣй силѣбѣ. При *а* и *р* рѣшала *qualitas* голосу, при *ѣ* его *quantitas*.

Авторъ Слова ставитъ часто *ѣ* неправильно, для означеня акцентованого *ѣ*: лѣвѣдѣнѣ, тѣкѣтѣгы, полѣкѣтѣкѣнѣ, о роуцкѣи зѣмѣтѣ, Шѣръ-Тоуѣре Бѣсколодѣтѣ, рѣтѣевѣтѣ, слѣтѣтѣкѣста, помѣтѣрѣкѣста, моуѣжайнѣтѣ си, Осмомыслѣтѣ

Прослави, о вѣтрѣ (пятый падежъ). Ритмика констатируетъ, что такъ неправильно ꙗкъ всюды треба акцентовать, отже: лѣбиди, тѣлѣгы, половѣцкый, о роуската землѣ, Ир-Тоурѣ Бсевбодѣ, ратѣвѣ, слѣтѣста, помѣркость, мѣжаймѣ ся, Осмѣмыслѣ, о вѣтрѣ.

Въ XIII-омъ уступѣ приходитъ еще ꙗкъ въ словахъ зелѣнѣ и прѣклонило. Я уважаю тутка ꙗкъ похлбкою переписовача, протѣ акцентую, якъ и въ ившихъ мѣстцахъ поемату: зѣленюу, прѣклонило. — Бѣльша труднѣсть була для мене зъ реченѣмъ: а сами на себѣ крамолоу ковати. Неправильно себѣ означуе, что ту читати треба себѣ; въ такѣмъ случаю вышовбы ритмъ такій: а сами на себѣ — крамолоу ковати.

Зъ другой стороны замѣняе поетъ ꙗкъ на ѣ, если хоче означити, что ꙗкъ акценту не мае. Онъ пише: лѣтаи, кошѣи, о Днипрѣ, на вѣтрѣхъ; читати треба: лѣтѣи, кошѣи, о Днѣпрѣ, на вѣтрѣхъ.

Въ выданю Мусинъ-Пушкина приходитъ еще: а кошѣи по рѣзанѣ. Я читаю: а кошѣи по рѣзанѣ (три акцентованѣ ꙗкъ). бо думаю, что замѣна ꙗкъ на ѣ повстала въ обохъ словахъ въ вини переписовача.

Въ другѣмъ уступѣ поемату находить ся реченѣ: нищѣчи себѣ чти, а князю славѣ. Форма славѣ мѣсто славы мене не дивуе, — тутъ ꙗкъ означуе только акцентъ на послѣднѣй силѣбѣ; однакъ что почати зъ формою себѣ? Поводующись засадами резонанци, я въ своѣмъ выданю акцентую: нищѣчи себѣ чсти; посля тексту Мусинъ-Пушкиноваго выходилобъ: нищѣчи себѣ чти. Тое себѣ (а въ однѣмъ мѣстци себѣ) натворило менѣ богато хлопотѣвъ, тай теперъ еще не умѣю повѣсти, якѣи бувъ властиво акцентъ сего слова.

Нѣщо такъ наглядно не выкавуе впливу самогласнои ꙗкъ на акцентъ, якъ бѣмѣвна именникѣвъ с-редного рода. Одъ полѣ, морѣ, тѣло выходитъ акцентъ 7-ого па-

дѣжа: полѣ́, морѣ́, телѣ́. Въ оди́нѣмъ то́лько мѣстцѣ нахо́джу у Мусси́нъ-Пушки́на: на синѣ́мъ море́, що́ вказува́лобы на акцентъ мѣ́рѣ. Ритми́кою тяжко́ было́ провѣ́рити, чи́ таке́ наголо́шуване́ добре́, бо́ слово́ море́ припа́дае́ на са́мъ ко́нцъ́ стиха́, а́ тутъ́, якъ́ звѣ́стно, мо́жли- вы́й бу́вобы́ перестано́къ́ голо́су. Зъ́ огля́ду на а́ссона́нцію я́ читаю́ до́тычны́й стихъ́ такъ́: воспла́скала́ лебѣ́диными́ крѣ́пы на синѣ́ морѣ́ (4 ъ́ акцентова́на). Зда́е́ ся, що́ форма́ море́ е́сть похи́бкою́ переписова́ча.

Не то́лько ъ́, але́ и инші́ самогласні́, якъ́ ы́, и́, а́ навѣ́тъ ѣ́ и оу́ замѣ́няе́ пое́тъ на ѣ́, е́сли въ́ важны́хъ́ выпадка́хъ́ хо́че́ зазнача́ти акцентъ́.

Про́ 2 паде́жь сла́вѣ́ я́ вже́ згадува́въ; неправи́ль- нымъ́ ѣ́ зазнача́но, що́ чита́ти тре́ба сла́вѣ́.

Въ́ 12-ѣ́мъ́ уступѣ́́ поема́ту́ приходя́тъ́ выра́жене́: на́ моє́и ладѣ́́ кон. Ту́ зновъ́́ ладѣ́́ стои́тъ́ мѣ́сто ла́ды; акцентъ́́ ма́е́ па́сти, якъ́́ и ритми́ка вы́казуе́, на ы́.

Въ́ 11-ѣ́мъ́ уступѣ́́ приходя́тъ́ выра́жене́: Не́мизѣ́́ крова́ви брезѣ́́. Слово́́ брезѣ́́ стои́тъ́ мѣ́сто брезі́́ (акцентъ́́ на послѣ́днѣ́й свля́бѣ́).

Въ́ 6 ѣ́мъ́ уступѣ́́ приходя́тъ́ рече́не: то́же́ зконѣ́́ слы́ша да́вны́й вели́кий І́росла́вѣ́́. Тутъ́ І́росла́вѣ́́ стои́тъ́ мѣ́сто І́росла́вѣ́́; чита́ти тре́ба І́ро́славо́́.

Въ́ 14-ѣ́мъ́ уступѣ́́ подыбу́емо́ форма́ Боу́й-Тоу́роу́́ Бсе́володѣ́́; послѣ́днє́́ ѣ́́ стои́тъ́ мѣ́сто акцентова́но́го оу́́, отже́́ Боу́й-Тоу́роу́́́ Бсе́володѣ́́́.

Въ́ ко́нцѣ́́ е́ще́ замѣ́чаю́, що́́ въ́́ дво́хъ́́ мѣ́стцяхъ́́ замѣ́- нено́́ въ́́ Сло́вѣ́́ пра́вильне́́, але́́ неакцентова́не́́ ѣ́́ на непра́- вильне́́ ы́́. Та́ мѣ́стцяхъ́́ су́ть: сви́сла́и сла́вы́́ оба́ по́- лы́́ се́го́ вре́мени́́ (чита́ти тре́ба сла́вѣ́́), ти́жко́́ ти́ го́- ловы́́ кро́мѣ́́ плѣ́чу. Въ́́ послѣ́днѣ́́мъ́́ рече́ннѣ́́ стоя́лобы́́ го́- ловы́́ мѣ́сто́ голѣ́вѣ́́, одна́къ́́ не́ до́пускаю́́ м.́жли́вости́́ тако́го

акцентована, хочь оно до ритму горѣшного реченя дуже добре падае ся. Въ свое выдане принявъ я отиизацію: тѣжко головѣ ти крѣмѣ плѣчу.

Сялябы слабѣ и сильнѣ.

Въ „Зори“ звертавъ я часто увагу на сялябы слабѣ, котрѣ нерадо приймають акцентъ на себе. Сюды належать :

- 1) сялябы въ давными самогласными ъ и ь;
- 2) сялябы въ давными самогласными а и ѣ;
- 3) сялябы въ самогласными преіотоваными я и ю.

ъ и ь.

Про ъ и ь не стану розводити ся богато, бо рѣчь загально звѣстна, що оба тѣ звуки були повсамогласными, отже вже вымовою своєю не надавались подѣ акцентъ. Бслижъ подыбуемо въ рускомъ языцѣ слова, де акцентъ на тѣ повсамогласнѣ падае, то суть на те двѣ причины :

1) Правила деклинаційнѣ, пѣсля котрыхъ змѣняе ся акцентъ въ падежахъ словъ. Якъ н. пр. нынѣ одѣ сестра, гора въ числѣ многѣмъ говоритъ ся сѣстры, горы, такъ въ старорускомъ языцѣ одѣ мѣгла (мѣгла), дѣска (дѣска) мусѣло бути въ числѣ многѣмъ мѣглы, дѣскы.

2) Вплавъ согласныхъ. Ту дае ся акцентъ въ историчномъ своѣмъ розвою докладно прослѣдити. Въ формахъ н. пр. старославянскихъ тѣмный, чѣстный акцентъ конечно падавъ на сялябу послѣдну, и така вымова доховалась еще подекуды у насъ въ горахъ: тѣмный, чѣстный. Однакъ кождый въ насъ чув, що комбинація звукѣвъ мн и стн есть для вымовы дуже невыгодною, проте бесѣда помогла собѣ въ той способѣ, що въ наведеныхъ звукѣвъ лишъ одинъ лишила при другѣй сялябѣ, а прочѣ перенесла до першой. Такимъ чиномъ

перша силаба продовжилась при вымовѣ и вже нынѣ
звычайно акцентуесть: тѣм-ный, чѣст-ный.

Старорускій языкъ, становлячій переходъ одъ пра-
русского до нынѣшняго руского языка, выказуе при
горѣшныхъ словахъ двоякій акцентъ: тѣмный и тѣмнѣ,
чѣстнѣ: а) ѡношоу князѣи Ростѣслава затворѣ днѣ при
тѣмнѣ бѣрезѣ: б) тѣмнѣ бо кѣ ко третѣи днѣ: в) не-
чѣстнѣ бо крѣве поганѣоу пролидѣсть.

Въ словѣ прѣтѣп-та (корень тѣп) падае акцентъ
на тѣ за впливомъ согласной п; на иншѣмъ мѣстѣи за-
для алитерациѣи приходѣтъ акцентъ пото-птѣша.

Въ формахъ зѣкоутѣ и зѣкѣтѣ (корень зѣк) уважаю
акцентъ хибнымъ, не лишь засадничѣ, але и на подѣста-
вѣи жиучѣи вымовѣи. Въ словѣ въ обохъ мѣстѣяхъ за-
ходитъ ассонацѣи, котра единомъ оправдати може такъ ра-
внѣчу неправильность:

1) ѡри клѣктѣомѣ на кѣстѣи зѣкѣри зѣкоутѣ (3 акцен-
тованѣи ѡ и 4 акцентованѣи ѣ);

2) Дѣномъ ти, — княжѣи, клѣчете и зѣкѣтѣ.

а, ѣ.

Вѣдай кождѣи въ насѣи замѣтивѣи той дивный по-
явѣи въ рускомъ языкѣи, що слова женского рода въ ак-
центѣомъ на а, той акцентъ въ четвѣртѣомъ падежѣи числа
единичного якъ найдалѣше одъ а ѡдсувають: кодѣи, вѣдоу;
сѣстрѣи, сѣстроу; зѣмлѣи, зѣмлѣю; голѣвѣи, гѣловоу; сторѣнѣи,
стѣроноу; бороздѣи, бѣроздоу и т. д.

Ритмикою Слова, а еще бѣльше ритмикою церко-
вныхъ молитѣовъ сконстатованѣи я, що силабы, котрѣи въ
старославянскомъ языкѣи мали самогласну а або ѣ, ак-
центу засадничѣи не приймають. А власне въ четвѣртѣомъ
падежѣи женского рода наше ѣу стоить мѣсто старосла-
вянского а, — отже не що иншого а лишь тоѣи а впли-
нути могло на змѣну акценту.

Годъ выписувати изъ Слова всѣ тѣ выраженія, где въ старославянскомъ языкѣ было а або ѣ; я ихъ при случаю ноговавъ въ „Зори“, протѣ и бдѣслаю туды читателя. Тутъ для лучшаго унаглядненія правилъ акцентныхъ, наведу бдмѣну слова земли (въ старорускомъ поематѣ приходитъ оно ажъ 37 разовъ въ числѣ единичномъ):

1. пад. землѣ́ (приходитъ 2 разы) и зѣ́мля (два разы*)
2. " зѣ́мля (" 4 ")
3. " землѣ́ (" 12 ")
4. " зѣ́млю (" 14 ")
5. " землѣ́ (" 2 ")
6. " землѣ́ю
7. " землѣ́ (" 1 ")

Змѣну акценту замѣчаемо въ 2. и въ 4. падежи. Въ старославянскомъ языкѣ въ 2-омъ падежи было ѣ, а въ 4-томъ а; очевидный доказъ, що лишь за впливомъ тыхъ носовыхъ самогласныхъ акцентъ змѣнивъ ся.

Кдльки випадковъ, где задля ассонанціи въ четвертомъ падежи самогласна оу акцентуеь (доушѣ́, главѣ́, росѣ́) не може супротивъ загального правила промавлати. Самогласнѣ а и ѣ въ рускомъ языкѣ втратились були вже давно передъ часами Игоревыми (здаеь еще въ 9-омъ столѣтѣ), отже бесѣда по конечности тратила на томъ поли свѣдомѣсть акценту и зъ часомъ мушѣли въ ню вкрадати ся неправильности. Нынѣ такихъ неправильностей подыблесь въ рускомъ языкѣ досыть багато; въ Словѣ становлять они бдльше спорадичнѣй выпадки.

Гдекуды, якъ при глаголѣ стоупити (старосл. стапити), я зъ акцентомъ не мбгъ прийти до ладу. Вправдѣ акцентую всюды

*) Акцентъ землѣ́ уважаю неправильнымъ; зъ церковныхъ молитовъ выходитъ всюды зѣ́мля, а такъ и въ нашихъ горахъ гдекуды до нынѣ акцентуютъ.

стоити, але при поновномъ переглядѣ тексту бачу, що такимъ наголосуванемъ пеусь асоонанція въ кількохъ стихахъ.

я, ю.

Въ 14 и 15 числѣ „Зорѣ“ выказавъ я численными примѣрами, що согласна ч ослаблюсь слѣдующимъ и або ю, черезъ що и цѣла сияба ставшись слабою, одвертає бдѣ себе акцентъ. Тутъ належать слова; начяті (и начати), хбчу (и хоцѣ), мѣчючи, давѣча, поскбчиши, потрѣчати, полѣчу, омбчу, жѣнчюгъ, жѣмчюжный и навѣтъ Брѣчислава (мѣсто Брѣчислава).

Подббный впливъ на ослаблене цѣлои сиябы мали преіотовані звуки по плавныхъ согласныхъ: хорюгбвъ, Рюрикѣ (Рюрика), жирни (и жирна), гбриачни, бѣбриачни, вѣгриачни, Кѣриачни, лѣцкѣи, любб и т. д.

Въ бдмѣнѣ слбвъ подыбуемо вправдѣ акцентъ и на мягкбй сиябб, але се дѣвсь едино для розрбжненя падежѣвѣ; полѣ (2. пад. числа един.) и полѣ (1. пад. числа многого), землѣ (1. падежъ) и зѣмли або зѣмли (2. падежъ).

Докладного правила, коли мягкѣ сиябы акцентовались а коли нѣ, подати я не въ силѣ. Ту передовсѣмъ знати-бъ потреба правила акценту старославянського, и се дперва на пбдставѣ ритмики церковныхъ молитовъ далобъ ся дослѣдити. На всякѣй случай годить ся вже и теперъ пбднести, що въ старосл. язвцѣ була дуже консеквентно переведена рбжниця межѣ бдмѣною твердою а мягкою; въ твердбй подыбуемо всюды самогласнѣ сильнѣйшѣ (ѣ, ы, о), а въ мягкбй ѣ мусѣло перемѣнити ся на слабше и, ы на слабше ѳ, о на слабше ѳ. Не пбдлежитъ сомнѣню, що така перемѣна сильнѣйшихъ самогласныхъ на слабшѣ мусѣла въ кбнци волынути на вымову, отже и на акцентъ.

Самогласный ѣ и ѣ, и wpływъ согласныхъ на акцентъ.

Читаючи творы старорусской литературы, я неравъ дивувавъ ся, чому то въ imperfect-ѣ, въ 3-ей особѣ обоихъ чиселъ, уживаются ся дуже часто двонкі формы:

1) правильнѣ: **вѣше, вѣхоу; говорѣше, говорѣхоу;**

2) неправильнѣ: **вѣшетъ, вѣхоуть; говорѣшетъ, говорѣхоуть.**

Въ Словѣ о полку Игоревѣмъ формы въ окнченемъ тѣ (або тѣ) приходятъ 16 разѣвъ, а безъ того окнчена надъ 20 разѣвъ. Ритмика въ всякою певностею констатуе, що тѣ и тѣ творили въ imperfect-ѣ окрему силябу, проте ѣ и ѣ були ту не лишъ якимись традиційными знаками, але цовными самогласными.

Появъ той легко оправдати. Въ формахъ **вѣше** и **вѣхоу** почивае акцентъ на першѣй силябѣ. За доданемъ кнцегово т (**вѣшет**, **вѣхоут**) послѣдна коротка силяба безъ потреби мусѣлабы продовжити ся, а чи можнажъ припустити, щобы поетъ нарокомъ псовавъ поевію черезъ громадження непотрѣбныхъ буквъ на кнцѣ слова? Старорусскій языкъ въ своѣй давнѣйшѣй добѣ не мавъ слѣвъ окнченыхъ на согласну, отже и выговорюване такихъ слѣвъ було дуже невыгдне, утяжливе. Въ такѣмъ случаю согласна мусѣлабы ѣдпастѣ (**вѣше**), або потягнути за собою акцентъ (**вѣшет**).

На 36 випадкѣвъ, где въ Словѣ стоить imperfectum, менѣ лишъ въ однѣмъ мѣстѣци выходить ритмъ злый, именно при словѣ **погнѣашетъ**. Я наконецне тѣ уважаю ту додаткомъ переписовача, проте въ текстъ приймаю коротшу форму: **погнѣаше**.

(Въ VIII-ѣмъ уступѣ поемату стихъ 32 поправляю еще **вѣше оуспилъ** на **вѣшетъ оуспилъ**.)

Заходитъ теперь великою ваги пытане, коли въ старорускомъ языцѣ буквы **ъ** и **ь** выговорювались яко самогласнѣ, а коли они уважались чертвыми только знаками. На подставѣ ритмики Слова приходимо до слы-дующихъ результатѣвъ:

А) Согласнѣ горловѣ (г, к, х.)

Въ помѣжъ горловыхъ найлекшою до вымовы (на кѣнци слѣвъ) есть **х**, найтруднѣйшою **г**; въ того для староруского языка зовсѣмъ логичне высновалось правило, що **ъ** по **х** и **ь** коли не вымовлялось, а по **г** вымовлялось всюды. Одъ того правила нема и **ь** одного вынѣтя. Такимъ чиномъ слова **трьдныхъ**, **миныхъ**, **великихъ**, читати треба безъ **ъ**, а слова **Олгъ**, **Богъ**, **стагъ**, **жичюгъ** вымовляти якъ **Олго**, **Бѣго**, **стаго**, **жичюго**.

Согласна **к** выговорювалась въ старорускомъ языцѣ твердше, нѣжъ мы еѣ теперь вымовляемо; давнѣ Русины писали **Кыевъ**, великый, книжки и т. д. Въ Словѣ приходять досыть часто выравы въ окѣнченемъ **къ** (самъ применникъ **къ** подыбуеъ надъ 20 разѣвъ), а лишъ въ чотырѣхъ випадкахъ ѣпадае **ъ** по **к**: 1) **лѣхъ** не слѣла к нѣмоу слѣз на мѣрѣ рѣно; 2) и **пѣде сѣ** **Коеакъ** во градѣ **Кыевѣ**; 3) и **сѣпи сѣ** на крѣвати и рѣк; 4) **скѣчи** **кѣлскоме** до **Немѣгы** с **Дѣдоуток**. У всѣхъ иншихъ мѣстцѣхъ **ъ** по **к** читати сѣ мусить.

Б) Согласнѣ сычачѣ (с, з).

По согласнѣй **с**, яко дуже легкѣй до вымовы, **ъ** не выговорювалось.

По **з** такожь ѣпадало **ъ**, а понеже тогды на кѣнци слѣвъ **з** вымовити було за-тяжко, то давнѣ Русины перемѣняли его часто на **с**; въ ѣдти выясняютъ сѣ фоне-

тичній форми въ Словѣ, якъ *вс*, *чрс*, *вѣс* (въспѣти, всплескати), *рсс* або *рас* (ростре, раскропити), *нс* (испити, иссушити) и т. д.

Применникъ съ мѣст., якъ то дѣсь и въ нынѣшнѣмъ языкѣ, выговарюватись въ тымъ ѣ або безъ него: с тоутоу, со всѣхъ и т. д.

В) *Согласнй плавнй* (л, р).

Въ односложныхъ словахъ*) по плавныхъ нѣ ѣ нѣ ѣ не вымоялялось: *пир*, *жир*, *Тсур*, *Блсур*, *был*, *жалъ*. Тѣлько тамъ, где вымова була за-тяжка, творили ѣ и ѣ окрему силабу: *вѣхр*, *мысл*.

Коли слова складались въ бѣльше слогѣвъ, тогда по плавныхъ ѣ выговарювалось: *Болодѣмиро*, *сѣкол*, *лѣлѣло*. Однакъ побѣчь сихъ старшихъ формъ подыбуемо въ Словѣ вже и новѣйшй безъ ѣ (плавнй суть для вымовы дуже легкй, отже бесѣда могла выгѣдно обѣйти ся безъ помочи пѣвсамогласныхъ); тѣлькожь заходила въ такѣмъ случаю змѣна акценту — плавнй потягали голосъ за собою: *Болодимѣр*, *сѣкол*, *оуцекотѣл*, *при-трипетѣл*, *Игѣор*, *печѣл*, *оуспѣл*, *лѣлѣл*.

Неправильными уважаю акценты въ словахъ: *гѣвор*, *Игѣор*, *сѣкол*. Едино легкѣсть вымовы кѣнцовой плавной поясняе намъ, для чѣго въ тыхъ словахъ акцентъ не змѣнивъ ся.

Г) *Согласнй шиплячй* (ж, ч, ш, ц).

По ж, ч, ш пѣвсамогласна не вымоялялась: *рѣч*, *ноч*, *лоучж*, *Бсволож*, *птич*. Чи однако наконецна шипяча вплывала на змѣну акценту, рѣшити тяжко, бо въ

*) Говорячи о односложныхъ словахъ маю на гадѣннѣшну вымову; въ старосл. языкѣ слова *пирѣ*, *жирѣ*, *былѣ* и такй иншй були очевидно двосложнй.

Словѣ подыбуемо только три выразы, котры кончатъ ся на шипячу а суть двосложнѣ; въ двоухъ въ тыхъ словѣхъ передъ ж. заходить вмѣна акценту: лоучѣж, Кисколѣж, въ одномъ передъ ч. вмѣны нема: галнч. (Здае ся, що пѣвзвукъ ч. яко легкѣй до вымовы не притягавъ акценту до себе.)

Въ окбнченемъ ш. приходитъ два разы слово ношь и въ обоухъ разыхъ ѣ читати треба окремою самогласною: ноше.

Д) *Согласнѣ губнѣ* (к, п, в).

Въ губныхъ найтяжшою до вымовы (на кбнци словѣхъ) есть согласна в, найлекшою п, а въ того выходитъ логичне правило, що по в. треба ѣ читати всюды окремою самогласною. Въ Словѣ лишъ два находжу примѣры, где на кбнци ѣ по в. бѣпадае, але и ту може заходить вина давного переписовача.

Приименникъ вѣ або читае ся окремою слябою або звукъ в. лучитъ ся въ слѣдующимъ словомъ, черезъ що ѣ бѣпадае: во грѣдницѣ, в. мѣсмѣ.

Е) *Согласнѣ зубнѣ* (т, д).

Въ односложныхъ словахъ ѣ и ѣ по зубныхъ окремою самогласною не вымовлялись: от (всюды въ поематѣ), под (такожъ всюды), лад (гер. plur.), прѣд (лишь въ одномъ мѣстци прѣдо), злат.

Для потребъ ритмики могли поеты въ односложныхъ словахъ ѣ и ѣ по зубныхъ согласныхъ вымовляти: поутѣ и поуте, свѣт и свѣто; дѣялось се особливо тогды, коли вымова вадля ббольшого числа согласныхъ ставала ся тяжшою, н. пр. въ словахъ: свисто, мѣсте.

Въ imperfect-ѣ наконецне тѣ, якъ мы вже бачили, читалось всюды окремою слябою.

Въ часѣ теперѣшнѣмъ, въ 3-ей особѣ обоихъ чиселъ, тѣ такожь читалось окремою слябою. Белижь въ Словѣ подыбуютъ ея формы, якъ: клічет, кричат, літат (формы подѣ взглядомъ акценту просто невозможны), то мусимо памятати, що въ старорускихъ творахъ письменныхъ приходятъ часто въ часѣ теперѣшнѣмъ формы безъ тѣ: хоче (у Владимира Мономаха), наслѣди м. наслѣдять (въ евангелію галицкомъ въ року 1144), лежа м. лежать (въ грамотѣ въ року 1421). Формы тотѣ находятъ оправдане въ нынѣшнѣмъ живомъ языцѣ. Русины и пр. въ горахъ буковиньскихъ и коломыйскихъ, а навѣтъ въ околиці Галича (Маріямполь), одкидають т не лишъ въ числѣ единичномъ (хоче, несе), але навѣтъ и въ числѣ многомъ: (они) нося, ходя, крича, лета и т. д. Колижь до того зважимо, що и авторъ Слова бувъ родомъ Галичанинъ и що въ его поематѣ находятъ ся слова, формы, а навѣтъ акценты едино Галичинѣ властивѣ, то догадка буде воевѣмъ оправдана, що ѣнъ не выговлявъ клічет, кричат, літат, але кліче, крича, літи. На утворені сихъ формъ мѣгъ вплинути аналогичный появъ въ imperfect-ѣ, где побѣчь кашеть, говоряхуць уживались такожь коротші формы: каше, говоряху.

Въ бѣльшесложныхъ словахъ кѣнце ве тѣ и тѣ выговлялись окремою слябою: пѣвѣсте, дѣсате, щѣкото, клічете, літите, мѣрите; колижь тѣ и ѣ не мали окремого звука, тогда кѣнцева согласна притягала акцентъ до себе: дѣсать, щѣкѣт, літѣт, мѣрѣт, живѣт.

Бѣльшесложныхъ выразѣвъ на дѣ въ Словѣ нема; въ кѣнцевымъ дѣ приходитъ лишъ слово Бисволодѣ, котре зновѣ двояко выговорювалось: Бисволодо, або безъ тѣ и въ перенесенымъ акцентомъ Бисволодѣ.

Ж) *Соедаснѣ носовѣ (м, н).*

Носова и есть легкою до вымовы, протѣ въ одно-
сложныхъ словахъ по нѣиъ звичайно тѣ и ѣ не выговля-
лись: сон, Дон, брань, дань, сын, а навѣтъ пѣснь,
жизнь; однакожь приходитъ звоно, Доно, пѣсне, жизне,
сыно.

По м рѣдше опускалось тѣ: сам, им; частѣйше
приходить ѣмо, нѣмо, ѣмо.

Въ одмѣнѣ глаголовъ приходитъ б. равнѣ окбн-
чене мѣ; въ 4. мѣстцахъ становить оно окрему силабу:
моужайме са, позриме, почниме, всадиме; въ двохъ
мѣстцахъ тѣ не читавсь, але за те акцентъ переходитъ на
конецъ слова: похытѣм, подѣлим (мѣсто подѣлиме).

Въ одмѣнѣ именъ (въ 6. пад. числа един. и въ 3.
числа многого) окбнченя мѣ и мѣ становлять звичайно
окрему силабу: шныме брломе, шѣломоме, с трѣдоме,
кѣнкоме, ко гѣрамо кыѣвскымо, тѣктоме, сѣколоме.
Рѣдше пѣвсамогласнѣ опускались, и тогда кѣнцеве м
притягало акцентъ до себе: кѣнкѣм, сѣколѣм, онѣм
грознѣм Полочанѣм, лѣутыме звѣрѣм, рѣскыме злѣ-
тѣм. Въ однѣмъ лишѣ мѣстци выходить менѣ непра-
вильный акцентъ: вѣсым (повинно бути: вѣсыме або
вѣсѣм).

Такъ само и кѣнцеве нѣ въ бѣльшесложныхъ сло-
вахъ становило силабу окрему: звѣрино, Шрѣславнино,
Бѣино, чѣредино, мѣотино. Колижь тѣ не мало окремого
звуча, тогда кѣнцеве и притягало акцентъ до себе: во-
рѣн, времѣн, стрѣмѣн, Бѣин.

Старорускѣ правила для вымовы самогласныхъ тѣ и ѣ.

Реасумуючи коротко всѣ повыше наведенѣ спе-

цѣльный выпадки при вымовѣ давныхъ звуковъ ѣ и ѡ, приходимо до слѣдующихъ засадничихъ правилъ:

1) ѣ и ѡ въ односложныхъ словахъ окремою самогласною засадничо не выговорювались по звукахъ плавныхъ (р, л), сычачихъ (с, з, ц), шипячихъ (ж, ч, ш), по горловѣй х (и звичайно по м). Всѣ тѣ звуки суть легкѣ до вымовы, отже бесѣда выгодно могла обойтись безъ помочи пѣсамогласныхъ.

2) ѣ (и ѡ) въ односложныхъ словахъ окремою самогласною мусѣли вымовлятись по в, г, к (и звичайно по м).

3) ѣ и ѡ въ односложныхъ словахъ могли вымовлятись окремою самогласною по согласныхъ зубныхъ (д, т).

4) ѣ и ѡ въ бѣльшесложныхъ словахъ засадничо вымовлялись окремою самогласною, вынявши по шипячихъ и по х. (Въ именникахъ мужеского рода, в. пр. Игорьъ, стрѣмьнѣ, ѡ не було самогласною, лишь знакомъ мягченя.)

5) Бслижъ въ бѣльшесложныхъ словахъ ѣ або ѡ не вымовлялись, тогда наступала вмѣна акценту, — наконецна согласна притягала голосъ до себе. (Выняте бѣдъ того правила заходитъ лишь при согласныхъ ч и х, яко найлекшихъ до вымовы; рѣдше при р, л, с.)

Самогласнѣ ѣ и ѡ въ серединѣ слѣвъ.

Остасъ ще розпѣзнати, коли ѣ и ѡ въ серединѣ слѣвъ выговорювались окремыми самогласными, а коли вовсѣмъ не вымовлялись. Слово о полку Игоревѣмъ дае пѣдъ тымъ вглядомъ досыть вдоволяючу бѣповѣдъ, бо поетъ для униканеня баламутства придержувавъ ся въ цѣлости засады фонетичной и писавъ ѣ и ѡ лишь тамъ, где они выговорювались: тѣй, съприжѣ, съглядати,

Хиновским, Оварьским, городи́нским, князю, сильный, мгла, Черниговский, Даждьвожа, Коурьскъ, Плъкъско, дьска, лъзкъ, одкъахъти; такожъ въ словахъ зложеныхъ въ частицею въс або въз: въскръмнти, въскладати, въсплскати, въспѣти, възлелкъити и т. д.

Велику трудность мавъ поеть при писаню словъ, въ котрыхъ ъ не було самогласною, а лишь змакомъ мягченя. Овъ пише въ першомъ уступѣ поемату: половицький, рвський, але всюды дальше вже опускае ъ, боячись, щобы кто той буквы не читавъ окремою самогласною. Побѣчь Ольга пише поеть Олга, а въ иншихъ мѣстцахъ велми, соколца, крилицю, шестокрилицю, пѣстворца — всюды безъ ъ, хочъ нема сомнѣня, що мягкїи звуки въ наведеныхъ формахъ вымовлялись.

Правдивый неладъ замѣчаемо въ Словахъ при писаню словъ Святославъ и Тьмѣторокань. Перше въ тыхъ словъ приходять въ поематѣ до 20 разъ, и то въ такѣи правописи:

- 1) найчастѣйше черезъ ѣ и ъ; Святъславъ, Святъславличъ, Святъславличъ;
- 2) безъ повсамогласной: Святславъ, Святславличъ;
- 3) черезъ о (одинъ только разъ): Святославан.

Пѣсля засадъ староруского языка говоритись повинно Святѣславо, але такїи акцентъ нѣгде не надававъ ся до тексту Слова, проте поеть нарокомъ самогласной о не уживав. Единый только разъ находимо въ выданю Муссинъ-Пушкина Святославан (черезъ о), але то буде похибка переписовача, бо и въ сѣмъ мѣстци ритмика акценту на о не выказуе.

Нынѣ, где мы акцентомъ завначуемо вымову, нема вовсѣмъ потреби писати Святъславъ черезъ ѣ. На подставѣ выданя Муссинъ-Пушкинового я всюды ужи-

ваю лишь двѣ формы егo слова: коротшy Святславо и повнѣйшy Святославо; всякѣ инші комбинаціи не мають вартости*).

Бще бѣльше баламудство бачимо при писаню слова Тьмѣторокань; початкове тьмоу разъ пишесь черезъ ѣ, разъ безъ жадной пѣвсамогласной, а суть зновѣ мѣстця въ Словѣ, где пишесь тьма (черезъ ѣ). Ритмика въ той хаосѣ легко впроваджуе ладъ, а заравомъ и констатуе, що переписовачъ самъ зъ тымъ довгимъ словомъ не умѣвъ дати рады, бо пише н. пр. Тмоуторокань (безъ ѣ) якъ разъ въ такѣмъ мѣстци, где пѣвсамогласна стояти повиня.

Въ загалѣ скавати можна, що въ старорускѣмъ языцѣ ѣ въ серединѣ слѣвъ лишь мало коли вымовлялось: оно або зовсѣмъ выпадало, або переходило на самогласну о. Для Слова выходитъ таке правило: где въ выданю Муссинъ-Пушкина стоять ѣ въ серединѣ выразѣвъ, тамъ его читати треба; где нема, тамъ и вставляти его не можна. (Въ однѣмъ тѣлько мѣстци уважаю ѣ простымъ правописнымъ знакомъ, а то въ словѣ изъострини; ту ѣ, якъ и въ нынѣшней рускѣй правописи, служило тѣлько на те, щобы означити правильну вымову: из-острини).

Загального правила для вымовы буквы ѣ въ серединѣ слѣвъ подати тяжко, бо, якъ сказано, було ѣ разъ

* У Муссинъ-Пушкина стоять гдeкyды Святъславъ, хочъ ритмика домагаець коротшой формы (безъ ѣ). Доказати легко, що ту заходить вина переписовача. Отъ н. пр. подыбуемо въ Словѣ три разы выражене бoуeгo Святославлича. У Муссинъ-Пушкина два разы стоять Святславлича (безъ ѣ) и ритмика дѣйстно такой вымовы требуетъ; въ третѣмъ мѣстци вже надруковано: бoуeгo Святъславлича (черезъ ѣ), — ритмъ выходитъ зовсѣмъ хибный.

самогласною, разъ только знакомъ мнѣченя. Яко певну рѣчь приняти можна, що ѣ тогда не выговлялось, коли заступувало якусь иншу самогласну: **бѣи** вм. **бни**, **жрибѣи** вм. **жрибни**, **оузорочѣи** вм. **оузорочни**, **выльѣти** вм. **выльити**, **Ольга** вм. **Олега** и т. д. Въ такихъ выпадахъ ритмика всюды наказуе ѣ не читати, — и се нивѣтъ вовсемъ логично, бо иначе годѣ будобы поняти, на що поетъ гдеякѣ самогласнѣ ослаблюе, а ѳдтакъ тотѣ ослабленѣ звуки каже зновѣ повно выговляти. Нынѣшна наша бесѣда (порѳви. формы **выльѣти**, **бю**) и въ свои стороны оправдуе наведенѣ коротшѣ формы старорускѣ.

Въ формахъ, якъ **костѣми**, **напастѣми**, **пѣсьми**, буква ѣ була такожѣ лишъ знакомъ, а не окремою самогласною. Такъ выказуе ритмика и такъ выходитъ особливо въ писаня слова **пѣсьми** (еслибы ту ѣ мало бутѣ окремою самогласною, тогда для тресложного слова буббы поетъ написавъ повну форму: **пѣсьнѣми**).

Историчный розвѣй руского акценту.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ замѣтныи двоякѣи акцентъ: прарускѣи (падающѣи вычайно на коренну слябу) и властивый старорускѣи акцентъ, повсталый въ давнѣйшого головно за впливомъ согласныхъ. Найлучше исторію руского акценту прослѣдити можемо на ѳдмѣнѣи ѳблъшесложныхъ именьникѳвъ мужеского рода.

А) Акцентъ прарускѣи.

1. пад. **Бсебѳлодо**, **шѣломо**, **Ипрѳславо**
2. „ **Бсебѳлода**, **шѣлома**, **Ипрѳслава**
3. „ **Бсебѳлодоу**, **шѣломоу**, **Ипрѳславоу**
4. „ **Бсебѳлода**, **шѣломо**, **Ипрѳслава**
5. „ **Бсебѳлоде**, **шѣломе**, **Ипрѳславе**
6. „ **Бсебѳлодоме**, **шѣломоме**, **Ипрѳславоме**
7. „ **Бсебѳлодѣ**, **шѣломѣ**, **Ипрѳславѣ**.

Въ словахъ ббльшесложныхъ акцентъ, якъ бачимо, у всѣхъ падежахъ падавъ на ту саму слябу.

Б) Акцентъ старорускій.

Въ старорускомъ языкѣ ѣ часомъ выпадало и тогда наконецна согласна притягала акцентъ до себе. Выпадокъ такой заходивъ въ 1. и 6. падежи числа единичного (у именниковъ неживотныхъ такожь въ 4. падежи); въ иныхъ падежахъ акцентъ прарускій постававъ невмѣнный. Оdmѣна була така :

1. пад. Ксеволодъ, шело́мъ, Ипросла́в
2. „ Ксево́лода, шело́ма, Ипро́слава
3. „ Ксево́лодоу, шело́моу, Ипро́славоу
4. „ Ксево́лода, шело́мъ, Ипро́слава
5. „ Ксево́лоде, шело́ме, Ипро́славе
6. „ Ксево́лодомъ, шело́момъ, Ипро́славомъ
7. „ Ксево́лодѣ, шело́мѣ, Ипро́славѣ

Въ 12. столѣтїю побѣчь сей старорускою оdmѣны уживалась, якъ то въ початкахъ и бути мусѣло, дуже часто оdmѣна давнѣйша, праруска, тому не диво, що въ Словѣ подъ взглядомъ акценту обѣ тѣ оdmѣны находятъ ся.

В) Ныльшній акцентъ рускій.

Флюктуация акценту, яка за впливомъ согласныхъ вытворилась въ языкѣ старорускомъ, не могла довго остоятись. Акцентовати въ однихъ падежахъ такъ, а въ другихъ иначе, выдалось Русинамъ появомъ дивачнымъ, нелогичнымъ, — тымъ ббльше, що условія, въ котрыхъ вытворивъ ся первѣстный, прарускій акцентъ, не були вже нѣкому зрозумѣлы, пѣдставы для такого акценту вѣстали пѣдорванѣ, рѣшаючій голосъ въ справахъ акценту мали теперъ не коренѣ словъ, не

довгій и короткій самогласно, а лишь согласнѣ, що по ѡпаденю звукѡвъ **ъ** и **ь** явились на кѡнци слябѣ. Вже и въ старорускомъ языкѣ видно намагання освободити ся ѡдъ неприродной, истинно механичной флюктуациі акцентовой, однакъ тѣм намагання повелись толькы въ словахъ, окѡнченыхъ на согласнѣ дуже легкѣ до вымовы **х**, **ч** и **с**: мѣлы^х, гѣлы^ч, кѣшы^{сь}; менше вже въ словахъ, окѡнченыхъ на плавну: Игѡрь побѡчь Игѡрь, сѡкол побѡчь сѡкол, гѡкор.

Цѣкава теперь рѣчь довѣдати ся, якъ изъ той флюктуациі акцентовой, споводованой впливомъ согласныхъ на кѡнци слябѣ, вытворивъ ся нашъ акцентъ теперѣшнѣй. Впередѣ всего замѣчу, что въ нашѡй бесѣдѣ видно всюды безчисленнѣ слѣды староруского акцентования. Сюды зачисляю:

1) Акцентъ въ ѡдмѣнѣ слова Господь. На Украинѣ, и всюды въ Россіи, говорятъ въ 1. падежи Господь, въ 2-ѡмъ Гѡспода (зовѣмъ якъ староруске Всеволод, Всево́лода).

Въ Галичинѣ на такѣйже ладѣ всѣ говорятъ: прихѣд-приходу, провѣд-прѡводу, переклѣдъ-перекладу, полѣтъ-полѡну, сѣножѣтъ-сѣножати, щебѣтъ-щебету, Перемышль-Перемышля, Перевѡрокъ-Перевѡрока и т. д.

2) Акцентъ въ ѡбщесложныхъ словахъ въ наросткомѣ: арь, акъ, аль, ачь, анъ, авъ, икъ, иль, ихъ, оль, омъ укъ, унъ, ухъ, ыкъ, ыль. Мы всѣ акцентуемо: лѣкаръ-лѣкаря (не лѣка́ря), кова́къ-кова́ка (не кова́ка), довга́ль-довгала́, бога́чь-богача́, бара́нъ-барана́, рука́въ-рукава́, ручни́къ-ручника́, Васи́ль-Василя́, коро́ль-короля́, жени́хъ-жениха́, поро́мъ-порома́, Рома́нчу́къ-Романчука́, пау́къ-паука́, дере́нъ-деруна́, пасту́хъ-пастуха́, паты́къ-патыка́, моты́ль-мотыля́ и т. д.

Посля староруском, а властиво праруском вымовы говорило ся въ другомъ падежи: ко́зака, бо́гача, лѣ́каря, ко́роля, по́рома, па́стуха, па́ука. Въ сущности межи прарускимъ ко́зака а нынѣшнимъ козака́ нема нѣякои важной рѣжницѣ, бо въ большесложныхъ словахъ суть завсѣгды два акценты: головный и побѣчный, отже цѣла тайна полягае ту въ томъ, що давный головный акцентъ ставъ ся те́перь побѣчнымъ, а побѣчный головнымъ. Бсть то очевидно побѣда першого падежа надъ всѣма прочими, повстала въ той способѣ, що праруске ко́зако замѣнилось въ часомъ въ старорущинѣ на коза́к, значить головный акцентъ вѣставъ вже въ першомъ падежи ослабленный.

3) Маемо еще богато слѣвъ, где акцентъ мимо впливу согласныхъ не замѣнивъ ся, где отже найстарша, праруска вымова въ цѣло́й ѳдмѣнѣ до нынѣ доховалась: о́бразъ - образу, за́ходъ - заходу, за́гарь - загару, во́рогъ - во́рога, за́родъ - зароду, на́родъ - народу (въ Россіи говорятъ въ першомъ падежи наро́дъ, але въ другомъ говѣсѣмъ хибно наро́да), по́слухъ - по́слуху, ку́тикъ - ку́тика и т. д.

Въ наведеныхъ трехъ категоріяхъ слѣвъ уважаю акцентъ нашъ, хотяи и по́йшовъ трема дорогами, въ цѣлости логично и консеквентно переведенымъ, проте мы вже ѳдъ него нѣякъ ѳдступати не повинні.

За те есть еще одна, четверта категорія слѣвъ, где акцентъ, замѣнившись за впливомъ согласныхъ въ 1. падежи, уже и въ прочихъ не повернувъ назадъ до властивои силябы. Мы днесъ говѣсѣмъ хибно акцентуемо: Всеволо́дъ - Всеволо́да, Святосла́въ - Святосла́ва, Яросла́въ - Яросла́ва, проло́мъ - проло́му (говорять такожь правильно: про́лому), проро́къ - проро́ка, пове́тъ - пове́ту, пото́къ - пото́ку (въ горахъ говорятъ еще пра-

вильно потоку), Владимиръ - Владими́ра (на Украинѣ говорятъ правильно Влади́мира), и богато иишихъ.

Першій падежь наведенныхъ ту слѣвъ мае акцентъ изъ становиска старорусского звукословія зовсѣмъ правильный, однакъ въ иишихъ падежахъ бесѣда наша затратила чувство правильности и вже послѣ першого падежа урегулювала всѣ прочы, — першій падежь одиѣсь побѣду надъ иишими! Колись, розпѣзнавшись лучше въ ритмицѣ староруской, мы и въ той категоріи слѣвъ повернемо до властивого наголошуваня; доховані въ явыцѣ нашѣмъ аналогичнй въ аложеныхъ словахъ акценты научать насъ, що говорити треба: Святослава, Яро́слава, Володи́мира, Мстѣ́слава и т. д. Поки-що, мы хибыми акцентами четвертой категоріи слѣвъ еще долго-долго плюгавити будемо нашу бесѣду.

Въ кѣнци есть еще споре число слѣвъ, въ котрыхъ акцентъ до нынѣ не усталивъ ся. Найлучше то пѣзнати въ творахъ многихъ нашихъ поетѣвъ, котры наголошуютъ гдеякы слова на два способы, знаючи що тымъ не вразять слуху своихъ читателѣвъ. Сама рѣчь, що за ближшимъ пѣзнанемъ правилъ акцентовыхъ и той неладъ дасть ся поволи усунути.

Самогласнй вставнй і и о.

Вплывъ согласныхъ на акцентъ слѣвъ объявляе ся и нынѣ еще при самогласныхъ вставныхъ. Се суть лишь случайнй, для лекшой вымовы вставленй звуки, не належащы до пня слѣвъ, а мимо того принимаютъ звычайно акцентъ. Такъ н. пр. мѣсто Днѣпръ кажемо Днѣ́пѣръ, мѣсто о́гнь кажемо о́гнѣнь, мѣсто кнѣжка кажемо кнѣ́жка*) и т. д. Ту зовсѣмъ наглядно бачимо

*) Вставными называю о и і такожь тогда, коли стоять въ послѣднѣй силлябѣ мѣсто старосл. ѣ и ѣ. Если въ

простый механизмъ бесѣды, wpływъ концевыхъ согласныхъ на акцентъ слова.

Самогласнй о и ѣ вставляють ся въ слѣдующихъ выпадкахъ :

1) Въ 2. падежи числа мн. у именникѡвъ женскаго рода. Тутъ вставнй самогласнй завсѣгды акцентують ся: кѡтѡкъ, лавѡкъ, сосѡнъ; гривѣнъ, мѣтѣль, корчѣмъ, земѣль, пѣсенъ, шабѣль, черешѣнъ, сотѣнъ и т. д.

2) Въ 2. падежи числа мн. у именникѡвъ среднего рода. Тутъ самогласнй вставнй такожь завсѣгды акцентують ся: ѡкѡнъ, сукѡнъ; полотѣнъ, зерѣнъ, ребѣръ, крѣселъ, весѣль. (Въ три- и большесложныхъ словахъ подыбуемо, хочъ и дуже рѣдко, неправильнй акцентъ: полотѣнецъ, телѣтокъ.)

3) Въ 1. падежи числа ед. у именникѡвъ мужскаго рода. Тутъ вставнй самогласнй нынѣ лишь тогда мають акцентъ, коли въ падежи 2. наголошусь силаба послѣдна: Днѣпѣръ, Днѣпрѣ; огѡнъ, огнѡ; панѡкъ, панкѣ. Противножь: вѣхоръ. вѣхру; ѡголъ, ѡгла; вѣтеръ, вѣтру.

Въ Словѣ о полку Игоревѡмъ вставныхъ самогласныхъ мало находимо, а то есть и зовсѣмъ природнымъ появомъ, бо въ старорускѡмъ языцѣ ѣ и ѣ на концѣ слѡвъ звычайно выговлялись, отже була вымова звуковъ зовсѣмъ легкою. Въ Словѣ пишесь н. пр. пыткъ (чит. пытко), вухръ (чит. вухро) и т. д. Еслижь о и ѣ вставлялись въ якихъ словахъ, тогда вже конечно дѣставали акцентъ: отѣць, Донѣць, Дѣдоутѡкъ.

Изъ всего выходитъ правило, що самогласнй вста-

Словѣ о полку Игоревѡмъ пишесь орломъ, дни, Донца (а не орьломъ, дьни, Доньца), то очевидно и въ першѡмъ падежи давне ѣ вже не памяталось, отже ѣ (орѣль, дѣнь, отѣць) було ту звукомъ вставнымъ, а не походнымъ.

внѣ о и ; за впливомъ кѣнцевой согласной засадни чо акцентують ся. Выняте заходитъ часомъ въ 1. падежи именникѣвъ мужеского рода; тутъ бесѣда пошла нынѣ за иншими падежами и вже до нихъ акцентъ 1. падежа приноровила. Есть то появъ очевидно нсвѣйшій, старорускому языкови зовсѣмъ незнаный.

Акцентъ въ словахъ зложеныхъ.

Всѣ именники зложеніи, котрыхъ перша часть кѣнчить ся на одну зъ самогласныхъ о, и, ѣ, оу, мали въ старорускомъ языкѣ акцентъ на той самогласной; Святославо, Ирѣславо, Осмомысло, шестокрильцѣ, Богородица, Приснодѣва, челѣвѣко, — Молодимиро, Мстиславо, Ростиславо, — Изиславо, Периславаи (1. пад. Периславель), Словѣтичъ, лоукѣмори, полѣдине, въ полѣноци. — Въ бесѣдѣ нашѣй доховали си еще дуже численнй слѣды такого акцентованя, акъ первѣспы, красоворонъ, корѣмысло, добродѣй; вертѣпорохъ, перекотѣполе, шибѣйголова, ровѣмниголова, теребѣлюлька, вернигора, колѣворѣтъ, кавѣдорога, горѣцѣвѣтъ, спасѣбѣгъ; чорнѣземъ, колѣдязъ, однѣкѣнка; говорятъ такожъ часто: на сѣножати, мешкати въ Ирѣславѣ и т. д.

Акцентъ въ наведеныхъ зложеныхъ выраженяхъ уважаю дуже логичнымъ, правильнымъ, бо падаючи въ середину двохъ слѣвъ, лучить ѣнъ тотѣ слова тымъ тѣснѣйше, нѣяко духово, въ одно понятѣ. Въ Словѣ засада такого акцентованя дуже точно переведена, тѣлькожъ поетъ упорно всюды пише Святѣславѣ (або Святславѣ), змушуючи читателя самогласной о не акцентовати, отже Святославо або Святславо. Ритмика дѣйствио выказуе такій акцентъ; лишь одинъ разъ, и то власне въ дуже

попсованбѣ мѣсци, вышло менѣ правильно **Бдѣтѣ-славо** (XIV. уступъ поемату).

Бѣтъ еще въ Словѣ реченъ: не бысть тоу брата **Бричислава**. Я задля ассонанціи акцентую брата **Бричислава** (три а акц.). хочь правильнѣйшимъ уважаю акцентъ **Бричѣслава**. (Поеть, щобы не акцентовати самогласной и, написавъ нарокомъ **Бричислава**).

Именники 1. и 4. одмѣны, вложеніи въ применникомъ, мали акцентъ на томъ применнику: **завтрако, бѣждо, облаки, потоко, ѣжино, повѣсте, напасте, похоте**. Въ цѣлости задержавъ ся такіи акцентъ въ Галичинѣ до нынѣ; мы кажемо н. пр. **на рѣдѣ, заходѣ, рѣходѣ, выходѣ, западѣ, на казѣ, приказѣ, за казѣ, указѣ, вѣказѣ, до казѣ, вѣбѣрѣ, наголосѣ, рѣголосѣ, дѣносѣ, вѣстрѣлѣ, пострѣлѣ, записѣ, дѣписѣ, вѣписѣ**, и множество иншихъ такихъ слѣвъ.

Изъ вложеныхъ приложниковъ лишь дуже мало подыбуемъ въ Словѣ, протѣ годѣ установити якъсь загальне правило. Лишаючи на боцѣ приложники, утвореніи съ причастій (н. пр. **отвореный, прикрытый**) находимо лишь слѣдующіи вложеніи: **обюдный, златовѣрхый, безводный** (находитъ ся въ мѣсци, где текстъ по моѣи гадцѣ попсованныи; пося тексту у. **Мусинъ-Пушкина** выходитъ **бѣзводный**), **Стрѣбожнй, трѣскѣтлый, прадѣдннй, заѣтриннй, ѣгорьскый, ѣдалннй**. Вынявши слова **златовѣрхый**, где самогласна **р** не допустила змѣны акценту, и **заѣтриннй**, — у всѣхъ прочихъ приложникахъ падае акцентъ на першу складову часть слова.

АЦЕНТЬ ГЛАГОЛЪ.

Передовсѣмъ цѣкавый появъ заходитъ при глаголахъ 4-ои клясы (котрыхъ нень кончатъ ся на и); они майже безъ выему мають ацентъ на коренной слябѣ: творити, ѡздити, прилѡмити, прилѡжити, мѡстити, крѣсити, смѣслити, цѣлѣити, раскрѡпити, скѡчити, нѡсити, сѹшити, грѹзити, рѡнити, бстрити, правити, звѡнити, хѡпити, обѣсити, расхѣтити, докѡнчити, подѣлити, поклѡнити и, здась, стѹпити.

Слѣды того на всякій случай дуже правильного ацентованя доховались въ нашѡй бесѣдѣ въ цѣлѡй ѡдмѣнѣ часу теперѣшного, н. пр. (мы) творимо, лѡмимо, бѹдимо, крѡпимо, звѡнимо, а въ перенесенымъ ацентомъ: сѹшимѡ, дѣлимѡ, кінчимѡ ит. д.

Въ повноголосныхъ формахъ менѣ выйшли такы аценты: городѣти, полонѣти, молотѣти, а тѡлько одинъ разъ молѡдити.

Та не лишь глаголы четвертой клясы, але и всѣ иншы мають склоннѡсть до ацентованя слябѣ коренныхъ. Видно то найлучше по ѡдмѣнѣ часу теперѣшного, И такъ:

Число единичне.

1. особа: хѡчѹ (и церковне хощѣ), вѣжѹ, полѣчѹ, ѡмѡчѹ, ѡутрѣ — всюды ацентъ на коренной слябѣ.

2. особа: стѡнѣши, прыщѣши, грѣмѣши, мѡжѣши, сѣдѣши, ѡтѡбрѣши, стрѣлѣши, плѣкѣши, вѣбѣши, мѣчѣши — всюды ацентъ на коренной слябѣ, вынявши глаголъ стрѣлѣши (порѡвнай стрѣлѣ).

3. особа: звѣните, клѣчете, вѣлите, вѣдѣте, забрѡчѣте, мѣркѣте, дрѣмѣте, вѣжѣте, правѣте, тѣтѣте,

шбміте, нічїте, лїтїте, нбсїте, збкїте, тїчїте, кздн-те, мбловнїте, вбдї(т), слбшнїте, ккчїте, плбчїте, кбжїте — всюды акцентъ на коренной силябѣ. До выня-тїй належать стоупбете и выдбете.

Число жноге.

1. особа: всїдїме, пбзрїме (або позрїм), почнїме.
2. особа: (не приходїть вѣ Словѣ).
3. особа: вкбжате, трбкїте, стбмїте, скбчїте, крї-чї(т), восрбжате, збкбкїте, брїшбкїте, ндбкїте и ндбїте, хбтїте, вкбкїте, тїкбкїте, лїжа(т), лїтї(т), грїмлїте, трїща(т), кбкїте, нкбкбкїте, лїлбкїте, мблбтїте, пбшбкїте, кбжбкїте, почнбїте — всюды акцентъ на коренной силябѣ. До вынятїй належать: побкїте, повкбдбкїте, трїпїшбкїте, прїкрывбкїте, глагблїте, повкбждбкїте, ры-кбкїте.

Вѣ загалѣ можна повкбветї, що глаголы — вынявши гдїякї вѣ пятой клїсї, котрї а всюды задержують, н. пр. повкбдбкїю — акцентъ мали на силябѣ коренной. Тблько за впливомѣ согласныхъ мбгъ акцентъ змѣнїти ся, н. пр. пбсїте або пбсїт, мкбрїте або мкбрїт и т. д.

Двоной акцентъ слбвѣ.

Гдїякї слова мають двоной акцентъ для означенї двохъ розличныхъ понятїй, або для розрбжненї двохъ чиселъ. Змѣна акценту споводована ту не причинами языковими, але ббльше розумовими, логичними.

Вѣ жїючбї нашбї бесквдѣ задержали ся дуже численнї слбды такого двоного акцентованї, особливо вѣ бдмѣнї двосложныхъ именованїкбвѣ. Перейду порбв-навчо бодай важнїйшї випадкї.

Именники першой бдмнн.

Нынѣ рбвнозвучныхъ падежбвѣ (вѣ числѣ единич-номѣ и многбмѣ) нема; лише кблька задержалось слб-

дѣвъ старинной ѡдмѣны въ другѣмъ падежи числа многого, который бувъ рѣвный першому числа единичного. До нынѣ различаемо акцентомъ: *число един.* лѣкоть, чѣбѣтъ — а *число мн.* кѣлька лѣкѣтъ, пара чѣбѣтъ. Сюды можна бы такожь ѡднести: *число един.* дѣсѣтъ, а *число мн.* пят-дѣсѣтъ, сѣм-дѣсѣтъ.

Въ старорускѣмъ поематѣ въ той старинной ѡдмѣны находимо въ числѣ многѣмъ лишь два слова: кой и славий. При першѣмъ въ тыхъ слѣвѣхъ, яко односложномъ, о вмѣнѣ акценту не може бути бесѣды; при другѣмъ така вмѣна дѣйствио заходить: *число един.* славѣий, *число мн.* славѣий.

Именники другою ѡдмѣны.

Однако звучать 2. падежь числа един. и 1. падежь числа многого; рѣжниця выражае ся двоякимъ акцентованиемъ.

1) *Число единичне* (другій падежь): полѣ, морѣ, сѣна, мѣста, слѣва; *число многе* (першій падежь): полѣ, морѣ, сѣнѣ, мѣстѣ, слѣвѣ.

2) *Число единичне* (другій падежь): ѡкнѣ, селѣ, перѣ, ребрѣ, веслѣ; *число многе* (першій падежь): вѣкнѣ, селѣ, перѣ, ребрѣ, веслѣ.

Правило такого акцентования двосложныхъ слѣвѣхъ есть въ языцѣ нашѣмъ досыть загальне и перестерѣгаеь всюды такожь въ старорускѣмъ поематѣ. Виравдѣ васѣбѣхъ дотычныхъ формъ есть ту дуже скупонькій, але рег аналогіямъ можна въ иныхъ падежьвѣхъ акцентъ властивый вынайти. И такъ: *число един.* (другій падежь) полѣ, лѣтѣ, стадѣ — *число мн.* полѣ, лѣтѣ, стадѣ; *число един.* крилѣ, крильцѣ — *число мн.* крилѣ, крильцѣ.

Именники третѣи бѣжки.

Однако звучать 2 падежь числа един. и 1 падежь числа многого; рѣзница выражае ся двоякимъ акцентуванемъ.

1) Число единичне (другій падежь): лавки, хаты, шаблѣ, цѣрквы; число многе (першій падежь): лавкѣ, хатѣ, шаблѣ, цѣрквѣ.

2) Число единичне (другій падежь): горы, сестры, воды, ногѣ, стороны, землѣ; число многе (першій падежь): горы, сестры, воды, ноги, стороны, землѣ.

Правило такого акцентуваня перестерѣгае ся и въ старорускомъ поематѣ: число един. (другій падежь) дѣвы, враны, зарн, рѣкы, раны — число многе (першій падежь) дѣвѣ, вранѣ, зарнѣ, рѣкѣ, ранѣ; число един. воды, грозы, меглы, дескы, горы — число многе вѣды, грѣзы, мѣглы, дѣскы, гѣры. Очевидно, суть въ старорускомъ языцѣ и выняты ѡдѣ того правила, але они споводованѣ иными важными причинами. Годѣ н. пр. щобы говорилось въ старорусчинѣ цѣрквѣ, бо самогласна р нѣколи не тратила акценту; не могло говоритись дѣкѣ, бо сляба дѣкѣ кѣнчилась на согласну, котра трудностею вымовы притягала акцентѣ до себе; годѣ було акцентувати птици, коли и намѣ навѣкшимѣ вже вымовляти и найтяжшій комбинаци звукѣвъ, въ вымовоу першой слябы (пти) такѣ иде неспѣрно, що не ставе часу захопити акцентомѣ конецѣ слова.

Именники четвертой бѣжки.

Однако звучать 2, 3 и 7 пад. числа единичного и 1, 4 и 5 числа многого. Наша бесѣда тымѣ множествомѣ тождныхѣ формѣ видимо такѣ обаламутилась, що вже и въ акцентѣ не робить ту нѣякихѣ рѣзницѣ. Правильнѣи

акценты, якъ н. пр. въ но́чи, належать въ нынѣшней ъдмѣнѣ до правдивыхъ рѣдкостей.

Старорускій языкъ разрожнявъ акцентомъ число единичне ъдъ числа многого.

1) Число единичне: поу́ти, рати́, пѣ́сни, хоти́, по Роси́ (рѣ́ка Рось); число мно́ге: пѣ́ти, рати́, пѣ́сни.

2) Число единичне (въ стягненьхъ старослав. формахъ): вла́сти, прѣ́ди, срѣ́ди, крѣ́ви — число мно́ге: вла́сти.

(Засѣбъ словъ сего ъдмѣны въ поематѣ нашѣмъ дуже скупый, протѣ загалнаго правила поставити ту не можна.)

Приложники и прислѣвники.

Прислѣвники творять ся звычайно зъ приложниковъ, а властиво, що до формы своєї, були они *приложниками середного рода*: красно, скоро, мало, широко и т. д. Ту заходить той випадокъ, що есть одно слово, а служитъ для означеня двохъ частей мовы; послѣ проводной засады руского языка повиненъ бы приложникъ акцентомъ своимъ рѣзнити ся ъдъ прислѣвника.

Въ нынѣшней бесѣдѣ така рѣзниця гдѣкуды заховуе ся: малый, мало; слабый, слабо; старый, старо; благой, благо; худой, худо. Кажуть такожь: широкый, широко; высокий, высоко; горячий, горячо; зеленый, зелено; веселый, весело; красный, красно; короткий, коротко и т. д. Заховати точнѣйше тую рѣзницю акцентову, бесѣда наша не могла, бо формы приложниковъ на ѣ нынѣ не уживаются, отже и ѡдпавъ одинъ важный регуляторъ акценту въ нынѣшней бесѣдѣ руской.

Горѣшну увагу роблю бѣльше догадомъ, бо прислѣвниковъ и ѡдповѣдныхъ имъ приложниковъ есть

въ Словѣ всего-навсего три: тѣмный, тѣмно; малый (?), мало; многы (plur.), много. Последне слово тутъ не йде въ рахубу, бо тяжша вымова першой слябы (мно) не дозволила вмѣнити акценту, а вновь малый приходитъ въ двоихъ мѣстцахъ, въ котрыхъ одно припускае акцентъ малый.

Въ ивнихъ прислѣвникѣвъ на о подыбуютъ ся въ Словѣ: высоко, насильно, тяжело, часто (?), рѣтко, лѣпо, мѣтно. Акценты приложникѣвъ, якъ думаю, були такі: высокий, насильный, тяжелый, частый, рѣткий, лѣпый, моутный.

Важный есть еще акцентъ прислѣвника конецъ (приходитъ два разы). Ту наилучше видно намагане бесѣды до розрѣшюваня посредствомъ акценту тождныхъ формъ, бо именникъ конецъ мавъ акцентъ на послѣднѣй слябѣ.

Гдеякі слова мають два зовсѣмъ ѿдѣльні значеня, котрі такожь двоякимъ акцентомъ выражаемо: замокъ и замѣкъ, мука и мука, дорога (Weg) и дорога (theuer), жадень и жадень, плачу (ѿдъ плакати) и плачу (ѿдъ платити), помочи (ѿдъ помѣчь) и помочи (infin.), и многі ивші.

Въ Словѣ мало находятъ ся выразѣвъ въ двоякимъ значенемъ, однакъ где они суть, тамъ варавъ и заходить рѣжница въ акцентъ: гораздый (богатый) и гораздый (швидкий, скорый), окіда и Окіда, (сіиний и) синій, дѣвица (о половецкихъ дѣвчатахъ) и Дѣвица (о славянскихъ богиняхъ, Русалкахъ), котора (нѣм. Nader, сварка) и котѣра (welche). Думаю, що сюды зачислити можна выраженя гѣдина (часъ) и годіна (вѣйна): на ніче са годіны ебратіша. Въ послѣднѣмъ значеню походилобъ годіна ѿдъ hōd, слова улюбленого сканди-

навскими поетами на означене войны. Нема сомнѣня, що и горлазды въ значеню „швидкій“ не есть словомъ руско-славянскимъ, але принесене на Русь Варягами и односитъ ся до скандинавского hratt — скоро. (Посля правилъ славянскаго звукослов'я hratt перемѣнитись мусѣло на градсть, а при мягшій вымовѣ на граздъ, въ чого и вытворилась повногласна форма горлаздъ).

Вплывъ применниковъ на акцентъ.

Вже на иншомъ мѣстци замѣтивъ я, що именники мужескаго рода и тѣ женскаго рода, що кѣнчать ся на ь, мають акцентъ на применнику: на-рѣдъ, за-рѣдъ, по-рѣдъ; ро-сходъ, вы-ходъ, об-ходъ, на ходъ, до-ходъ; по-мѣсть, по-вѣсть, за-висть, об-лакъ, об-ласть, по-шесть, за-мѣть, по-дорожь и т. д.

Такъ у насъ згально въ Галичинѣ говорятъ, и се есть едино правильный акцентъ, дохованный одъ прарускихъ часѣвъ и безсомнѣнно сконстатованный ритмикою Слова. Замѣтка, будьто сей акцентъ вытворивъ ся доперва пѣанѣйше подъ впливомъ польщины, а акцентъ російскій на родъ, доходъ, расходъ есть нѣбыто правильнѣйшій, не мае рациональной пѣдставы. Граматикъ повиненъ судити о правильности формъ и акцентѣвъ не въ одного падежа, але въ цѣлости, значить въ всѣхъ падежѣвъ числа единичнаго и въ всѣхъ падежѣвъ числа многого. А такъ порѣвнане власне выказуе, що вынявши 1. падежь всѣ проча (отже 13 падежѣвъ) выговорюють ся въ Галичинѣ акцентомъ иншимъ одъ польскаго, а въ російскомъ тѣ 13 падежѣвъ власне мають акцентъ польскій. До тогожь треба памятати, що якъ пень слова, такъ и головный акцентъ слова повиненъ пѣзнавати ся не въ першого, але въ другого падежа. Посля старорускаго вымовы можна було гово-

рити: нарѣд, расхѣд,дохѣд (бо тутъ кѣндевѣ слыбы кѣнчили ся на согласну), але въ вишихъ падежахъ впливу согласныхъ вже не було, отже и вертавъ правильный акцентъ прарускій назадъ: народа, дѣхода, пѣхода и т. д.

Суть и въ Галичинѣ вложеніи именники, що акцентують мають хибный: потѣк-потѣку (въ горахъ акцентують еще правильно: пѣтѣкъ-пѣтоку); повѣрхъ-повѣрху (але чутѣ такожь пѣверхъ). Въ другой стороны суть и въ російскѣмъ язѣцѣ правильны акценты на применнику: ѡбразы, ѡблако, ѡбласть, пѣвѣсть (хотѣя зновъ говорятъ хибно: повѣстка), рѣвыскъ, настѣпъ, натѣскъ, насмѣхъ (але зовсѣмъ хибно: насмѣшка), пѣваръ, пѣводъ и иншы.

Старорускій (и нынѣшній галицко-рускій) язѣкъ, акцентуючи применники наведеныхъ вложеныхъ слѣвъ, поводовавъ ся ту засадами розумовыми, бо применники служатъ въ вложеныхъ словахъ до модификованя понятій, отже и повиненъ на нихъ спочити натѣскъ голосу.

Вложеныхъ именникѣвъ середного рода и женского (на а) въ Словѣ лишь дуже мало: побѣда, усѣбиця, припѣвка; посѣбие, насѣліе, зараніе, замышленіе, Помѣріе, Посѣліе, уворѣчіе, забрало. Въ тыхъ вложеняхъ нема стѣлько розмаитости, кѣлько при именникахъ 1. и 4. ѡдмѣны (где н. пр. слова рѣдѣ, хѣдѣ могутъ въ пятьма и навѣтъ стѣльше применниками лучитись), отже и бесѣда не бачила ту потребности змѣняти акцентъ. Бслижь для змодификованя понятій есть бѣльше именникѣвъ вложеныхъ, тогды и въ женскѣмъ родѣ применникъ часто акцентуе ся: дѣгадка, зѣгадка, прыгадка, вѣгадка, рѣгадка; вѣставка, прыставка, дѣставка, вѣставка; намѣтка, прымѣтка, зѣмѣтка, перѣмѣтка и т. д.

Наибольшій впливъ на акцентъ мають применники па (мѣсто по) и вы. Мы всѣ акцентуемо: пѣсвѣтокъ, пѣтолочъ, пѣгброкъ, пѣкосы, пѣгбнцѣ, пѣморока, пѣробокъ, пѣрбстки, пѣчосы, пѣбородокъ, пѣтока, пѣрбгъ, пѣсербиця, пѣлутый, пѣсынокъ, пѣрѣсный, пѣрбйки, пѣжера, пѣгбнсть, пѣжерливый, пѣпороть, пѣпоротница — и такойже акцентъ подыбуемо въ Словѣ: пѣволока, пѣпорзи.

Применникъ вы (м. изъ) приходитъ въ Словѣ лишь при трехъ глаголахъ: выторже, выльяти, выскочисте. Въ нынѣшней руской бесѣдѣ замѣчаемо таке правило: глаголы доконаніи мають завсѣгды акцентъ на вы: вынести, выробити, выполокати, выобразовати; недоконаніи акценту на вы не мають: выносити (повинно бути выносити), вырбблювати, выполббкувати. Пѣсля сего правила идутъ и именники глагольніи: вынесенє и выношенє, вырббленє и вырббблюванє, выполббканє и выполббкуванє и т. д.

Применникъ пере въ вложеныхъ именахъ дѣстає ввычайно акцентъ на другбй силабѣ: перѣкупка, перѣхвалка, перѣгра, перѣсѣчно, перѣсылка, перѣвязка, перѣмѣтка, перѣулокъ, перѣрва, перѣсторона, перѣгородка и иншіи. Аналогично говоритись повинно: Перѣмышля, Перѣворека.

Такожь и применникъ соу (мѣсто со) дѣстає въ вложеныхъ словахъ акцентъ: сумѣшка, судороги, суглосна, сугтечь, суржиця (мѣшанина пшеницѣ и жита), суперечка, супротивъ, супротивный, сугорбы, сумирный, суголовки и т. д.

Слова зъ двоякимъ акцентомъ.

Въ цѣлости поодинокіи слова староруского поемату мають акцентъ сталый, всюды одинаковый, — колька вы-

падквѣ, где за дла ассонанціи акцентъ змѣняе ся, не може ити въ рахубу. Однако же суть и такі слова, що безъ важной причины наголошують ся двояко: вѣликій и великій, поганый и поганный зѣмля и земля, князя и князі, сѣми и самі, красныи и красній, рѣче и речѣ, Игорьь и Игѡрь, и кѡль-ка иишихъ.

Не перечу, що гдѣякі мѣстця поемату мѡгъ я эле ѡдчитати и проте лишъ зъ мови вины выпали гдѣякі акценты хибно, однакъ въ цѣлости не поддежитъ сомнѣню, що авторъ Слова дѣйстно акцентовавъ гдѣкуды на два способы, и то, якъ думаю: акцентомъ книжнымъ (прарускимъ, старославянскимъ) и акцентомъ нарѣчевымъ (взглядно галицко-рускимъ). На кѡлькохъ примѣрахъ поясню методу, якои я державъ ся при констатованю правильного акценту въ такихъ словахъ.

Вѣликій, чи великій?

Тутъ перша силаба яко коренна повинна мати акцентъ, отже вѣликій.

Въ Словѣ приходитъ 13 разѡвъ вѣликій, а лишъ въ 4 випадкахъ вышло менѣ великій.

Въ многихъ сторонахъ Галичины, и на долахъ и въ горахъ, говорятъ и доси вѣликій або — що на одно выходитъ — зъ перенесенымъ акцентомъ: великій.

Польске wielki (а не wieliki) и зъ свои стороны доказуе, що самогласна и (i) въ серединѣ слова не мала акценту, божь инакше не могла бы выпасти.

Въ словѣ великій не бачу нѣякихъ причинъ, нѣ въ самогласныхъ нѣ въ согласныхъ, для котрыхъ бы акцентъ не мавъ стояти на силабѣ коренной.

Зѣмля, чи земля?

Ритмика Слова выказуе въ двоухъ мѣстцяхъ ак-

центъ зѣмли, а въ двоухъ зѣмляхъ; послѣ тексту Муссянъ-Пушкиноваго выходитъ три разы зѣмли: 1) зѣмли тѣтнѣте; 2) тѣми трѣсноу зѣмли; 3) клѣкноу, стѣкноу зѣмли. У всѣхъ тыхъ мѣстцахъ приписуютъ ся земли чинности незвычайнѣи, надприроднѣи, и нема сомнѣнѣи, що тутъ слово зѣмли брати належитъ въ значеню митологичнѣмъ.

Зъ ритмики церковныхъ молитовъ выходитъ менѣ всюды акцентъ зѣмли.

Въ гдекотрыхъ сторонахъ Галичины, и въ горахъ и на долахъ, акцентуютъ еще до нынѣ правильно зѣмля.

Сяляба ля (въ мягкимъ ль) уважалась слабою и засадничо акценту не принимала.

Рѣче, чи речѣ?

Въ моѣмъ выданю приходитъ 8 разѣвъ рѣче, по одному разу рѣкоста, рѣкостѣ, ѣркоша, ѣрци, 4 разы ѣркоучи, а лишъ 5 разѣвъ речѣ.

Правильнымъ уважаю акцентъ рѣче, тымъ бѣльше, що давнѣи Русины писали въ сѣмъ словѣ самогласну р, котра засадничо мусѣла акцентовати ся.

Якъ бѣдъ мочнѣи (могнѣи) кажемо нынѣ въ часѣ те-перѣшнѣмъ мѣже, такъ бѣдъ речнѣи мусѣло бути рѣче. Впрочемъ звукъ ѣ впливавъ давнѣйше на ослаблене сялябы, проте на нѣмъ акцентъ стояти не повиненъ.

Кнѣзи, чи кнѣзѣи?

Я зачисляю слово кнѣзь до стягненихъ формъ, подобно якъ градъ (мѣсто городъ), братъ (порѣвн. ма-дѣарске barátom), вноукъ, пакъ (мѣсто полукъ), проте въ другѣмъ падежи не приймаю змѣны акценту: кнѣзи, града, брата, внѣка, полка.

Що слово кнѣзь не було односложне, доказомъ давня правопись сего слова: кѣнѣзь (корень той самъ, що въ нѣмецкѣмъ König).

Акцентъ книжи́ уважаю *спеціальностю* галицкого на-
рѣчія, подобно якъ саміи мѣсто саміи, свѣбого м. свѣбого,
краснѣи (гденуды въ горахъ) м. краснѣи*).

*) Въ загалѣ въ цѣлого укладу поемату видно, що ав-
торъ мавъ часто трудности въ доборомъ акценту, тому
окрѣмъ рускихъ уживае такожъ формъ и словъ старосла-
вянскихъ, н. пр. полкъ и полокъ, солнце и солонце,
драгый и дорогой, брегъ и берегъ, аще и лже, акы и яко
и т. д.

Доповнення до мітології Готів.

Въ „Темнихъ мѣстцяхъ“ подані були пояснені до мітології скандинавскої (головно Готів) и до мітології старорускої, о окілько обѣ представлені въ Словѣ. Теперъ, при досліджуваню акценту, наткнувоь я на кілька новихъ мѣстцъ, котрі такожъ тілько при помочи мітології дають ся роз'яснити. Наляжать сюды згадки про Об...доу, про Дѣвицю Бѣлкоу, про Карноу и Жлю.

Обида.

Интерпретети слушно замѣчають, що слово „обида“ въ поематѣ нашомъ разъ означає „дълане кривды“, а въ иншихъ мѣстцяхъ „терпѣне кривды“. Ритмика довела зновъ до цѣкавого одкрытя, що въ активномъ значеню („дълане кривды“) акцентуєсь обида, а въ пасивномъ значеню обѣида.

Ктожь то єсть тымъ „дѣятелемъ“ кривды?

Въ VIII-омъ уступѣ поемату розскавано, - що „обида вступивши Дьвою на землю Тролюю, восплескала лебединими крилы на синьмъ мори; у Дону плещучи убудила жирна времена“. Ту очевидно бесѣда о мітологичноій постаті, котра въ подобѣ Дѣвы (Валькирін) спустилась на землю и тѣшилась зъ нещастя Русинівъ.

Въ IV-омъ уступѣ поемату згадуєсь такожъ про обидоу. Коли Русины въ першій борбѣ побѣдили Половцівъ, то Ольгове гнѣздо (Игорь и Воеволодъ) розтаборилось без-

печно середъ степу; оно, якъ каже поетъ: „не было обидѣ порождено: ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый Половчине!“ Ту до обиды зачлененій соколъ, кречетъ и воронъ — птицѣ грабежливый, котрый особливо для войска вѣщаютъ лихо, бо въ часѣ войны летать на „едне“ и „трупни дѣлать себѣ“. Обида представлена въ томъ уступѣ въ подобіи птицъ.

Въ III-омъ уступѣ розказано, що коли Игорьъ къ Дюнови зближавъ ся, Дивъ накликувавъ Половцѣвъ до бою, а рѣвночасно „коли грозоу восрежатъ по шроугамъ, орли кличомъ на кости зѣри зовоутъ, лисниці брешоутъ на черныя щиты;“ въ добавокъ сказано тамъ про Игоря: „оуже бо бѣды его (Игоря) пасеть птица подобію“. Последне речене въ наведенѣй стилизаціи не має нѣ найменшого змыслу, бо не знати, кто „пасеть“, и на-що „бѣды“ пасеть, и кто то есть птица подобію? Я мѣсто „бо бѣды“ читаю „обида“, и мысль выходитъ така: „Обида въ подобіи птицъ глядитъ (слѣдитъ) за Игоремъ, коли онъ запускаеть въ степъ Половцѣвъ“.

Въ томъже самѣмъ уступѣ говоритъ ся: „свистъ зѣринъ въ стазен Дневъ кличетъ верхъ древа“. Я поправляю тоє недорѣчне речене такъ: свистъ зѣринъ въста, Оби-Дневъ кличетъ верхъ древа“. Дивъ есть богъ войны, ему до помощи являлись на боевищи Обида-Дѣла и „Обида-птица“; безъ тыхъ чинникѣвъ успѣхъ войны, по вѣрованю Скандинавцѣвъ, бувъ просто невозможный. Ту зовсѣмъ логичный высновуе ся внесокъ, що Оби-Дневъ значеть Обида-Дивъ (силяба да передъ слѣдующимъ д для евфоніи выпала, якъ то и въ иишихъ мѣстцахъ задля ритму досытъ часто лучаеть въ поематѣ). Изъ всего видимо, що Обида (въ значеню активномъ) есть нѣяко олицетвореніемъ митологичного свѣта Скандинавцѣвъ, що въ томъ понятію выражена всѣ тѣ силы, що по вѣрованю поганъ по-

требна були до щасливого успѣху вѣины. Пѣсля скандинавской митологiи Дивъ и Бѣоусъ являли ся на боевищи за вѣгды въ окруженю Валькириѣ и грабежливыхъ птицъ.

Для добраго успѣху вѣины потребна еще були жребiя боеви; ними управляли свята Дѣвици Норны. Въ Словѣ такіи жребiя названіи по скандинавски стрикоусы, а въ однои мѣсти просто „обидни жребiя“ (въ выданю Мусоннъ-Пушкина перекручено на побѣдни жребiя).

Въ X-омъ уступѣ поемату приходить речене: „Донъ ти, княже, канчетъ и зоветь князи на побѣдоу“. Ту ритмика выказуе акцентъ побѣдоу, що зновъ опротивляеться двоимъ иншимъ мѣстцямъ, где читати треба побѣда. До тогожъ взяти мусимо на увагу те, що говорилося въ иншомъ паралельномъ мѣстци поемату; тамъ Обида - Дивъ кликавъ верху древа и звавъ Половцѣвъ на противъ Руси, — ясна рѣчь, що теперь, коли Русины въ небезпеченствѣ, Донъ зве рускихъ князѣвъ противъ „Обиды“, а не на якусь побѣду*).

Думаю, що тымъ моимъ выводомъ якъ наилучше поясняе ся кѣлька темныхъ мѣстцъ въ Словѣ. Розрѣжати мусимо: Обида (въ загадѣ), а ѣдтакъ въ частности: Обида-Дивъ, Обида-Дѣва, Обида-Дѣвица, Обида-птица и обидни жребiя.

Дѣвица Бѣла.

Въ XI уступѣ Слова приходить таке речене: „На седьмомъ вѣцѣ Троини верже Кеслакъ жрекии о дѣвицю сѣбѣ любоу“. Интерпреты, не могучи кѣнца дойти зъ тымъ загадковимъ реченемъ, кажутъ, що „дѣвицею сѣбѣ любою“ буде мѣсто Кіевъ, бо и справдѣ Всеславъ якийсь

*) Языково „звати на побѣду“ малобы значене зовѣмъ инше, скорше враждебне (порѣвнай: „орли клектомъ на кости звѣри зовуть“).

часъ княживъ въ Кіевѣ. Въ „Тамниъ мѣстцѣхъ“ пояснить я на подотавѣ самогожь поемату, що ту бесѣда о *стрихусахъ* (божескихъ жребіяхъ), котрыми управляли святѣ Дѣвицѣ Норны, що проте въ тексті читати треба: „жребіи отъ дѣвицѣ себѣ любви“. Заразомъ выразишь я догадку, що тою дѣвицею „любою“ буде наймолодша Норна, хороша богиня Скульдъ.

Ритмикою Слова доходимо до гдещо вишихъ результатѣвъ. Выражене „себѣ любви“ не дае ся унати въ ритмичну форму; ту конечно заходить похибка переписовача, котрый не розумѣючи скандинавской митологій, черезъ штучне получене неналежачихъ до себе слѣвъ потворивъ собѣ новѣ, бѣльше зрозумѣлѣ выразы. А що ту дѣйстно зайшла поправка, вказуе вже и сама фраза, котра есть надто модерною и до давниого способу выражения не надае ся.

Слова *себѣ любви*, зъ огляду на ритмъ и на звязъ зъ дальшимъ текстомъ, дѣлю въ той способѣ, що першу силлябу *се* и послѣдну *кы* (властиво *ко*) переносу до слѣдующого реченя, а середнѣ силлябы *бѣ+лю* лучу въ одно понятие. Такимъ чиномъ выйде текстъ такий: „Киславѣ верже жрекий отъ Дѣвицѣ *Бѣкы*. *Се* той *ко* кляками подперѣ см, оконню скочи къ градуу *Кывекоу*... скочи въ полночи изъ *Бѣлаграда*, *обѣси* ся синѣ *мыглѣ*, оуторже въ *извено стрикоусы*“. Поеть ставитъ напередъ головну мысль (верже жрекий отъ Дѣвицѣ), а потѣмъ, якъ то бнѣ для лучшого зрозумѣня всюды робить, поясняе головну мысль ближше (тутъ при помочи слѣвъ *се ко*).

Ктожь була тая *Бѣла* (*Бѣла*)?

Въ Еддѣ, въ поезіи *Gylfaginning*, сказано такъ: „Найвышій богъ поставивъ на небѣ два возы и два конѣ: одно для ночи, друге для дня. Нѣчь ѣде напередъ, а ея конь пѣною своєю кдае росу на землю. Сонѣчнымъ возомъ кермуе *Söl*, а мѣсяцемъ *Mani*. Сей послѣднѣй взявъ зъ землѣ двое дѣв-

чать, Bil и Hiuki, котра и доси ходять въ слѣдъ за мѣсяцемъ. Придивѣмъ ся лишъ уважно мѣсяцеву, а побачимо бѣля него и одну дѣвчину и другу: Бѣлю тогда, якъ мѣсяць меншае, Hiuki тогда якъ мѣсяць росте". (Die Edda von Karl Simrock, achte Auflage, Stuttgart, 1882).

Посля иншихъ повѣрокъ скандинавскихъ Бѣля сидеть на кружку мѣсяца и представляеть оку нашему въ видѣ тыхъ плямъ, що бачимо на мѣсяци. Она зачислялась до родины богѣвъ.

Порѣвнайможъ теперь текстъ Слова зъ тою повѣркою. Всеславъ о пѣвночи взнѣсь ся своєю чародѣбною силою до неба, повисъ въ синихъ облакахъ и ошпѣ (здруливъ) въ своѣй чепецъ жребій одъ Дѣвицѣ, такъ званѣй стрикусы. Тою нѣчною Дѣвицею не може бути кто иншій, лишъ богиня Бѣля.

Не знаю, чи стоять то въ якѣй звязи зъ повѣркою скандинавскою, що рускѣй селянцѣ въ многихъ сторонахъ въ часѣ остатной квадры за нѣщо въ свѣтѣ не будутъ нѣ сядити нѣ сѣяти, навѣтъ огѣркѣвъ солити не ѣдважать ся (Номисъ, Приказки 13.418). Звязъ о стѣлько ту можлива, що божества скандинавскѣй, якъ ихъ вже представляе старорускѣй поетъ, були для Русинѣвъ силою злою, а послѣднѣя квадра есть власне часомъ панованя Бѣлѣй.

На Руси, еще и въ часахъ по-Игоревыхъ, доховалась була (межи боярами) традиція про Бѣлю. Въ Словѣ Даниїла Заточника, памятнику зъ 13-ого столѣтя, приходитъ такий уступъ:

Коли пожрѣт синица ѣрла,
 Коли камѣнне восплѣви(т) по водѣ,
 Коли свинѣя почнѣт на бѣлкоу ламати,
 Тогда безвѣдмый ѣмоу наочит ся.

Интерпреты кажуть, що бѣлка значитъ ту „смерька“. Але въ ѣдкѣ тогда взявбы ся такий непоетичный, глухой

концептъ у поэта, представляти „овиню“, якъ она лас (т. е. бреше) на вывѣрку? Въ наведенѣмъ мѣстѣ взятый образъ изъ звичайнаго жита. Псы, якъ знаемо, „бредуть на мѣсяцѣ“, — а поэтъ навязуючи до того каже: „*коли свиня почне на мѣсяцѣ брехати, тогды дотерва безумный стане ся умнымъ*“. Порѣвнане въ такой способъ высказане, хочбы и выдалось кому неестетичнымъ, але насъ зовѣмъ розумну мысль и освободжае насъ одъ той загадочнои вывѣрки, котра, нѣ сѣло нѣ цало, стаесть такъ антипатичною — для „овинѣ“.

Бѣлка у Данила Заточника значить по-простоу „мѣсяцъ“ и стягае ся до той скандинавскои Дѣвицѣ Бѣлѣ, що ходить за мѣсяцемъ, або на мѣсяци сидить.

Карна и Жля.

Въ VIII-омъ уступѣ Слова находимо (въ выданю Муссины-Пушкина) таке речене: За нимъ (Игоремъ) канкноу Карна и Жля, поскочи по рѣской земли, смагоу млычючи въ пламинкѣ розѣ. Интерпреты, опираючи на лѣтопис, поправляютъ слова Карна и Жля на Кончакъ и Гза, бо дѣйствию оба тѣ ханы половецкѣ разбивши войско Игоря, погнаши въ руску землю и тутъ мечемъ и огнемъ мстились за Игоревый нападъ. Въ оной текстѣ принявъ я такожь имена половецкихъ хановъ, бо обѣ назвы надавались менѣ добре до ритму. Але хочъ мысль выходитъ добра и ритмъ добрый, всежь выдане Муссины-Пушкина есть тутъ первородной ваги и зъ нимъ мусимо конечно числяться. Въ текстѣ сего выданя, якъ выказуе ритмика, нема зовѣмъ тыхъ великаньскихъ блудовъ и похибокъ, про котры стѣлько наговорились ученѣ; тѣлько тѣ уступы, въ котрыхъ згадуе ся про скандинавску митологию, выйшли попсованѣ, — ту очевидно переписовачъ не розумѣвъ предмету, проте або самъ эле одчитувавъ, або нарочноъ власнѣ робивъ поправки.

Я и горѣшне речене зачисляю до тыхъ, що односятъ ся до скандинавской митологiи:

Мѣсто Жли читаю Лжи, про котру въ тѣмже самѣмъ уступѣ поемату (кѣлька стихѣвъ нижше) такъ говоритъ ся: Та бо два храбраи Святославича, Игорьъ и Всеволодъ, оуже ажѣ оубоуди(ста), которѣю то быше оуспилъ отица ихъ Святославъ Киевскый. Авторъ Слова выказавъ напередъ головну свою мысль, а потѣмъ самъ еѣ коментуе. Розумѣти треба такъ: Святославъ бувъ грозою на Половцѣвъ и на якійсь часъ притишавъ (уопивъ) ихъ ажѣ, а сыновцѣ Святослава, Игорьъ и Всеволодъ, воювали нещасливо, обудили ажѣ на-ново, и ось Лжи поскочи по роуской земли, смагоу мычючи въ пламянкъ розѣ. Ту такъ логичный хѣдъ мыслей, що о точности выводу сомнѣватись не можна.

Пытане тѣлько, кто бувъ той Лжи и зъ ѣдки взявъ я у него пламяный рѣгъ?

Пѣсля скандинавской митологiи мавъ Умиръ (такожъ Имиръ) окрѣмъ доньокъ Валькерiй, еще и сыновъ-великанѣвъ: Кагi, Нлер и Logi — котри були представителями *воздуха, моря и дикого огню*. Слово Logi (но нѣмецки *Lohe Flamme, Wildfeuer*) пѣсля правилъ руского звукословія вымовлялось Ложъ (гъ мягчить ся на ж) або Лжа. Знаменемъ Лжи есть пламяный рѣгъ, зъ которого сышелъ огонь, а въ Словѣ о полку Игоревѣмъ власне говоритъ ся о Лжи и о пламянкѣ розѣ. Поетъ мѣсто ханѣвъ половецкихъ наводитъ нарокомъ митологичной особы, щобы тымъ сильнѣйше великiй погромъ Руси представити. Сыны Умира були велетнями, ворогами и людеѣ, передъ ихъ силою и злобою малѣе и найлютѣйша месть ханѣвъ половецкихъ.

Пѣсля сего выводу поправити треба Муссинъ-Пушкиновыи текстъ такъ: за нимъ кликнуѣ Каръ на Лжю, и поскочи... Тое поскочи, якъ видно зъ слѣдующого мы-

чючи, стоить властиво мѣсто числа двѣйного поскечнста *) ;
 никакше выходилобы, що Карь у Лжи „пожичавъ“ собѣ тѣлько
 пламяного рога.

Мысль цѣлого реченя така: „Повадъ Игоря клякнувъ
 Карь на Лжу, и оба они — Вихоръ**) и Поломѣнь — поне-
 сясь на руску землю, метаючи пожогу въ огненного рога“.

*) Въ Словѣ суть еще и инші мѣстця, где мѣсто чи-
 сла двѣйного поставлене число единичне:

а) въ VIII-омъ уступѣ: Игорьъ и Бисволодъ ажюу
 оубкоудн (повинно бути оубкоуднста);

б) въ IX-омъ уступѣ: оба столпа погасоста, и съ
 нимъ.... (повинно бути съ нима);

в) въ IX-омъ уступѣ: въ морѣ погроузнста и ве-
 ликое боуѣство подасть (повинно бути подаста).

Здае ся, що въ староруцинѣ число двѣйне значенемъ
 своимъ бляжше стояло до числа единичного, якъ до числа
 многого.

**) Слово Карь толкую черезъ „Вихоръ“, и то за при-
 водомъ самого поета, котрый кѣлька стихѣвъ нижше по-
 рѣвнуе Велюкого князя вѣвского и зъ тымъ скандинавскимъ
 Logi („иссоуши потоки и колота“) и зъ скандинав-
 скимъ Kari („Кебака яко вихоръ выторжѣ“).

ПОПРАВКИ.

Вже по розвѣсланю (посредствомъ „Зорѣ“) першихъ аркушѣвъ с и книжки, одержавъ я въ колькохъ сторонѣ уваги що до акценту гдеякихъ слѣвъ. Се було причиною, що я поновно розглянувъ ся въ текстѣ Муссинъ-Пушкиновѣмъ и такимъ чиномъ власну працю еще разъ провѣривъ. Результатомъ сего труда являють ся отси „Поправки“. Они дотыкають лишъ поодинокихъ мѣстцъ, а радше поодинокихъ слѣвъ, и суть — въ натискомъ тов пѣдношу — не якоюсь негацію поданыхъ мною головныхъ правилъ акцентовыхъ, а противно якъ найкрасшимъ подтвержденемъ тыхже; въ другои-жъ сторонѣ поправки теперѣшній реституують нарушеный гдекуды текстъ Муссинъ-Пушкиновый, суть протѣ новымъ доказомъ неоцѣненои вартости того тексту. Поправки ѣдносять ся до слѣдуючихъ випадковъ:

1) Акцентовати треба на кореннѣй силябѣ глаголы: спáлати, запáлати, стрáдати, кóвати, злстѣпити, остѣпити, востѣпити, встѣпити; противножь (въ стягненнѣй формѣ) скратити.

2) Приймаю для старорусского языка акцентъ: дѣвница, жáлоба, крамóла, человѣкó, сокóльци; смýсленный, краснѣй, ратнѣй; сáми; чáсто.

3) Роблю рѣжницю межи Муссинъ-Пушкиновымъ сѣвѣ и совѣ. Першу форму акцентую сѣвѣ, другу совѣ.

Для лучшого перегляду наводжу все поправки пѣсля уступѣвъ поемату, нотуючи заравомъ стихъ, до которого поправка ѣдносить ся.

стихъ

Уступъ I.

- 20 краснѣмоу Рѣманови Бѣхтославичю.
 24 оиі же сѣми книзѣмо славѣ рокѣтахѣу.
 29 напѣлоннѣо сѣ ратнѣго дѣха.

Уступъ II.

- 9 гѣлицн стады — бѣжате ко Дѣноу великомоу.
 21 а мѣн ти гѣтѣн.
 23 а мѣн ти Курѣны.
 34 нищѣчи сѣбѣ чти, — а книзю славѣ.

Уступъ III.

- 10 спѣла книзю ѣмо (в) пѣхоти.
 11 н жалѣсти емѣ знамѣннѣ застѣпи.
 17 тогда вѣстѣпи Нѣгорѣ книзѣ во злат стрѣмѣнѣ.

Уступъ IV.

- 2 зѣри свѣт запѣла.
 8 нищѣчи сѣбѣ чти, — а книзю славѣ.
 12 помчаша краснѣм дѣвкѣм половѣцкѣм.
 17 по болѣтѣм н грязнѣм мѣстѣм.

Уступъ V.

- 21 н ѣт всѣхо стран; — пѣлки рѣскѣм ѣстѣпиша.
 39 н свѣм мѣлым хотѣ, краснѣм Гѣбѣовнѣ —

Уступъ VI.

- 5 той ко Олѣго мѣчѣм крамѣлоу кѣвашѣ.
 18 во книжѣх крамѣлах вѣци чѣловѣкомо скратѣшасѣ.
 22 но чѣсто враннѣ грахоутѣ.
 23 трѣпи сѣбѣ дѣлѣчи.

Уступъ VIII.

- 4 вѣстѣпил (?) Дѣвою на зѣмлю Трѣбнѣю.
 10 а сѣми на сѣбѣ крамѣлоу кѣвати.

ОТНХЪ

- 11 а поганин сѣми с вѣсѣху стран прихѣжаху.
 15 за нѣме кликнуу Карь на Лжю, и поскочи
 26 а книзи сѣми на сѣбѣ крамѣлоу коваху.
 27 а поганин сѣми, —
 31 Игорь и Всеволодо, —

Уступъ IX.

- 12 и ёркоша воіаре книзю.
 19 крильца припѣшали поганыхъ савелими.
 35 се во Гѣтскыи красны Дѣвы.
 68 не дасте себѣго гнѣзда в овидоу.
 69 но се зло книжі (?) ми не посѣбие.

Уступъ X.

- 48 тѣми трѣсноу зѣмли, —

Уступъ XI.

- 24 вы ёо себѣми крамѣлами — начисте навѣднѣ.
 36 отѣбри врата Нѣвоуградоу.
 37 разширѣ слезѣ Ипрѣславоу.
 39 на Немзѣ снопы стелюте гѣловами.
 54 но часто вѣды страдаше.
 56 и перѣво припѣвкоу смѣсленый речѣ.

Уступъ XII.

- 11 чѣмѣ мечѣши хѣновескыи стрѣлки.
 29 свѣтлоѣ и трѣсвѣтлоѣ Гѣлнцѣ.

Уступъ XIII.

- 9 Игорь мѣслаю мѣрнѣ поля.
 15 кликнуу, стѣкнуу зѣмли.
 50 мѣти плачѣ(т) сѣ Ростѣславля.
 52 оуныша цѣкѣты жалобою.
 55 на слѣдѣ Игорѣвѣ —

Конецъ XIII-ого уступу (одъ стиха 48) и цѣлый уступъ XIV мѣстятъ въ собѣ послѣ тексту Муссинъ-Пушкиноваго кѣлька дуже разячихъ похибокъ рѣчевыхъ и языковыхъ, а зверхъ того и властивости правописнѣ тыхъ уступѣвъ не гармоніюють въ прочимъ текстомъ поемату, а противно лишъ обаламучують читателя. Такъ и. пр. подыбуемо ту форму прѣклонило (въ неправильнымъ ꙗ), хотяй ритмика не выказуе акценту на першѣй силабѣ; въ другой стороны подыбуемо зновъ формы безъ ꙗ: дѣвицю, дѣвице, нѣвесе, голокы, що вказувало бы на акцентъ зовсѣмъ неправильный: дѣвицю, дѣвицѣ, нѣвѣсѣ, голокѣ. Въ концѣ додаю, що въ 6. мѣстцяхъ мусѣвъ я еще переставляти слова, щобы одержати якій-такій ритмъ — значить, я въ послѣднихъ кѣлкахъ стихахъ поемату мусѣвъ бѣльше поправокъ зрѣбити, нѣжъ може въ цѣломъ прочѣмъ текстѣ.

Лишаючи на боцѣ правописнѣ дивацтва тексту, я. конецъ XIII-ого уступу подаю остаточно въ такѣй формѣ:

Мѣловите Гзѣко Кѣнчакови:

„Яже соколо ко гнѣздоу лѣтите,

Сокѣльца рѣстрѣлѣвѣ —

Свѣбими злѣчиными стрѣлами“.

Рѣче Кѣнчако ко Гзѣ:

„Яже соколо ко гнѣздоу лѣтите,

Я вѣ сокѣльца опѣутѣвѣ

Краснѣю дѣвицю“.

И рѣче Гзѣко Кѣнчакови:

„Щѣ е опѣутѣвѣ краснѣю дѣвицю,

Ни нѣма вѣдѣте сокѣльца,

Ни нѣма красны дѣвицѣ:

То почнѣте нѣю птѣици вѣити

В половѣцкомѣ полѣ“.

С Л О В А Р Ъ .

Въ словари стѣмъ увзгладненый акцентъ, якій находитъ ся въ „Правнахъ“ на стор. 116—118.

(Числа означаютъ уступъ або часть поемату, где яке слово находитъ ся)

Я — я, и, яде.

якы 2; кобы.

якых 12; щобы я.

яже 10, 13, 13; коли, якъ.

якы 2, 10, 10 (въ X уступѣ мѣсто **якы** сокола повинно бути **яко** соколо; въ IX уступѣ стоять у Мусоннѣ-Пушкина **акы** — лучше бу-
лобы **яко**); мовь, немовь, наче.

яркычи 8, 12, 12, 12; кажучи.
яци 1, 11, 13; якъ, хочь, коли.

багрянды 9; багряна, червона.

бѣдит (бѣдъ бѣдѣти) 13; не спить.

бѣбрино 12; бобровый.

биз 9, 13.

бѣзводнѣ (правильнѣйше бу-
лобы **бѣзводнѣ**) 12.

бѣризѣ 13.

бѣити 13; бѣишася 7, 7.

ко (стоитъ завсѣгды по якомь
словѣ).

когатаго 9.

Бого (о Возѣ христіаньскомъ)
13.

Богородици 14.

божими 11; божого.

болован 3; болованъ, статуя
божка (здаеь Трояна).

бологоме 10, 11; добромъ.

болони 9; (на) оболоню.

болотоме 11; въ числѣ мно-
гомъ **болотѣ** 8, **болотѣм** 4.

Бориса 6. — Борисъ, сынъ
Вячеслава, и Олегъ воювали
р. 1078 противъ князя чер-
ниговского Всеволода. Пер-
ша битва выпала щасливо,
въ другой Борисъ полягъ
на боевищѣ.

Боричею 14. — Боричевый
увозъ лежавъ давнѣйше за
Кіевомъ и провадивъ пойдѣ
гору, где Володимиръ Вел.
поставивъ бувъ статую бож-
ка Перуна. Назва „Бориче-
вый“ стягае ся може до

якого поганьского кладбища, бо и доси еще таке кладбище зовеся гдекуды Паричевомъ (Словарь Желеховского, томъ II, стор. 602.)
борз 13; въ числѣ многѣмъ: **бѣрзын** 2, **бѣрзын** 3, **бѣрзын** 13.
бѣронн 5; (на) оборонѣ, передѣ, стражи.
бѣсым (акцентъ неправ.) 13.
бѣсови 9. Про божка **Бѣоуса** гл. „Темнй мѣстця“ стор. 39.
Бѣино 1, 1, 11, 14; **Бѣинѣ** 2, 2; въ 1. падежи можна акцентовати **Бѣин**. — Поетъ той живѣ въ другѣй половинѣ 11-ого и на початку 12-ого столѣтя (гл. „Темнй мѣстця“ стор. 41). Въ Словѣ сказано, що Бѣинъ и пѣвецъ Игоря жили оба помы сего времени, значить Бѣинъ въ першѣй а пѣвецъ Игоря въ другѣй половинѣ 12-ого вѣка.
Бѣирѣ 13.
Брань 10; борба, битва.
Брат 2, 8; **брата** (и **брата** задля ассонанциѣ) 2, 7, 9, 11; **братоу** 8; **брате** 2; **брата** (число двѣйне) 7; **братне** 1, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 8, 9.
Брезѣ (або **брѣзѣ**) 7, 9; въ числѣ многѣмъ: **брѣзи** 11, **брѣзѣх** 13.
Брѣмены (задля ассонанциѣ м. брѣмена) 10; тагары.
Брѣшоуте 3.

Брѣчислава 11. Брѣчиславъ, братъ Изѣяслава, цанувавъ въ Витебску.

Бѣде(т) 13. Думаю, що лучше булобы читати: ни **нама** **Бѣдете** сокобьца.
Бѣуи 2, 10, 10, 14; **Бѣего** 10, 10, 10; смѣлый, бѣважный.
Бѣуиство 9, 10; бута, смѣлость.

Бѣри 2.

Бѣсоко 9; бусове, до Буса належаче. *Бусъ* есть назва зручена мѣсто скандинавского *Boys* (гл. „Темнй мѣстця“ стор. 39).

Бѣести 9, 10; (въ) завзяту.

Бѣы 3.

Бѣвѣете 9.

Бѣлиннамо 1; (по) былицамъ, бувальщинамъ.

Бѣлыми (одъ **бѣлы**) 9; обивателями, дружиною.

Бѣстры 7.

Бѣти 3, 3, 5; часъ минувшй:

Бѣл 10, **Бѣлѣ** 7, 10, **Бѣлѣ**

4, 6 (и **Бѣло** 2, 2), **Бѣлин**

6, 6; авристь: **Бѣсть** (въ

одномъ мѣстци **Бѣ** для за-

значеня, що читати треба

односложно) 11, 13; *impref.*

Бѣ 9, 11, **Бѣше** 11, **Бѣша** 9;

Бѣшите 1, 8, 12, **Бѣшоуте** 11.

Бѣы (одъ **Бѣти**) 8.

Бѣжате 2.

Бѣды (одъ **Бѣда**) 11.

Бѣла (одъ **Бѣлый**) 4, **Бѣлыме** 13.

Бѣлаграда 11. Бѣлгородъ не-далеко Кіева.

Бѣлакъ (або Бѣлаы) 11; богиня мѣсяца, Бѣлка.

Бѣлакъ 8; (по) бѣлицѣ (срѣбна монета).

Бѣсови 5.

Бѣми (одъ вы) 3.

Бѣю (число двойне) 9, 10, 10, 10.

Бѣс (мѣсто бѣю) 10.

Бѣсильково 11; Васильковъ.

Бѣши 10.

Бѣдете (одъ вѣсти) 3.

Бѣжи 13. Вежами звалися шатра (станьца) половецкыя.

Бѣлесо 2. — Про Велеса гл. „Темнй мѣстоцѣ“ стор. 52.

Бѣлнкый 6, 9, 10; бѣлнкаго 3, 5, 5, 13; бѣлнкемоу 2,

3, 4, 5, 13; бѣлнкое 8. Приходитъ такожь акцентъ бѣлнкый 9, бѣлнкое 9, бѣлнкых 8, бѣлнкам (число многе) 4.

Бѣлнто (одъ вѣлѣти) 3, 13.

Бѣлнчн 13, 13.

Бѣлми 5; дуже.

Бенѣднцн 8. Венедцѣ, купцѣ зъ Венеціи.

Бережі (повноголосна форма мѣсто береже) 9, 11.

Береженн (одъ берѣднті) 11; ушкодженн, зъогидженн, зганьбленн.

Бѣрехоу (повноголосна форма мѣсто бѣрхоу) 3.

Бѣсіане 9, 11, 13; бѣсіанн 9, 13.

Бѣслыми 13.

Бѣслаы 10; вѣслами.

Бѣчера 7, 7, 9, 9; бѣчероу 13. Вѣздоша 7; збѣшли.

Вндѣ (одъ вндѣтн) 3, 9;

Внжю (пбсла Муссннъ Пущкнна внждѣ) 9.

Внне 9; внна 7.

Внхуро 8; вихоръ.

Вкрываюте 5, гл. прикрываюте.

Владіміро 6. Бѣсѣда ту о Владимірѣ Мономаху, князю черннговскѣмъ, которого О-

легу хотѣвъ бувъ прогнати зъ престола и въ той цѣли спроваднвъ на него Поло-

цѣвъ.

Владіміра 1, 11. Поетъ называе Володнмира Великого,

крестнтеля Руси, „старымъ“ и одъ него почннае рядъ князѣвъ рускнхъ.

Часы одъ Рурнка до Володнмира названн въ Словѣ въ-

камн Трояннми, значетъ трибожнми (въ цонятю релігннзмъ).

Владіміроки 14. Владиміръ, сынъ Игоря, дбставъ оя раз-

вомъ зъ отцемъ до неволѣ.

По утечи батька одружнвъ ся зъ дочкою половецкого-

хана Кончака, а одтакъ повернувъ свободно въ Русь.

Влѣстн (число ед.) 9, **влѣстн** (число мн.) 10.

Влоу 13; Лаворъ, Половчннъ, за которого помочю Игорь

освободивъ оя въ неволѣ.
внѣка 6 (задѣя ассонанціи
кноука 8), внѣкоу 2, внѣче
2, кноуци 5, 11.
во (такожъ саме в), примен-
никъ зъ 4 и 6 падежѣмъ.
воверже сѧ 13; вергъ оя, кп-
нувъ оя.
вѣдѣ 13. подѣ 13.
возбиваете 9; бити, взбивати,
гнати.
возграмахоу (одъ возграмати)
9; закракали.
возмоути 8; скаламутивъ.
возмелѣи 12; возмелѣиши 2;
пригодай, гойдані (коли-
саян).
возрѣ 3; глянувъ.
вои (чюла мя.) 3, 5, 9; вои
12, 12; вои 3; воины, вои-
ско.
волгѣ 10. Волзѣ (самогла-
сна л) 3.
Володимиро 9. Князь перя-
славскій, раненый въ битвѣ
зъ Половциамъ.
вблокоме (повноголосна форма
мѣсто колкома) 1, 4, 11,
11, 11, 13; вблоком 13,
вблоци 2, 3.
вблонуах (повноголосна форма
мѣсто волнах) 13.
вблю, на-волю (?) 9.
вонзѣтъ 11; вложѣтъ въ
похвы.
ворон 4 (другій падежъ вѣ-
рона); воронъ, крукъ — на-
лежить до птицъ злыхъ.
воротѣ 10, 10.

воскладѣше 1; покладавъ.
воскормлени 2; выкормленъ,
выгодованъ.
восплакаша сѧ 8; заплакали.
восплѣскала 8.
воспѣти 2, воспѣша 9.
восрѣжате 3; срозать. Въ
первѣстнѣмъ текстѣ могло
бути ворѣжате = вѣщуютъ.
воста 3, востѣла 8, 8.
востона (може бути востѣна)
8; застогнавъ.
востѣпи 3.
вотроскѣташа 13; округо-
тали.
вошѣмѣ 13; зашумѣла.
врани 9, 13 (неправильно, за-
дѣя ассонанціи, врани 6).
вратѣ 10, 11; ворота.
врѣми 9; врѣмени 1, 2, 2, 10;
врѣмени 8; врѣмѣн.
Всеволод 10 — сынъ Яро-
слава, князя луцкого.
Всеволодо 2, 8; Всеволода
2, 7; Всеволоде 5, 5, 9;
Всеволодоу 14. Въ тыхъ
устунахъ бесѣда о братѣ И-
горевѣмъ, Буй-Турѣ Воево-
лодѣ, князю трубчевскѣмъ
и курскѣмъ.
Всеволоде (пятый падежъ) 10.
Князь Всеволодъ III вою-
вавъ зъ Болгарами надъ
Волгою.
Всеволода (другій падежъ) 11.
Посля Слова братъ горо-
деньского князя Изяслава.
Всеволож (може лучше чи-
тати: сынъ Всеволож) 6. —

Въ поематѣ говорить о якомъ Ярославѣ, ошнѣ Всеволода, про котораго нема нѣякихъ вѣстей въ лѣтописи. Я задержавъ стилизацію Муссонъ - Пушкиноваго тексту, бо надае ся добре до ритму, однакъ въ перекладѣ яду вже за лигериретами, котрѣ велѣтъ читати: *Всволодъ сынъ Ярослава*. Бути може, що поетъ при множествѣ цитатѣвъ зъ рускои исторіи въ томъ мѣстці похибивъ ся або переписавъ ся.

Всеславо 11, 11; **Всеславоу** 11. — Всеславъ, князь полоцкій, по свидѣнству лѣтописи родивъ ся *въ чепци* (извинѣ). Въ Словѣ представленый онъ чородѣемъ, що стоявъ въ порозумѣнню зъ готокими богами и за ихъ помочою творивъ богато лпхъ Руся. Умеръ року 1101.

Всеславою 11, **Всеславлн** 11; **Всеославою**, **Всеославовѣ**.

встоупико (Шооля М. П. встѣпил) 8, **встоупита** (число двѣйне) 10.

всю 9; въ числѣ многѣмъ: **вси** 10, **вси** 3, 6, **всѣмо** 12, **всѣх** (посля тексту Муссонъ - Пушкиноваго выходить **всѣху**) 5, 8.

всѣдѣме (одъ воѣсти) 3.

всѣкѣми 4.

вм 11.

вѣлннн 10.

вѣскочннн 11.

вѣско 10, 10.

вѣторже 8; **вырвавъ**.

вѣ (число двѣйне) 13; **мн**.

вѣдоми 2; **знанн**.

вѣтрѣ (неправильный акц.) 12; въ числѣ многѣмъ **вѣтрѣ** 5, **вѣтрѣх** 13 (и неправильно **вѣтрѣх** 10).

вѣтрѣло 12.

вѣцѣ (?) 11; въ числѣ **мн**. **вѣцн** 6, 6.

вѣцнн 1, 2, 11; **вѣцлн** 11; число многе **вѣцлн** (неправ.) 1.

вѣтати 12, **вѣтешн** 12, **вѣтете** 5, 11.

вѣтете (одъ вѣтн) 14.

Вѣчеславннчл 6. Борисъ Вѣчеславнчъ воювавъ разомъ зъ Олегомъ противъ князя черннгѣвскаго Всеволода и погабъ въ той войнѣ р. 1078.

Гѣлннн 2, 6, 13; **галкн**. Въ числѣ многѣмъ **гѣлнч** (мѣсто галнцѣ) 4.

Гѣлннннн 10.

Гѣзко або **Гѣз** 4, 13, 13, 13; **Гѣзѣ** 13. — Такъ звавъ ся одинъ зъ ханѣвъ половецкихъ, котрѣ побороли Игоря.

главѣ (неправильно задля асонанціи) 3; число многе **главы** 5 и **главы** 10. Акцентъ того слова, якъ и повноголоснои формы **голова**, не даеось посля тексту

Мусоннъ-Пушкинового до-
 кладно означети.
 глаголюте 5; говорятъ.
 глас 12; голосъ.
 Глажевою 9; Глажевы 10;
 Глабовому, Глабовыми. —
 Сынами Глаба були князѣ ря-
 занскій: Романъ, Игорь, Во-
 лодимиръ, Всеволодъ и Свя-
 тославъ; они р. 1183 воювали
 зъ Болгарима надъ Волгою.
 Глажевы (акц. непевный.) 5.
 Глабовною названа довка
 Глаба, Ольга.
 гнѣздѣ 4, 9; гнѣзда 9, 10;
 гнѣздоу (неправильно задля
 асонованціи) 13, 13.
 гобер 4; говоръ, гаморъ.
 говорюхуцте 6; говорили, га-
 морили.
 гоголеме 13. такожъ гоголеме
 13. Гоголь, родъ качки, апаз
 slangula.
 година 8, годиноу 11; часъ.
 години 9; здаєсь одъ скан-
 динавокого hōd = война.
 голотѣ 14, головы 14; зри
 глава.
 голосы 11, 14.
 гобразоу 11; богатому.
 гобразоу (здаєсь одъ сканди-
 ngratt) 11; швидкому.
 Гориславичи 6.
 горнастеле 13; горнастемъ,
 гермелиномъ.
 городнеськыи 11; городеньскій
 (одъ мѣста Городна, где въ
 битвѣ зъ Литовцами Изъя-
 славъ полягъ).

гбродоу 12.
 горѣ 12; число многе: гбрамо
 11, горы 2, 10, 12, горахъ 9.
 горичною 12.
 господине 10, 12, 12, 12, 12;
 число двѣине господина 10.
 готѣи 2.
 Готскыи 9; готскій, готяцкій.
 — Останки давныхъ Готѣвъ
 мешкали за рускихъ часѣвъ
 въ Крымѣ и въ области
 тьмуроканьскоѣ (надъ азов-
 скимъ моремъ).
 града 5, 9, градоу 11, 11,
 градѣ 6, 8; въ числѣ мно-
 гомъ: гради (першій пад.)
 14, гради (четвертый пад.)
 10, градомъ 9.
 грахуцте (у Мусоннъ-Пуш-
 кина грахуцть и гра-
 хуцть) 13, 6; одъ глагола
 граяти = кракати.
 гримляши 5, гримлюте 7.
 Греци 8; Греки (купцѣ).
 гридници 8; одъ скандинав-
 ского hirdh — означало стра-
 жницу въ княжѣмъ дворѣ.
 грѣмоу 5.
 грозный 8, грознымъ 11.
 грозѣ 3, грозѣю 3, 8; число
 многе: грозы 10 (можно
 бы читати грѣзы твоѣ по
 землямъ текѣтъ).
 грязнымъ 4; грузкій, болот-
 ный.

Да 3; нехай.
 давѣчи 7; (въ лѣтописяхъ да-
 вѣ) досвѣта.

ДѢВНИЙ 6
 Давы́дъ 10, Давы́довъ 11.—
 Давы́дъ, правнукъ Володи-
 мира Мономаха, княживъ въ
 Смоленску; его величаютъ
 лѣтописцѣ за дѣла великой хо-
 робрости и честноты. † 1197.
 Даждебожа 6, Дажбожа 8.
 Гл. „Темный мѣстца“ стор. 81.
 Далече 4, 8; далеко.
 Дале 8.
 Дале 9.
 Два 8, 9, 9.
 Двина 11.
 Дворъ 8.
 Дѣре 9.
 Дѣнь 7, 7, 9; дни 5, 7.
 Дѣремѣла 10; племя хотвоке.
 Дѣскы 9; дошки.
 Дѣсѣть 1; 1.
 Дѣво 9; дивно.
 Дѣво 3, 9. Гл. „Темный мѣст-
 ца“ стор. 35.
 Днѣ 8. 13; на днѣ.
 Днѣпрѣ (акцентъ несправ.) 12.
 Дождю 5; дощевы.
 Докончаша 7; докончили.
 Долого (повног. форма) 4; довго.
 Дон 10, Дбно 10; Дбна 5,
 Дбноу 2, 3, 3, 3, 3, 3, 4,
 5, 5, 8, 9, 13.
 Донѣц 13, Донца 13, 13,
 Дбнче 13. — Гл. „Темный
 мѣстца“ стор. 86 и 98.
 Дорискаше 11; доокакувавъ,
 добѣгавъ.
 Дорога (adj.) 5.
 Дорогами 3.
 Доспѣли 10; дозрѣли, буля

готовъ, прибули.
 Достъ 7; выстало.
 Дотчаше 1; долѣтавъ.
 Дотчи сы 11; доторкнувъ оя.
 Драгыи 4; дорога.
 Дрека 3. Гл. „Темный мѣстца“
 стор. 38.
 Дреко 7, 10; дрека 13; дрекѣ
 1, 2, 13.
 Дремагте 4.
 Дрѣгый 7, Дрѣгаго 5, 11,
 Дроузе 11, Дрѣзни 11.
 Дроужина 9, 10, 14, Дроу-
 жинѣ 3, Дроужинѣ 11,
 Дроужинѣ 3.
 Дудуток 11. Дудутки — на-
 зва давного мѣсточка близько
 Новгорода; до нынѣ еще на-
 зываеся одинъ новгородскій
 монастырь „на Дудуткахъ“.
 Дѣха 1.
 Дѣмою 8.
 Дѣнаи 10, Дѣнаеки 12, Дѣу-
 наю (акцентъ неспр.) 10, Дѣ-
 наи 14. Гл. „Темный мѣстца“
 стор. 90 и 98.
 Дѣуша 1, Дѣушѣ 11, 11.
 Дѣвници 14; славянскій Ру-
 салки. Гл. „Темный мѣстца“
 стор. 90.
 Дѣвницѣ 11. Богинѣ Бѣлѣ;
 Норны. Гл. „Темный мѣстца“
 стор. 51.
 Дѣвницѣ 11, 13; Дѣвницею.
 13, 13; (акцентъ несправ.);
 правильно буде: Дѣвницѣ,
 Дѣвницею.)
 Дѣвки 4.
 Дѣвою 8, Дѣвѣ 9. Бесѣда о

Валькиріяхъ. Гляди „Темній мѣстца“ от. 25.

дѣднн 11.

дѣдоу 11.

дѣло 10.

дѣлнче 6.

дѣти 5.

дѣтлѡве 13.

ѣркоша (у Муссонъ-Пушкина)
ркоша) 9, ѣрци (у М.-П.
рци) 3; сказали, окажи.

Жадні (одъ жадінъ) 9.

жалобѡю 13.

жалъ 7.

жалѡсти 3, жалѡцами 7.

ждет 2.

же або ж — кладе ся завоѣгды
по словѣ, якъ и въ нынѣшнѡй
бесѣдѣ.

желѣзныи 10, желѣзныхъ 8,

желѣзныи 9, желѣзныими 10.

жѣмчюжноу 11.

жѣны (число много) 8.

жѣнчюго 9; жемчугъ, перла.

жѣстоцѣк 12, жѣстоцѣке 9.

Приложникъ „жестокій“ у-
житый ту въ значеню: *роз-
паленый, розпеченый, горя-
чий*. Гл. „Темній мѣстца“
стор. 8.

живѣла (м. живыи) 1, жѣвы-
ми (акцентъ книжный) 10.

жигѡт 11, жигѡтá 5.

жизнь 11, жѣзне 6. По моѣй
гадцѣ въ обохъ мѣстцахъ
означае „жизнь“ не „жѣте“,

але „землю на жѣте при-
значеню“, батькѡвщину.

жир 8. Той жир на днѣ рѣки
Камлы полоняе самъ поетъ
словами злата роускаго на-
сыпаша; въ ившѡмъ мѣстце
оказано, що Гѡтскы Дѣвы
(Валькирїи) играли ся роу-
скыи златомъ. Пригадуе
то повѣрки скандинавскїи,
пѡсля котрыхъ „злато мор-
ске“ стѣптъ пѡдъ дозоромъ
Валькирїи.

жѣрни 8, жѣрнá 8; богатый въ
жѣрь, грабежливый, оумный.

Жла (у Муссонъ-Пушкина)
гл. Ажю.

жрѣкнн 11; число много жрѣ-
бнн 10.

За (приименикъ зъ падежемъ
4 и 6).

зãборолѣк 12, зãбрáлѣк 12, 12,
число много зãбрáлы 9;
башня.

зãбѣкѡ 5; забувши.

зãворочáете 7; завертае.

зãвтрокоу 13; одъ зãвтрекъ
= снѣдане.

зãгородѣте 10; загородѣтъ.

зãднѣю 9; пѡзнѣйшою, буду-
чою.

зãйдѣ 8; зайшовъ.

зãкáлена 9; загартованá.

зãкладáше 6; зãтулювавъ,
зãгыкавъ.

зãлѣтѣло 4.

зãмышлѣню 1; (по) придум-
камъ, замысламъ.

занѣсе 2.

запáла (треба читати: зáри свѣт запáла) 4; зашалавъ, засвѣтавъ.

зарáниа 4, 7.

зарѣза 1; гарѣзавъ.

зáриа (другій падежь) 4, число много зарíи 13. Слово тое ужите въ поематѣ побóчь выразу зорíа; рóжияця лежить головно въ акцентѣ.

заслпбóжники 9; мабуть ножѣ. Мевъ выражене тое выдаєсь вставкою перепроовача.

застоупáше 3; заступало.

застѣпи 3, заступило (дорогу); застоупнико 10, заступивши.

затвóри 13, затвóриво 10; зачинавъ, зачинавши.

затчѣ 12; заткало.

затрению 11; утреню.

зкѣните 2, 7; дзвенитъ.

звон 11, звоно 6.

звóниа 9, звóничи 9.

звѣрѣм 11, звѣри 3, 11.

звѣрино 3.

здравн 14; здоровъ.

зигзицю 12, 12; зазулею.

зѣленоу 6, 13, 13.

зѣмля (въ значеню милого гичнóмъ) 5, 10, 13; о звы чайной земли (до ораня) зѣмля 7; зѣмля (другій падежь) 7, 8, 11, 13; зѣмля (третій падежь) 1, 3, 6, 6, 7, 7, 8, 8, 9, 11, 13, 13, 14; зѣмлю 1, 1, 7, 8, 8, 8; 8, 10, 10, 10, 11, 12, 13; на-

зѣмлю (може бы лучше читати: верезѣ сѣ Дик на зѣмлю) 9; зѣмлі 3, 5; зѣмля (ооный падежь) 14; въ числѣ мног.: зѣмлямо або зѣмляим 10, зѣмляими 10.

злат (золотый) 3, 6; златá (другій падежь неправильно за для ассонациѣ) 5, 8, 9, 10, 11; златѣ (неправильно за для ассонациѣ) 13; число двóйне златá 10; число много златы 10; въ родѣ середнóмъ злато 9, 11.

злато (золото) 4, златá 8 въ златá (за для ассонациѣ) 8, златóм 9.

златовѣресѣм 9.

златокóваннѣме 10.

злачѣни 10, злачѣными 13.

зло 9, 14.

знáемн 2.

знáемниа 3; затьмѣне.

зóкете 10, зóкоуте 3.

зóри 5, зóриами 7.

И або й (якъ и въ нынѣшнóй бесѣдѣ).

идóуте 5, 5, и идáте (идáте) 13.

Игóрь (старша форма) и Игóрь. 2, 2, 3, 3, 3, 7, 8, 8, 13, 13, 13, 13, 13, 13, 14, 14; Игóря 1, 1, 8, 13, 14; Игóрю 10, 14; Игóреви 2, 13; Игóрю (пятый падежь) 2, 9, 13. — Игóрь, герол пѣсни, бувъ княземъ въ Новгородѣ Сѣверокóмъ.

Игбѣрка (Игоревого) 8, 10;
Игбѣркѣ 1, 13; въ числѣ
 мн. **Игбѣркъ** 5, 7, 10, 10, 10.
Игорѣвичю 14; оынове Игоря.
Ижѣ 1, 1, 8; котрый. Такъ
 акцентую тое слово всю-
 ды въ старославянскѣмъ я-
 зыцѣ; оно зложено зъ двоухъ
 частей й + же.
из (зъ другимъ надежемъ) 8,
 11, 11, 11, 11, 13.
избѣнка 13; побываючи.
издѣлѣча 10; здалека.
из-острени 2; выострени.
изрѣни 9, 11; выронивъ.
Изяславо 11. Князь Изяславъ
 Васильковичъ бувъ внукомъ
 Всеслава и полагъ въ битвѣ
 зъ Литовцями.
им 2, 11, 12, 12 (в ѣмо 2),
 их 8.
имѣти 13; маючи.
Иногдѣрь 10. Такъ звавъ ся
 сынъ Ярослава, князя луц-
 кого.
Исканю 9; (въ) исканьскѣмъ.
 Гл. „Темнѣ мѣотца“ стор. 56.
искѣти 9; ищѣчи (пѣсла
 Мусиянъ-Пушкина выходитъ
 ищѣчи) 2, 4.
искоушити 3; попробувати, ѡд-
 зѣдати.
испити 3, 9; вѣпити.
иссѣши 8; высушивъ.
иссѣдѣк (у Мусиянъ-Пушкина
 стоятъ хибно высѣдѣк) 8;
 высѣвъ.
истѣгнуѣ 1; стягнувъ, окрѣ-
 пивъ.

исхѣды 14; выходячи на кого,
 выступаючи противъ кого.
ити 5; гл. идоуѣте.

Кажоуѣте 13, 13.
каленымъ 7, калеными 5, 10;
 ѡдъ каленый=загартованный,
 сталевай.
каменны 12.
камо 5; куды.
канѣноу 6. Пѣсла проф. Вер-
 хратского уживаеѡ до нынѣ
 слово „канка“ въ значеню
 „сѣтничкѣ“ (Teichbinse.) Въ
 текстѣ поправивъ я на тка-
 ниноу.
Карь 8. Пѣсла скандинавской
 митологѣи бувъ Карь зъ роду
 великанѡвъ и заразѡмъ оли-
 цетворенемъ воздуха, вѣтру,
 вихру.
касѡжскыми 1. Касоги=Чер-
 кесы.
каѣти 5; яка.
каюѣте (пѣсла Мусиянъ-Пуш-
 кина выходилобъ читати ка-
 юѣть) 8; ганити, дорѣкати
 кому, жаловати.
Каялы 7, 8, Каялѣк 5, 9, 12.
 Рѣка Каяла (теперь Кагаль-
 никѣ) впадае до Дону.
кладѣт 11.
клѣктоме 3; клекотомъ.
клѣкноу 8, 13.
клѣче(т) 3, клѣчете 10.
клѣкоме 11, клѣкомъ 5. Въ
 IX уступѣ пѣсла Мусиянъ-
 Пушкина выходитъ непра-
 вильный акцентъ клѣкоме;

здаєсь въ первотворѣ стаяло ту якась пнише слово.

кляюками 11. Гл. „Темня мѣстця“ стор. 46.

кнѣса 9. Кнѣсъ (такожь кнѣзѣкъ) те саме, що оволокъ въ хатѣ. До нынѣ еще одвосять ся до оволока рѣжнй повѣрки, а сонъ про бракъ его въ хатѣ уважає ся зловѣщнмъ.

княжнѣхъ 6, княжѣ (?) 9.

князь 7, 11, 13; князи (старша форма) и князіа 6, 8, 13, 13, 13; князю и князію 2, 3, 4, 9, 10, 12, 13, 13; княжѣ 9, 10, 11, 13 (одинъ разъ задля ассонаціи княжѣ 10); въ чполѣ многѣмъ: князи и князіа 8, 8, 9 (?), 10, 10, 14; князіа 11; князіа 8, 11, 13 (въ I уступѣ пѣсля Мусоннѣ - Пушкина выходять князіамо.)

Примѣтка. Въ Словѣ приходять въ 1. надежи Игорьъ князь; въ 2. не Игоря князи, лишь князи Игоря; въ 3. князю Игорю або Игоряи князю. Комбинація тотя не впала менѣ въ око, коли я порядковавъ текоть ритмично, ажъ теиерь при укладѣ словаря замѣчаю, що поеть нарокомъ писавъ такъ для потребъ ритмика; читати треба: князи Игоря, князю Игорю, Игоряи князю. Читателѣ, що интересуєть ся сею розправою, черезъ порѣвнане зъ текстомъ Мус-

соннѣ-Пушкиновымъ легко найдуть, где я слово князи або князю переставивъ зъ другого на перше мѣстце, протѣ зволать вже самй первѣстннй текоть привернути назадъ. ко (рѣдко. саме к) править третнмъ падежемъ.

Кобѣакъ (або Кѣбѣако) 8, Кѣбѣакѣ 8. Такъ звавъ ся ханъ половецкнй, побитый Русинами 1184 року при рѣцѣ Углѣ и взятый въ неволю.

Кобѣакова 12; Коблкогого.

ковати (лучше якъ ковѣати)

8, кѣбѣакоу 8, кѣбѣаши 6.

кѣбѣаю 12; (но) ковыль - травѣ (Fедерgras).

кѣбѣаи 14; ханьского, хана.

кожухоу 4; кожухами.

коліи 9, 13.

комѣты 2; комонники.

комѣнь (кѣнь) 13, 13; комѣни 2, 2, 3; комѣни 13.

комѣ 1.

кѣнѣць 2, 3; край, на кѣнѣи.

Кѣнѣако 4, 8, 13. Кѣнѣака 10,

Кѣнѣакоу 13, Кѣнѣакови 13,

13; Кѣнѣакомъ 13. Назва

хана половецкого, зъ котрымъ воювавъ Игорьъ.

кѣпне 13, кѣпни 2, 11 (и кѣпѣа 7), кѣпѣамо (або кѣпнѣамо) 5.

копыты 7; копытами.

корѣбѣи 12.

корѣбѣи (т. е. угорскому) 10.

Кѣрсоуню 3. Кѣрсунъ лежавъ въ Крымѣ, близько тепе-

рѣшного Сѣвастополя.
 кѣсти 3, кѣстми 7, 11.
 кѣторю (ѡдѣ кѣтора) 11;
 сваркою, незгодою.
 кѣторый 1, кѣторюю 8.
 кѣщѣй 10, кѣщѣкѣ 10; не-
 вольникъ, слуга.
 кѣщѣево 8; невольничѣ.
 кѣс 10; на що, ѡдѣ чою.
 крамблѡу 6, 8, 8; крамблами
 11, крамблах 6. Крамола—
 усобица, незгода, сварка.
 красный. Налѣжитъ до слѡвѣ,
 котрыхъ акценту не мѡгъ я
 довгій часъ означити. Въ
 „Зорн“ промавлявъ я за ак-
 центомъ красный; въ текотѣ
 сего выдана акцентую кра-
 сный; теиерь при уложеню
 словаря я поновимъ пере-
 студюваню предмету я вже
 рѣшущо клонюсь до кра-
 сный. Тое слово приходитъ
 въ уступахъ 1, 4, 5, 9, 11,
 13, 13, 13.
 крѣчѣтоу 4. Рѡдъ соколѡвѣ.
 крѣлы 8, 11.
 крѣльца 9. крѣльцю (чюло
 двѡйне) 12.
 крѣчи(т) 3, 9.
 крѣвати 9, 11; (на) лѡжку.
 крѣке 9, крѣви 10, крѣю 7.
 крѣваваго 7, крѣвак 11; въ
 числѣ многѡмъ крѣвави 1.
 крѣвавыи 5 (я крѣвавыи
 12).
 крѣмк 14, 14.
 крѣпѣстю 1; силюю.

крѣнти 8, 10; крѣсти, вос-
 крѣсти.
 коур 11; (до) пѣвнѣвъ.
 Кѣреска 2.
 Кѣрины (може лучше читати:
 а мѡи ти Кѣурѣны) 2; жи-
 телѣ курской области, налѣ-
 жавшой до князя Всеволода.
 коустѣ 13; (на) корчахъ.
 кыкѡхѡутѣ (ѡдѣ кыкати) 6,
 кычѣте 12; радовати ся, ко-
 вати.
 Кѣево 8, 11, Кѣева 14, Кѣ-
 скоу 10, 11, Кѣевк 2, 8,
 9, 11.
 кыѣвскый (м. кыѣвскый) 8,
 кыѣвскаго 11, кыѣвскымо
 11.
 Ладѣ (ѡдѣ ладѣ) 12, ладѣ 12;
 въ числѣ многѡмъ лад 8.
 Слово лада означае мужа,
 сокола.
 латѣнскымы 10; ту въ зна-
 ченю „нѣмецкыма“.
 лѣбѣдн 3, 13; въ числѣ мн.
 лѣбѣдн 1, 1.
 лѣбѣднымы 8.
 лѣжа(т) 5.
 лѣжк 11; можна.
 лѣлѣютѣ (може лучше лѣлѣ-
 ютъ) 9, лѣлѣючи 12, лѣ-
 лѣил (або лѣлѣило) 12, лѣ-
 лѣилшоу 13.
 лѣтите 13, 13, лѣти(т) 7.
 Лжю 8, 8, Лжи (у Мусоннѣ-
 Пушкина ноужда) 9. Сканди-
 навске Logi = Поломѣнѣ,
 дикѣй огонь.

ли (частіця цытайна, завоўгды по слоў); чн.

лнціци 3.

лістыя (у Муосіанъ-Пушкіна лістыя) 10.

Литва 10.

літвскыи 11, літвскыими 11.

лбзю (м. лозію) 13.

лбно 9.

лоугъ 13.

Лоукъморя 8. Лукоморемъ звалось море азовске (сіне).

лоуціи (я неправільно лъци м. лоукы) 2, 12.

лоучіж 3.

лбчу 12, лбчу 12 (въ першомъ пад. лоучи).

любб 3, 9; приходить въ полученю зъ союзомъ а. Нывішне ако я польске албо такожь промавляють противъ акцентоваия самогласной ю.

лѣпо 1; красно, добре.

лѣта 6.

лѣтаи 2; лѣтаючи.

людім 11.

лютыме 11.

лацкыи 10.

Мало 8, 12, 13, 13.

малое 8, малаго 13.

матн 13.

мегла 4, мегла 11, меглами 13, 13, 13.

мёркнете 4.

місте 9.

мечл (видаючи) 10; мечіши

(пбоя Муосіанъ - Пушкіна мечіши) 12.

мечім 6; въ числѣ многімъ: мечи 8, 11, 11, 11 (я мечи 5, 10).

ми (менъ) 3, 7, 7, 9, 9, 9.

млнл (акцентъ неправ. задля аосонации) 2, 7; млілыи 5.

міноула 6, міноути 11.

мллад 6; молодого.

мнѣ 12.

многб 9.

многы 10.

Могбты 9; назва одного племенн фіньского.

мбжши 10, 10.

мбловити (форма повноголосна м. моленти) 8, мбловките 13.

молодліи (число двойне) 9; молодым 14.

мблонни (форма повноголосна) 5; мовнѣ, лескавки.

мблотите 11.

Моравл 8; Моравяне.

мбре 12, 13, 14; мбры 5, 5;

моріа 5 (може лучше булобы: с мбрыи вѣкоте стрѣлами); мбрю 8, 9, 9; морѣ 8, 9, 12.

мбстити 4.

мбсты 4.

мбб 8, мббже 8 (я задля аосонации мбб 12); мббго 9.

мббей 12; мббей 9; мббю (задля аосонации) 12; мббем 9; въ числѣ многімъ мббн (?) 2, 2; въ числѣ двойнімъ мббй.

Мстислави 10. Мстиславъ, сынъ пересопницкого князя Ярослава, бувъ стрыйнымъ братомъ галицкого князя Романа и его постояннымъ приятелемъ.

Мстиславичи 10; сыны Мстислава Изъяславича: Романъ, Святославъ и Всеволодъ белокій.

Мстиславоу 1. Бесѣда о Мстиславѣ, князю тмутороканскѣмъ, сынѣ Володимира Великого.

мѣжайме съ 9.

моужествомъ 1.

Мботено 9; ѡдъ Муота (Водава), божій. Гл. „Темнй мѣстца“ стор. 59.

мѣтно 5.

мы 9.

мысле 10; **мыслю** 8, 10, 13. **мысленоу** 1, 2; (дословно „мысльному“), мысли.

мытѣхъ 9. По мѣй гадцѣ походить ѡдъ мытати (метати), отже мыти (число много) означае часъ, въ котрѣмъ птицѣ вechуть або роняють нѣре.

мычиши (гл. мѣчиши) 12, мычючи 8.

мѣрите (мѣритъ ?) 13.

мѣстоmъ 4.

мѣсыца (число двѣйне) 9.

ма 9, 9.

На (править падежемъ 4 и 7.) **наведѣ** 1; **навѣвъ**.

наводити 11.

нама (число двѣйне) 13, 13, **наю** 14; число много **намо** 8. **напастьми** 8 (може лучше читати: а Чернїгово **напастьми**.)

наболонико съ (форма повноголосна) 1; **наповнивши** ся.

напрїажени 2; **нагягненя**.

напрїцоуче 8; **набѣгаючи**.

насилено 12; **насилно**.

насилне 11.

насташа (мѣстце поповане) 11; **настали**.

настоупи (**настоупи**) 8.

насыпаша 8; **насыпали**.

начати 1, **начаша** 4; **начати** 1, **начаша** 8, **начасте** 11.

не (частица заперечаюча).

небеск 14.

некесала 8.

него 3, 13, **немоу** 12, **ниме** 8; **нею** 11, **нима** 9; **нихъ** 2, 5, **ними** 4.

неготовами 3; **неготовыми**, **неуѣзжими**.

ниже 3; **нѣжъ**, якъ.

нелюбни 13.

незнаемоу 12, **незнаемк** 3, 7, 10.

Немизк 11, **на Немзѣ** (такъ скорочую задля ритму) 11. Рѣка Немиза, доплывъ Свиолочи.

нечестно 9, 9.

несоцлсь 9.

нетрѣдноу (число двѣйне) 12; (**на**) **легкихъ**, **нетяжкихъ**.

нехудá 10; нехудого, знатного.

ни; **нѣ**, **ашѣ**.

ниче 9; **ничь**, **нѣщо**.

ничите 7; **никне**.

но; **але**, **лишь**.

'но (мѣсто **онó**) 4.

Нóкоуградóу 11. Бесѣда о Новгородѣ, где княживъ Ярославъ Мудрый.

Нóвѣградъ 2. Новгородъ Северскій, столица Игоря.

ногáтъ 10. Ногата становила 20-у часть гривны (около пóвъ рубля въ срѣблѣ).

носады 12; судна, байдаки.

носите 10; **носятъ**.

ноч 4, 11.

ноще 3, 9.

ноужда (у Муссянъ-Пушкина.

Въ своѣмъ выданю замѣнивъ

я задля ритму на **Лжи**) 9.

ны; **намъ**.

нѣнѣшнiаго 1.

нѣгоуюте 9; **пестятъ**, **голублятъ**.

Нѣмци 8; **купцѣ нѣмецкiа**.

О (чувотенникъ) 2, 3, 5, 8, 9, 11, 12, 12.

о (правитъ четвертымъ падежемъ) 5, 5, 7, 11; (семымъ падежемъ) 1.

обá 2, 9 (я въ акцентомъ **обá** **пóлы** 2).

О'вида 3, 8, **О'видъ** 4, **О'видоу** 10.

Обидiа 3; **Обида-Дивъ**.

обиднымн 10; **одъ Обиды** **походячими**.

обидоу 6, 9, 10; **кривду**.

облакы 1, 2, 10, 12.

обюдна 11; **обосѣни**. Гл.

„Темнiй мѣстця“ стор. 17.

обратиша 9; **обернули**.

обычiа 5.

обѣдъ 13; **на обѣдъ**.

обѣси **си** 11; **обвѣсивъ** **ся**, **повисъ**.

обарескымъ 5; (оварскiа), великаньскiа.

Обвѣр 13; **гл. Влоур**.

одино 2, 2.

одблѣти 10, **одблѣсте** 9; **подолѣти**, **побѣдiti**, **воковати**.

одѣлавшоу 13, **одѣлахъте** 9.

Гл. „Темнiй мѣстця“ стор. 31.

ожерѣлие 11; **огрѣле**, **нагруде**.

Гл. „Темнiй мѣстця“ стор. 8.

озеры (для ассонанции мѣсто **озера**) 8.

оконни 11. Гл. „Темнiй мѣстця“ стор. 46.

оксамиты 4. Греческое слово—означаетъ парчу, мѣстцами шитую золотыми и срѣбными петлями.

О'лего 6, **О'льга** 6, **О'льзъ** 6.

Олеги бувъ внукомъ Ярослава Мудрого, а дѣдомъ Игоря. Лѣтописъ зове его хоробрымъ, але вразъ и незгодливымъ, дуже ворохобничымъ княземъ.

О'лего 9; **молодшiй сынъ** Игоря.

О'льгеры 9; **одно племя** финьске.

Ольгоко 4, **Ольгова** 14, **Ольговоу** 6; въ числѣ многѣмъ **Ольговы** 6.
Ольговичи 10.
омбю 12.
он 11; **оні** же 1.
оным 11.
опутанша (уболя М. П. опустоша) 9, **опутавкѣ** 13, 13 (акцентъ не зовсѣмъ певный).
орломе 1, 2; число много **орли** 3.
ортмами 4; **бесагами**, **мѣсками**.
Осьмомысле 10. **Осьмомыоломъ** прозванный бувъ князь галицкій Ярославъ задля великой мудростя.
острыми 10, 11.
остѣпиша 5; **оботупили**.
осѣдлани 2.
от (зъ другимъ падежемъ) 1, 3, 5, 5, 5, 5, 8, 8, 11, 11, 11, 13.
отай 11 (такъ поправляю Мусоня-Пушкинове отъ нихъ, не маюче вѣякого змыслу).
отбори 11. **отборени** 2; **отборяши** 10.
отѣцъ 8. „Отцемъ“ звались часто князѣ кіевскіи въ одношенію до иныхъ князѣвъ.
отніа (отцѣвокого) 5, 9, 10, 10; **отнію** 13.
очіма 8.
лаволокы 4. Шовкова, золотомъ тканя матерія на верхю одежду.

пѣде си (попавъ оя) 8, **пѣдоша** 7.
папболомоу (задля асонанціи; повинно бути **паполомоу**) 6, **паполомою** 9. Слово греческе — означае покровъ, покрывало.
папорзи 10; **папороти**. Гл. „Темній мѣстця“ от. 13.
пардоуже 9; **одъ пардоугъ** = **пардъ**, **риво**.
пасѣт 3.
пашоуте (находитъ оя въ мѣстци попованомъ) 11; **повѣвають**.
перекуюю (форма повноголосна) 11, **перекых** 1, 11.—**Перекос** 11; въ першій разъ.
переди (одъ передъ) 2.
Періаіславлю 11.
персты 1; **пальцѣ**.
печаль 8.
пир 7; **бенкетъ**.
Пирогобцей 14. Церковь Богородицѣ Пирогошои въ Кіевѣ побудована р. 1131 княземъ Мстиславомъ Великимъ. По преданію образъ Богородицѣ въ той церквѣ мавъ бути малеванный св. евангелистомъ Лукою и привезенный до Кіева зъ Царгороду.
плаваша 10; **плавашени** 10.
плаваникѣ 8.
плавчте 12, 12, 12, 13.
плѣчю 14; **плечей**.
плѣцючи 8.
Плѣснеска 9. **Плѣнеско** — старинне мѣсто въ давномъ

галицкомъ княжествѣ, ле-
жало коло Подгорець въ ны-
нѣшномъ окружѣи волочѣв-
скомъ. Еще и теперь подго-
рецькій монастырь называе-
ся „монастыремъ на Пя-
тонеоку“.

по (правилье падежемъ 3, 4 и 7.)

повелюстїи (пбоя Мусовнъ-
Пушкина выходитъ повелю-
сти) 10; стеречи.

повѣгоша 3.

повѣдами 8, 8.

повѣждаютье 9.

повѣргоша 10; похваляи.

повѣити 2.

поволокбста 9; поволокли.

повѣдаютье 5, 13.

повѣсте 1, повѣстїи 1.

поганый 4, поганого 8, 10,

поганою 9; въ числѣ мно-

гомъ: погани 8, 8; пога-

ныхъ 9, 9 (и поганыхъ 11);

поганыхъ 4, 5, 8 (и пога-

ныхъ 11).

погасбста (число двѣице) 9,

погасбша 13.

погрѣзи (погрузивъ, затопивъ)

8, погрѣзиста 9.

погыбѣ 8.

погыбаше (пбоя Мусовнъ-

Пушкина погыбашете) 6.

под (правилье 4 и 6 падежемъ).

подбста 9.

подвизаша сѧ 13; подвигну-

лись, поднеслись, поруши-

лись.

подбѣню (и. подбѣнемъ) 3.

подпѣр 11, подпѣро 10; под-
перши.

подѣлимъ 9; подѣлимъ.

пожѣриши (форма повноголо-
сна) 13; пожерши.

пбзкони 11, пбзкбннша 11.

пбзриме (або пбзрїмъ) 3; по-
глянемо.

поискати 9; пошукати.

поклбннша 10.

покрыла 9.

полѣгоша 7; полягли, головы
поклали.

полѣтѣти 6; полѣчю 12; по-
лѣтѣ 13, 13.

полѣзаша 11.

полночи 11.

половѣцкаго 3, половѣцкыхъ

(другїи над) 8, 13 (и поло-

вѣцкыхъ 7, 11), половѣцкоюю

1, 8, 12, половѣцкою 9, по-

ловѣцкомѣ 13; въ числѣ мно-

гомъ половѣцкыхъ 4, 4, 5,

половѣцкыхъ 8.

Половци 3, 5, 9, 10; въ чи-

слѣ еднн. Половчине (пя-

тый над.) 4.

пблбзоша (форма повного-

лосна и. пблбзоша) 13; пбв-

залп.

пблокою (форма повноголосна

мѣсто полкою) 1, 8, 10, 12;

въ числѣ многомъ: пблци

(самогласна л) 6, пблоково

8, пблокы 1, 1, 2, 5, 6, 7,

8, 10 (и пблкы 4, 5, 9).

полонїла 9; полонїною 3.

Полбтестѣ 11; (въ) Полоцку.

Полбчаном 11.

полѣднику 7.
 полѣночи 13, полѣноши 3, 13
 (посля Мусиянъ - Пушкина
 выходятъ въ 13 уступѣ по-
 лоноши).
 полы 2; половинны.
 - полю 4, 10; полѣ 2, 4, 7, 10,
 12, 13; въ чволѣ многомъ
 поля 2, 2, 4, 4, 5, 5, 13.
 полына 7; полята.
 помѣркости (двоѣне число) 9;
 померкли.
 помнишите 1. Толкую черезъ
 „памятавъ“, бо въ такомъ
 змыслѣ понимаю цѣле рече-
 не; инши выдавцѣ толкують:
 о поминавъ.
 помолкоша 13; замовкли.
 помолодити (?) 9.
 Поморню 3; побереже Черно-
 го моря.
 помчаша 4; помчали, позай-
 мали.
 поминѣши 11; згадавши.
 понизитъ 11; похплѣтъ.
 пониче 9 (я задля риму по-
 ниче 11); поникла.
 побстри 1.
 попонша 7; попоили.
 поросі 5.
 порождено 4.
 посвѣчиваи 5; посвѣчючи.
 поскѣпаны 5; на дробній скинки
 розбитъ, потятъ.
 поскочи (для ассонанциѣ) 8,
 поскочи 13; поскочише 5.
 послѣхати 3.
 посѣбие 9; помѣчь.
 постла 6; постелила.

Посѣблю 3; земли надъ рѣ-
 кою Сулою.
 посѣяна 7, посѣяни 11, 11.
 потѣче 13, 13.
 потокы 8.
 потѣмоу 14.
 потѣпташа (задля алитера-
 ции) 4.
 потрепати 8; подзвонювати.
 потрѣчати 5; пощербити.
 потятюу 3.
 похоти 3; (въ) хотѣню, жа-
 добѣ.
 похытимъ 9; зайимъ, забе-
 римъ.
 почніме 1, почните 13.
 похва 3.
 поюте 8, 9, поют 14; поише
 1; сѣвають, сѣвавъ.
 правите 4; правити слѣдъ =
 слѣдъ справляти, проказу-
 вати.
 прадѣднику 9.
 прѣбородниша 4, 5, 5.
 прѣд (въ 7. уступѣ прѣдо) пра-
 витъ шестымъ падежемъ.
 прѣдню 9; попередну.
 прѣклонилося 7, 13; (въ 13 у-
 ступѣ у М.-П. хибно прѣ-
 клонило).
 прѣрискаше 11; перебѣгавъ,
 перескакувавъ.
 прѣторгоста 13; притомили.
 при (правитъ семымъ паде-
 жемъ) 6, 13.
 прикѣдѣ 6.
 пригвѣздити 11; приковати.
 прикрываютье 5.

прикрыти 5, прикрѣла 8, при-
крыты 3.

приламати (акцентъ не зов-
сѣмъ певный) 5; приламати
ти 3.

прилѣтѣти 10.

приложити 3.

приидѣти 11.

припѣвкою 11; припѣвку.

припѣшали (?) 9; пропѣхали,
присѣкли.

притрѣпа (перебивъ) 11, притрѣ-
панано або притрѣпан (по-
рубавый) 11.

притрѣпѣтал 8; наводивъ
страхъ.

притрѣпта 8.

прихѣбжахоу 8; приходилъ.

про (правитъ четвертымъ па-
дежемъ) 7.

пробѣла 12.

проблѣсти 9.

пробстрѣ 12, пробстрѣша 9.

прѣсноу 13.

прѣщени (дѣлъ прѣскати) 5.

птицю 10, птицю 11; въ чи-
слѣ многомъ: птици 8, 9,
13; птиць 3.

птич (имя зборне) 2, 11; птиць.

поустыни 8.

поуть 10, 11, пѣте 2, 12, 13;
пѣти 2.

Поутѣлаю 12, Поутѣвалъ 12,

Пѣтивалъ (читати бы можна
в Поутѣвалѣ) 2.

поутѣны 9; пута, оковы.

поушаше 1, поушашете 1.

пѣсно 1, 2, 14, пѣснь 1, пѣ-
снѣи 1; пѣсьми 13.

пѣствѣрци 14.

пѣти 2, 14, пѣше 14.

пѣтко 4; пѣтница.

Рѣди 14.

развѣки 12; розвѣвъ.

разлиася 8; розляла ся.

разлоучиста 7.

размѣти 13.

рѣна 5; въ числѣ многомъ рѣ-
нѣи 10, 10, 10, 12, рѣнами 9.

рѣнены 10.

рѣно 5, 7, 9, 11, 12, 12, 12,
12, 12.

раскрѣпити 10.

рассѣиася (у Мусоннѣ-Пушкинѣ
рассоушася) 4; розсѣившись.

растѣкашите ся 2; розбѣгавъ
ся, носивъ ся.

растѣшите 6.

расхѣтити 10; (вы) розхва-
тили, забрали, заграбили.

ратѣве 6; ратаѣ, земледѣльць.

рати 6; въ числѣ многомъ

рати 6.

ратнаго 1; воивного, рицар-
ского.

Рѣкоугы 9; назва одного пле-
мени финьского.

Рѣдѣю 1. Рѣдея — князь Ка-
согѣвъ (Черкесѣвъ).

рѣче 1, 3, 9, 12, 13, 13, 13, 13,

(в рѣчѣ 2, 3, 9, 11, 13); рѣ-
коста 8, рѣкосте 9; рек 11,

рѣко (рекши) 14.

ржѣте 2.

рискаше 11; рица 2; дѣлъ ри-
скати = великими скоками

бѣчи або летѣти.

рѣзни (приходить въ мѣстцѣ попованомъ) 11.

рѣзъ 8.

рѣкѣтахъ 1; грѣбѣи, голо-
оли.

Рѣманъ 10. Романъ Мстисла-
вичъ, пѣвнѣйшій князь га-
лицкій, отецъ короля Данила.

Рѣманови 1. Бесѣда о Рома-
нѣ, братѣ Олега „Горисла-
вича“. Онъ вязавъ ся съ По-
ловцами противъ Руся, о-
днакъ пѣвнѣйше Половцами
зоставъ убитый.

Рѣсиі або Рси 10. Рѣка Рось,
доплывъ Днѣпра.

рѣспѣшени 3.

Рѣстислава 13, Рѣстислава
13. Бесѣда о Рѣстиславѣ,
сынѣ Всеволода, що въ 23
жита утопивъ ся въ рѣцѣ
Стугнѣ.

Рѣстиславѣи (у Муоспнъ-
Пушкина неправильно: Ро-
стислава) 13.

рѣстрѣ 13; розпростерла, роз-
ляла.

рѣстрѣливѣкъ 13.

рѣукаво (або рѣукав) 12.

Рѣсичи 3, 4, 5, 7.

рѣскаго 8; рѣскама 8; рѣскон
6, 7, 8, 8, 9, 11, 13, 14, 14;
- рѣскою 1, 7, 8, 8, 10, 10,
10, 11, 13; рѣскоу 8; рѣ-
скла 3, 5; рѣскыме 9; въ
числѣ многомъ: рѣскыма 8,
рѣскы 5, рѣскыхъ 11.

рѣучый 13; ручаѣ.

рѣукаюте 10.

рѣзанъ 10. Рѣзанъ (дрѣвнѣя
монета) вартости сороковця.

рѣка 13, рѣкы 8, рѣкою 13,
рѣцѣкъ 5, 9, 12, 13; число мно-
ге: рѣкы 8 (и задля асо-
нанци рѣкы 5).

рѣткѣ 6.

рѣч 6.

Рѣриче (акцентъ не зовѣмъ
пѣвнѣй) 10; Рѣриковы (adj.)
11. Рѣрикъ и Давидъ були
сынами Рѣстислава. Великій
князь Святославъ, довѣдав-
шись о сумнѣй доли Игоря,
хотѣвъ бувъ вступити ся за
него. Онъ удавъ ся о по-
мѣчь до князѣвъ Давида и
Рѣрика, але Давидъ ѣдмо-
вивъ.

рѣдѣи (правлячи) 10; рѣдѣ-
ше 11.

Р (рѣдко со) править 2. и 6.
падежемъ.

рѣблѣи 2, 7; число много: рѣ-
блѣма 5, рѣблѣмаи 5, 9, 9,
10. Рускѣи войны XII. вѣка
уживали побѣчь славянско-
го меча такожь азѣятскои
шаблѣ.

рѣлтаны 10; султаны. Бѣтъ
догадка, що войска галиц-
кого князя воювали при бо-
ку Фридриха Барбароссы зъ
султаномъ Салыдиномъ.

сам 11, 11; число много: сѣ-
маи 1, 2, 8, 8, 9, 9, 9 (и
задля асонанци самѣи 7);
число двѣи сѣмѣю (пѣ-

оля Мусоннъ - Пушкина са-
маю) 9.
скаты 7.
скныа 2.
скнысн (неправильно задя а-
ссонация) 13.
скысто 3.
ской, сксы, скос. Зъ ритмики
церковныхъ молитвъ выхо-
дитъ у всехъ падежахъ ак-
центъ на першій онябѣ и
такъ акцентуеось переважно
въ Словѣ; головне вынати
становить число много сксы
для розрѣжненя одъ числа
един. сксы. Въ поематѣ поды-
буемо слѣдуючя формы: скб-
его 9 (и скбего 4), скбса (за-
дя ритму мѣсто скбсы) 5,
скбемоу 11, скбей 3, скбю
12 (и скбю 3, 6), скбею 1,
скбим 5, скбеме 10; въ ча-
слѣ многомъ: скбн 2, 3 (и за-
дя ассонация скбн 11, 11),
скбнх 8, 13, скбн 1, 1, 3,
10, 10 (и задя ассонация
скбн 13), скбнми 11, 13 (и
скбнми 8, 10, 10, 11); чи-
сло двѣйне: скбею 12.
скычам 5.
скѣдомн 2.
скѣт, 2, 4, 10, скѣто 5, 9, 13,
скѣта 7.
скѣтите см 14 (можя лучше
булобы: Облице скѣти(ть)
см на небскѣ.)
скѣтальн 2, скѣтабс 3, 12.
Скытослава 14. Святоолавъ
той бувъ оучасникомъ по-

ета Боска и „пѣстворцемъ“
Олега.

Скытослави носады 12; ба-
даки кievского князя Свято-
слава, на котрыхъ бы пред-
принявъ выправу противъ
Половцѣвъ. — Скытослави
8; Скытославию 8.

Скытославо 8, 9; за часовъ
походу Игоревого князь ки-
евскій; прославивъ ся въ
войнахъ зъ Половцами.

Скытославо („молоды мѣ-
сяцъ“) 9. Бесѣда о 19-лѣт-
номъ Святославѣ Ольговичу,
князю рильскомъ, котрый
бравъ участь въ походѣ И-
горя на Половцѣвъ.

Скытославлчи 1, 2, 10, 10, 10,
Скытославлчи 4, 8; Скы-
тославлчию 1, 4, Скытосла-
влчию 14 — завсѣгда ак-
центъ на а.

скыты 11, скытѣн 14.

сдоумати 8.

се 5, 9, 9, 11; бачь, ось.

се (pron.) 8, 9, 9; сего 1, 2,
2, 10 (въ другомъ уступѣ
мѣсто соловню старого
времени, що не мае змыслу
и навѣтъ противить оя рит-
мови, поправляю соловню
сего времени); сию 1; число
много сий 2.

(на) севѣ 8, 8; севѣ (посля
текоту Мусоннъ-Пушкино-
вого) 2, 4, 6, севѣ 9; на
севѣ 12.

сегбднн (такъ читаю въ 11.

уступѣ мѣсто Мусонъ-Пуш-
киноваго сѣго ко нынѣ).

сѣдмоме вѣщѣ 11. Гл. „Темнй
мѣстца“ стор. 74.

сѣрдца (форма повноголосна)
1, 9.

сѣленаго 9, сѣлеными 8.

сѣлоу 8, сѣлах 8.

синѣе 9, синѣго 3, синѣмоу
9, 9, синѣ 8, 11, 12, синій
5. Акцентъ неправильный,
здесь для того, що синій
въ Словѣ береться воюды въ
значеню перенесенѣмъ. Гл.
„Темнй мѣстца“ стор. 30,
51, 98.

сѣноч 9; сея ночи.

сѣнци 6; такю.

скáчюте 2; скáча 2.

сквóзк 12; крóзь, черезъ.

скóвана 9.

скóчи 11. 11, 11, 13.

скратѣшась 6.

славá 3, 6 (и славá 14), славѣ
2, 4, 9, 11, славѣк (такъ по-
правляю мѣсто Мусонъ-
Пушкиноваго славѣ) 2,
славоу 8, 9, 9, 11 (и задля во-
соянцѣ славѣ 1, 11).

славню (соловѣемъ), 1, 2; чи-
сло много славнй 4.

славá 12.

слез 12, слезами 9.

слѣтѣста 9; влетѣли.

слобо 9, словеск 1.

Словѣтичю 12. Словутичемъ
названный Днѣперъ; въ пѣ-
сняхъ народныхъ приходитъ
Сла в у та.

слѣшите 12, слѣша 6, 11,
слѣшано 6.

слѣдо 4, (на) слѣдѣ 13.

смагоу 8; огонь, пожаръ. (Въ
такъ званой рукописи Ка-
терины стоить смагоу лю-
демъ; ритмика выказуе, шо
людемъ есть ту додаткомъ
вовсѣмъ невозможнымъ.)

сморци 13; сумерки. Гл. „Те-
мнй мѣстца“ стор. 93.

смысленый (м. смыслено) 11;
розумно.

смыслити 8; выслити.

смѣшено 9, 9.

снѣсе си 9.

снопы 11.

согѣ 10, собою 13.

согладати 8.

сокол 8, 9, 10; соколо 13, 13;
соколоу 4; соколом 13 (и
соколоме 13); въ числѣ мно-
гомъ соколово 1, 1, соколы
2; въ числѣ двѣинѣмъ: со-
кола (посля тексту М.-Пуш-
киноваго сокола) 9, соко-
лома 9.

сокольци 13, 13, 13 (у М.-П.
въ першѣмъ зъ тыхъ мѣстцъ
соколича.)

солнце 12, солнцю 10. Гл.
„Темнй мѣстца“ стор. 90.

соловию 2, соловн 13.

солонце (форма повноголосна
мѣсто солнце) 3, 3, 14; сол-
лонца 5, 9.

сон 9.

сопращѣ 12.

соробы 13, 13.

Сѡфин 11.
спала 3; **опалавъ**, **запалавъ**,
загорѣвъ.
спит 13.
срѣбра 8.
срѣбрѣно 4; **срѣкрѣнѣи** 9, **срѣ-**
брѣных 13, **срѣкрѣнными** 11.
срѣди 7, 8.
срѡни 10.
'ста (м. еста) 9.
стадо 1, 1; въ числѣ многѡмъ
стады (шестыи падежь) 2.
стараго 1, 11, **старомоу** 1,
староу (?) 9, **старыми** (задья
 ассонанция) 1, **старымо** 14.
ствѡристе 9.
стѣлюте (акцентъ неправиль-
 ный) 11.
стѣлвшоу 13; **стѣлвшому**.
стѡиши 5, **стѡште** 2.
столѣ 5, 9, 10, 10, 11; **столѣ**
 13, **столѣ** 10.
стѡлпа 9.
стенѣти (можнобы читати стѡ-
 нати) 11; **стѡноуци** 3.
страдаше 11.
страны 10, 14; **стран** 5, 8.
стрѣжаше 13.
стрѣмѣны 3, 6; **стрѣмени** (задья
 риму мѣсто стрѣмента) 10.
Стрѣвожи 5. Гл. „Темнѣ мѣот-
 ця“ ст. 79.
стрикѣсы 11; боевѣ жребѣя. Гл.
 „Темнѣ мѣотця“ отор. 50.
стрѣгы 13.
стрѣжне 4, **стрѣжнем** 11;
 ратище. (Слово тое выводятъ
 ѡдъ строугѣти; по моѣи
 гадѣе повѣтало оно зѣ съ +

роужне, — дословно, означае
 „окладову часть оружѣя“).
стрѣны 1.
строуѡ 13, **строуѣми** 11,
строуѣих 13.
стрѣлкы 12.
стрѣлы 6, 7, **стрѣлами** 5, 5,
 10, 13 (въ стрѣлами 4, 5).
стрѣляти 10, **стрѣляешн** 10,
стрѣлий 10.
Стѣгна 13.
стоудѣноуѡ 13.
стѣкноу 13.
стоупѣете 6.
стиаго 4, **стизи** 2, 5, 7, 11, 11;
 прапоръ, прапоры. (Скандя-
 навске stöng = жердка).
сѣдо 6, **сѣда** 11; **соуды** 10.
соудѣаше 11.
сѣлници 10, 10; **сшсы**, **ѡстра**
 у копѣя.
Соулѣ 11, **Соули** (дья асо-
 нанция мѣсто Соулѣ) 10,
Соулюѡ 2. Рѣка Сула есть
 дошльвомъ Дѣпра.
Сѣрожоу 3. Сурожемъ звалось
 въ давныхъ часахъ море
 азовоке.
сѣхоу 10.
сѣте 10.
схопи съ 11.
сын 11, **сыно** (?) 6, **сыноу** 9;
 въ числѣ многѡмъ **сынѡк** 11,
сыны (шестыи падежь) 10.
сынѡвца 9 (у Муссинъ-Пуш-
 кина сыновча).
сѣпахоуте 9.
сѣдинѣ 9; **сшвому** волооку
 (ѡдъ сѣдыи).

сѣдиши 10.
сѣдлѣи 2.
сѣдло 8, сѣдла 8.
сѣню (м. сѣнню) 13; тѣню.
сѣрыме 1, 4, сѣрымъ 2.
сѣиши 6, сѣишите сѣ 6.
сѣ (заименикъ зворотный) ставитъ ся передъ або по глаголю. Въ двохъ мѣстцахъ стоять глаголь въ двома сѣ: сѣ разлоучиста сѣ 7, сѣ подкизаша сѣ 13.

Та гл. той.
тако 13.
тамо 5.
Татраны 9; назва одного племени финьского.
творити 1.
твюю 11; въ числѣ многѣмъ твюи (?) 10 (гл. грозы).
тебѣ 3, 4; тебѣ 5.
тѣктеме 13; стукотомъ.
телковино (акцентъ неправ.)
9. Гл. „Темнѣ мѣстца“ ст. 10.
телѣгы 3; мажѣ, возы.
тѣмнѣ 13; темнѣмъ.
темно 9.
тепло 11, теплыми 13.
терѣмѣ 9; въ дворѣ.
тѣчете 11, 11, тѣкоуте 5, тѣкѣтъ 10.
тканиноу (у Муосинъ - Пушкина каниноу) 6.
ти (тобѣ) 9, 10, 13, 13; яко dativus ethicus 2, 2, 13 (не тако ти), 14, 14.
тисовѣ 9.
то 1, 13; то (яко союзъ).

тогда 1, 3, 3, 6, 6, 9, 13, 13.
тоже (здае ся мѣсто тойже) 6.
той 1, 6, 11, та 1, те 6, 8,
того 2, 8, томоу 11, 11;
въ числѣ многѣмъ: тѣи 9;
тѣи 10, ты 6, 6, тѣми 10;
въ числѣ двѣиномъ та 8.
только 13.
Топчакы 9; назва одного племени финьского.
тоска 8, 9.
тоцѣ 11.
тоциими 9; порожными, пустыми.
трава 7, 13, травѣ (для ассо-нанцип) 13, тракѣ 11.
трепицоуте 5; дрожать.
трѣскѣтлоу 11; тричи яоне.
трѣсноу 9, 10; затрялася, трѣснула, кинулася.
трѣтѣи 9, трѣтигѣ-дни 7.
трѣща(т) 7.
три 10.
тропоу 2. Гл. „Темнѣ мѣстца“ стор. 77.
трѣскѣташа 13; скреготали.
трѣстнию 13; въ трѣстину, въ очередь.
Троианю 2, 8, Троиани 6 (и Троиани 11). Гл. „Темнѣ мѣстца“ стор. 73—79.
трѣбы 2, 11, трѣбами 2.
трѣбѣте 2, 11.
трѣднѣхъ 1; оумнѣхъ, окорбнѣхъ.
трѣдоме 9. Гл. „Темнѣ мѣстца“ стор. 30.
трѣпи (м. троупни) 6.

трѣсы 13; трусячи, отрясаючи.
тоу 5, 5, 7, 7, 7, 8, 8, 8, 11.
тоуга 9, 9, тоугою 7, 7,
8, 12, 13.

тоули 2, тоулы 12, тѣлы (ше-
стные надежь) 9; сагайдаки.
тоур 2, 5, тоурѣ 14, тоурѣ 5,
5; въ числѣ многѣмъ тоури
10. Туры бувъ то родъ ди-
кихъ волѣвъ.

тѣтнете 5.

тѣчи 5; чорнѣ (дощевѣ) хмары.
ты 2, 2, 10, 10, 10, 10, 10,
12, 12.

тьма 9, тьмою 3, темою 3, 9.
Тьмоуторокани 9, Тьмоуто-
рокани 11, Тьмоутороканк
6. Пѣвъ-островъ Тамань на
всходномъ побережю азовско-
го моря; такожь назва мѣста.

тьмоутороканескый 3.
тѣла 11, 11, тѣлоу 14, тѣлкѣ
11, 12.

тижко 14.

Оу (привременникъ зъ 2. наде-
жемъ).

оубѣди 3, 4, 8, оубѣдиста 8.
ѣгорескын 10.

ѣдалыли 10.

ѣже 3, 3, 5, 8, 8, 8, 8, 9, 9,
9, 9, 9, 9, 9, 10, 11, 11.

оужинѣ 13; одъ оужинѣ =
вечера.

оузорбчан 4; узорамп, рѣча-
ми дорогоценными.

оум 10, ѣмо 1, 3, 9.

Оумри 9. Гл. „Темнѣ мѣстца“
стор. 42.

ѣношоу 13, ѣноши 13.

оуныли 11, оуныла 9, 13; по-
никли, змарилѣ.

оусѣбница 8, оусѣбницк 1, оу-
сѣбницами 6; междуособна
(домашна, братя) незгода,
война.

оуспѣ 4. — оуспил 8.

оутѣрпк (самогласна р) 11.

оутѣче 8. Такъ читаю пося
рукописю царицѣ Катерины,
коши Муссвиъ-Пушкиновой
рукописи; въ выданю Мус-
сиянъ Пушкина приходитъ
тече.

оутѣрже 11. Гл. „Темнѣ мѣст-
ца“ стор. 50.

оутра 6.

оутрѣ 12.

ѣши 6.

оуцикотал 2; оспѣвавъ, за-
шебетавъ.

Харалѣжныи 7, харалѣжныи
10, харалѣжными 5, 8, 11;
булатными, стальевыми.

харалѣзк 9. Харалоугъ = кри-
ца, сталь.

хвалоу 9.

хинова 10.

хиновескыи 12.

хинови 9; ханови.

хѣботы (находитъ оя въ мѣст-
ци попсованѣмъ) 11; хвосты
(бунчуки) на стягахъ.

хѣломы (форма повноголосна
мѣсто холмы) 8.

хѣробро (акцентъ не зовѣмъ
певный) 4.

Хоросови (форма повноголосна мѣсто **Хорсови**) 11. — Гл. „Темнй мѣстця“, стор. 81.

хорюгове 4.

хотій (одъ **хоть**) 5, 14; **люба**, **жѣнка**, **прятель**.

хобчу 3, **хощѣ** 3, **хотятѣ** 5, 6; **хотѣше** 1; **хотѣ** (хотѣч) 10.

храбра (одъ **храбрѣ**) 6, 11; въ числѣ двойномъ **храбра** 9.

храбра (одъ **храбрый**) 10, 10, **храбраго** 3, 10, **храбрѣмъ** 1, 4; въ числѣ двойномъ **храбра** 8; въ числѣ множомъ: **храбрин** 5, 7 (и за- для ассонанціи **храбрин** 10), **храбрѣ** 1, 5.

хоудѣ 13.

хоудѣ 9; **насмѣшка**, **наруга**, **ганьба**.

хытрѣ 11; **хитрому**, **умному**.

Цвѣланти 9; **цвѣгати**.

цвѣты 13.

Чага 10; **невольница**.

чайцами 13.

частво 6, 11.

человѣкомо 6 (зъ ритмики церковныхъ молитовъ вы- ходитъ акцентъ **члѣвѣко**.)

чемѣ 12, 12, 12, 12.

чѣпы 12; **цѣпамѣ**.

черелѣна (форма повноголосна мѣсто **черлена**) 4, **черелѣно** 4; **черелѣны** 3, **черелѣны-**

ми 4, 5, 11; **багряный**, **чер- воный**.

чѣрена (форма повноголосна мѣсто **чѣрна**) 7; **чѣренный** 4, **чѣреною** 9; **чѣрены** 5.

черниадѣми (форма повного- лосна мѣсто **черниадѣми**) 13; **чернядкама**, **чернятамѣ** (родъ черныхъ качокъ).

Чѣрнигеско (?) 8, **Чѣрнигова** (са- могласна р) 5, **Черниговѣк** 9.

Черниговескыми 9.

чѣрпахоудѣ 9.

чѣтыри 5.

чи (за- для ритму м. ли) 9.

чиль (такъ выказуе ритмика мѣсто **Муссиянъ - Пушкино- вого чили**) — 2. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 11.

чистомоу 3.

чѣлока (форма повноголосна м. чолка) 4; **бунчукъ** (хвѣстъ) у **отяга**.

чрѣзъ 10, 14; **чрес** (форма фо- ветична) 2, 2, 11.

чти 2, 4, 5; **чести**.

что 7, 7.

чюжѣ 13.

Шароканю 9; **Шаруканову**.

Шаруканъ, **ханъ Половцѣвъ**, **побитый рускими войсками** (р. 1107) **ледви живой утѣкъ** въ **побоевица**.

шѣломомѣ 3, 9 (и **шѣломомѣ** 5); въ числѣ множомъ **шѣло- мы** (першій падежь) 5, 10, 10, 11, **шѣломы** (четвертый падежь) 5, 7 (и **шѣломы** 5),

ШЕЛОМЫ (шестый падеж)
2, 10 (я ШЕЛОМЫ 10).

ШЕЛОМЫНЕМ 3, 5. Гл. „Темнй мѣстца“ стор. 15.

ШЕЛЬБИРЫ 9; назва одного племени финьского.

ШЕРШИРЫ 10; самоотрѣлами. ШЕСТОКРИЛЬЦИ 10.

ШИЗЫМЕ 1; СВЫЗМЪ.

ШИРОКАЯ 2.

ШИРИАЯ СЯ 10; кружляючи (ровширивши крыла).

ШЪМИТЕ 7.

ШЕКОТО 4; щебетъ.

ШИТЫ 3, 4, 5, 10, 11; ШИТОВО 9.

ШЕ (мѣсто его) 13, 13.

ШЕГО 3, 12, 12; ШЕШЪ 2, 3, 3, 3, 4, 7, 13.

ШЕДИНО 11, 11.

ШЕДИЕ (у Муссинъ - Пушкина оуѣдиѣ); ШДА, жиръ.

ШЕДИХОУ 8; побирали.

ШЕДИ 3, 5, 12, 12, 12; въ числѣ двойномъ ШЕДИ 2, 'ста (м. еста) 9.

ШЕДИТЕ 14.

ШЕДИТЕ 13.

ШЕ 9.

ШЕДИНО 11; чепецъ, друге тѣло.

Гл. „Темнй мѣстца“ ст. 50.

ШЕГО 8, 10 (яко соколо). Въ

IX уступѣ мѣсто ШЕГО (пар-

доуже гнѣздо) лучше бу-
лобы яко.

ШЕДИНИЦАМИ 4; опанчами.

ШЕГО 5, 5; буйный.

ШЕДИСЛАВА 9. Беседа о князю черниговскомъ, братѣ великого князя кievского Свято-слава.

ШЕДИСЛАВЪ 1. Ярославъ, князь галицкй, пановавъ оудъ 1153—1187 року; держава его сягала ажъ по Дунай, до устя Серета и Прута.

ШЕДИСЛАВЪ 11. ШЕДИЯ Макимовича бувъ Ярославъ той княземъ шиньскимъ, оудю и приятелемъ князѣвъ полоцкихъ.

ШЕДИСЛАВЪ (adj.) 6; ШЕДИСЛАВУ 1. Беседа о Ярославѣ Мудромъ, сынѣ Володимира Великого.

ШЕДИСЛАВНА 12, 12, 12; ШЕДИСЛАВНИНО (adj.) 12. Ярославна (дочка Ярослава Осьмомысла) була женою Игоря; крестне имя ея *Евфросинія*.

ШЕДИСЛАВО 6. Слово тое находить ся въ мѣстци попованомъ (гл. Ксиколожъ); интерпреты поправляютъ на ШЕДИСЛАВЪ = Ярославовый. ШЕДИСЛАВЪ 2, 8, ШЕДИСЛАВЪ; яруги, вывозы.

ШЕДИСЛАВИ 10; Ятвяги (оудю Литовцѣвъ).

Текетъ Слова послѣ выдана Муссинъ-Пушкиноваго.

Слово о пълку Игоревѣ Игоря сына Святъславля внука Ольгова.

I.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича.

Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, оѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Помняшетъ бо речь пѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пуцашетъ ї соколовъ на стадо лебедѣи, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю.

Боянъ же, братіе, не ї соколовъ на стадо лебедѣи пуцаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ, напѣтнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю полоувѣцкую за землю рускую.

II.

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пълкы ущекотагъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ

подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣсъ Игоревн, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чресъ поля широкая; галнци стады бѣжать къ Дону великому. Чили въспѣти было, вѣщай Боляне, Велесовъ вначу.

Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубать въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждегъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ сѣтъ, свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ (Святъславличя; сѣдлаѣ, брате, свои брѣзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди. А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети: подъ трубами новити, подъ шеломи възлелѣяны, конецъ конія въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаемн, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влѣци въ полѣ, пщучи себѣ чти, а князю слава“.

III.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя вол прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а вседемъ, братіе, на свои брѣзыи комони, да позримъ сннего Дону“. Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступни, искуенти Дону великаго. „Хошу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго съ вами Русници; хошу главу свою приложити, а любо нечити шеломомъ Дону“.

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ношь стонуци ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ: Влѣзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскій блѣванъ.

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; кричатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роснущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ итищъ подобію; влѣци грозу въ срожатъ по яругамъ; брли

клеткамъ на кости звѣри зовуть, лисицы брешуть на чрыленныя щиты. О руская земле! уже за шеломянемъ еси.

IV.

Длго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрыленными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пяткѣ потопташа поганыя плѣкы половецкыя; и рассушыя стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмажи, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыи узорочьи половецкыи. Чрыленъ стягъ, бѣла хорюговы, чрылена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далеко залетѣло; не былогъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрыный воронъ, поганый Половчине.

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вълкомъ, Копчакъ ему слѣдъ нравить къ Дону великому.

V.

Другаго дни велии рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чрыныя тучы съ моря идутъ, хотятъ прикрыти дѣ солнца, а въ ппхѣ твепещуть синіи мльніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся кошиемъ придамати, ту ся саблямъ потручяти о шеломи половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О руская земля! уже не шеломянемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголютъ. Половци идутъ отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ; рускыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликохъ поля прегородиша, а храбріи Русичи преградиша чрыленными щиты.

Яръ Туре Всеволодъ! стоиши на борони, прыщещи на вон стрѣлами, гремлещи о шеломи мечи харалужными. Камо Туръ поскочыше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивал, тамо

лежать поганья головы половецкыя, носкепаны саблями калеными шелома Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде.

Каа раны дорога, братіе, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

VI.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславлича. Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволожъ: а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на кашпну зелену наполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя.

Съ тояже Кааылы Святослѣкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко святѣй Софїи къ Киеву.

Тогда при Олѣ Гориславичи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человекомъ скратишась. Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, но часто врани граяхуть, трупя себѣ дѣлаче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотяте полетѣти на уедіе. То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицен рати не слышано.

VII.

Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта — летяте стрѣлы каленыя; гримлюте сабли о шелома; трещатъ коніа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію поляна; тугою въздоша по руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ молуднію надоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиша на брезѣ быстрой Кааылы. Ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попонша, а сами полегоша за землю рускую.

Ничить трава жалощами, а древо стугою къ землѣ
преклонилосьъ.

VIII.

Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обѣда въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ Дѣвою на землю Трояню, всплескала лебединными крыльми на синѣмъ морѣ; у Дону плещучи убуди жирна времена. Усобица княземъ на поганья погыбе; рекоста бо братъ брату: „се мое, а то моеже;“ и начяша князи про малое „се великое“ мльвпти, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганін съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю рускую.

О далече зайде соколъ, птицъ бя къ морю: а Игорева храбраго плѣку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской землѣ, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены рускія въсплакашася аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастыи, тоска разлися по руской землѣ; печаль жирна тече средь землѣ руской; а князи сами на себе крамолу коваху, а поганін сами побѣдами наришуще ва рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тѣмъ бо два храбрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то баше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный, великій, Кіевскій. Грозою башеть; притрепелъ своими сильными плѣкы и харалужными мечи: паступи на землю половецкую, притопта хлѣмн и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а погананаго Кобяка изъ лукуморя отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ яко вихръ выторже: и паде ся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гриднищѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедийци, ту Греци и Моравя поють славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каллы рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша. Ту Игорьъ князь вѣсѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошчѣво.

IX.

Уныша бо градомъ забрали, а веселіе пониче. А Святъ-славъ мутенъ сонъ видѣ: „Въ Кіевѣ на горахъ синочь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрною паполомою на кровати тисовѣ. Чрпахуть ми синев видо съ трудомъ смѣшено; сынахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великій женчюгъ на доно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса вмоестъ теремѣ златоврѣсѣмъ. Всю ноць съ вечера босови врапи възграяху у Плѣнска на болопи, бѣша дєбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю“. И ркоша боляре князю: „Уже княже туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, понекати града Тьмутороканя, а любо испити шелономъ Дону. Уже соколома крыльца припѣщали поганыхъ саблями, а самю опустоша въ путины жєдѣзпы. Темно бо бѣ въ 9 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъ-славъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по русской земли простроша ся Подовци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинюви. Уже снесе ся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣже са дивъ на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синему морю. Звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, делѣють мєсть Шароканю. А мы уже дружина жадий веселія.“

Тогда великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: „О моя синовчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлиту, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю крабрал сердца въ жестоцємъ харалузѣ сковапа, а въ буети закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдши! А уже не вижду власти сильпаго и богатаго и много вои брата моего Ярославъ съ Черниговскими быдями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, съ Ревугы и съ Ольберы. Ти бо бес щитовъ съ засаножиныкы кликомъ плѣкы побѣждають, звончи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: „Мужанимъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ“. А чи диво ся, братіє, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду.

Нъ се зло княже ми не пособіе; на няче ся години обратиша. Се Урмижъ кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ цедъ ранами, Туга и тоска сыну Глѣбову“.

Х.

Великій княже Всеволоде! не мыслию ти прелетѣти издавеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропнати, а Доигъ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рзанѣ. Ты бо можеша по суху живыми шерширы стрѣляти: удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю рускую, за раны Игоревы, бугега Святславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ! высоко сѣдиши на своемъ златокованшѣмъ столѣ. Подиерь горы угорскыи своими желѣзными плѣки, заступнишь королеви путь, затворишь Дунаю ворота, меча времени чрезъ облаки, суды ряда до Дунал. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеша Киеву врата; стрѣляеша съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣлай, господине, Кончака, поганого кощей, за землю рускую, за раны Игоревы, бугега Святславлича.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ вѣсь умъ на дѣло. Высоко плаваеша на дѣло въ буети, яко соколъ на вѣтрѣхъ шириася, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подъ шелома латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя поврѣгоша, а главы свои поклониша подъ твѣ мечи харалужныи. Нъ уже княже Игорю утришь солицю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони. По Рси и по Сули гради подѣлнша, а Игорева храбраго плѣку не крѣсенти. Доигъ ти княже кличетъ и зоветь князи на побѣду. Олговичи храбрыи князи досѣли на брань,

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! непобѣдными жребіи собѣ власти

расхитите. Кое ваши златыи шеломы и сулицы яцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю рускую, за раны Игоревы, буго Святъславлича.

XI.

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславию, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія; притрена славу дѣду овоему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, княже, птиць крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчожну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, поппче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи.

Ярославе и вси внуце Всеслави! уже понизитъ стязи свои, вонзитъ свои мечи вережени; уже бо выскочите изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начисте наводити поганья на землю рускую, на жизнь Всеславию, которое бо бѣше насліе отъ земли половецкын! На седьмомъ вѣщѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тѣй ключами подпрѣся о кони, и скочи къ граду Києву, и доче ся стружіемъ злата стола Кіевского. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи изъ Бѣлаграда, обѣн ся синѣ мьглѣ, утрже возни стрікусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вѣткомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кравави брезѣ не бологомъ блхуть посѣлани, посѣлани костми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судише, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вѣткомъ рыскаше; изъ Києва дорискаше до курь Тмутороканя; великому хрьсови вѣткомъ путь прерискаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренною рано у Святыя Софи въ колоколы: а онъ въ Києвѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщій Воданъ и прѣвое прищѣвку смысленый рече: „ни-

хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божіа не икнути“. О! стонати руской земли, помянувшє пръвую годяну и пръвыхъ князей. Того старого Владиміра не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ: сего бо нынѣ стаща стязи Рюриковы а друзіи Давидовы; нѣ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи.

XII.

Ярославныя гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ рапо кычетъ: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; оmuchю бєбрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рапо плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „О вѣтрѣ, вѣтрило! чему господине насильно вѣши? чему мычєши хиновскыя стрѣлки на своею петрудною крылко на моя лады вон? Мало ли ти бѣшетъ горъ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему господине мое веселіє по ковылію развѣя?“

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ аркучи: „О Днепре Словутицю! ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославлі носады до плѣку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано“.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „Свѣтлое и трєсвѣтлое слѣнце! всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вон? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи сѣряже, тугою имъ тули затче!“

XIII.

Прысну море полуночи: идутъ сморци мглами. Игорєви князю Богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслѣю поли мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою, велитъ князю разумѣти. Князю Игорю не бытъ. Кликну, стукну земля, вывумѣ трава:

вежи ся половецкїи подвижаша ся. А Игорь князь поскомомъ горнастремъ къ тростю, и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣврже ся на брѣзъ комонъ и скочи съ него босымъ вѣлкомъ, и потече къ дугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мѣглами, избивая гуси и лебеди застроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзал комоная.

Донецъ рече: „Княже Игорю! не мало ти величїя, а Кончаку нелюбія, а руской земли неселїа“. Игорь рече: „О Донче! не мало ти величїя, лелѣявшу князя на вѣлнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брѣзѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрнїядми на втрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стugna: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту. Уношу князю Ростиславу затвори Дїбїрь темїѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сорокы втроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздятъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сорокы не трескоташа, но лозїю ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають.

Млѣвїтъ Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣяевѣ своими злачеными стрѣлами“. Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дївицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „А ще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ нама птици бити въ полѣ половецкомъ“.

XIV.

Рекъ Бонїгъ и ходы на Святѣславля пѣстворца (старого времени Ярославля) Ольгова, когана хоти: „Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы“; — руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтитя на небесѣ: Игорь князь въ руской земли! Дѣвици поютъ на Дунай; вьются голоскы чрезъ море.

до Кіева. Игорь ѣдетъ по Вѣричеву къ свѣтѣй Богородици
 Широкошей. Страны ради, гради весели, пѣвшѣ пѣснь стар-
 рымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти: слава Игорю
 Святъславлича, Буи Туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу!
 Здрави князи и дружина! (побаряя за христьяны на пога-
 ныя плѣтки. Княземъ слава а дружинѣ. Аминь.)

Ритмична будова молитвы „ВѢРУЮ“ *)

Вѣрою ко единого Бога,
 О'теца (и) вседѣржителя,
 Творца небѣ и зѣман,
 Видимымо же всемо и невѣдимымо.

И ко единого Господа Исуса Христа,
 Сына Божия единородна,
 Иже отъ О'теца рождѣна
 Прѣдже всемо вѣко.

Свѣта отъ свѣта,
 Бога истинна отъ Бога истинна,
 (И) рождѣна, несотворѣна,
 Единосѣществѣна О'цею, —
 И'може все (та) вѣша.

Насо дѣла чловѣко
 И за спасѣннѣ радѣ нашѣго
 Сошѣдоша со нѣбѣсо;
 И воплѣтившасѣ —
 Отъ Дѣха свѣта и Маріѣ Дѣвы,
 И во чловѣчюшасѣ.

*) Текстъ молитвы наводжу послѣ правописѣ старосла-
 вянской а выговору староруского, читаячи кожде ѣ якъ о',
 кожде ѣ якъ ѣ, кожде ѣ якъ ѣ, кожде ѣ якъ ѣ.

Разопята же за ны
 При Пбнотестѣме Пилатѣ, —
 И страдалоша и погребена и возокресоша
 Во третій дѣне по писаннемо.

И возошѣдоша на небеса,
 И сѣдища одісеноюю О'теца,
 И пакы грядоуща со славою
 Соудити живымо и мѣртымо,
 Ебоже царствію не боудѣте ко́нца.

И во Дѣха свѣта,
 Господа (и) животворища,
 Иже бо О'теца нсхбдища,
 Иже со О'тцемъ и Сынѡмъ
 Сопокланѣема и сославима,
 Глаголавоша прѡроки.

Во единоюю, свѣтѣю
 (И) собореноюю и апѡстолескою цѣркове.

Исповѣдою едино крѣщеніе
 Во оставленіе грѣхѡво.
 Чѣю возокрѣсеніе мѣртыхѡ
 И жизни коудоущаго вѣка, аминѣ.

У В А Г И.

Въ словахъ единого и коудоущаго уважаю само-
 могласну а довгою. Въ старославянскѡмъ языцѣ въ дру-
 гѡмъ надежи приложникѡвъ писали часто два а (добрааго,
 малааго), безперечено лишъ для зазначеня довгости, бо годѣ

припустить, чтобы два чистя **д** выговлялись побѣчь себе. (Въ Словѣ о полку Игоревѣмъ мѣсто **гравхочуть** приходитъ форма **гравхочуть**, въ котрой два **д**, якъ выказуе ритмика, творять одну сплябу: **гравхочуте**).

Въ чотырѣхъ мѣстцахъ вставляю до тексту слово **и** н. пр. **Господа и животворища** (въ лат. текстѣ стоитъ: **Dominum et vivificantem**).

Мѣсто **вѣси быша** приймаю зады ритму **вѣси та быша** (въ грецкомъ первторѣ стоитъ: **τά πάντα ἐγένετο**).

Акцентую **зѣмля** (якъ въ Словѣ о полку Игор.) и **небо**. Последній выразъ стоитъ мѣсто **небес**, — согласна с на кѣнци сплябы потягнула акцентъ за собою. Мы нынѣ не кажемо: **небеси, небесѣ**, отже и въ формѣ **небо** першой сплябы акцентовати не можна.

Для старославянскаго языка приймаю акцентъ **Христосъ**, тымъ бѣльше, що въ многихъ памятникахъ старославянскихъ приходитъ ту самогласна **р** (**Хръстосъ**), котра безвыемково акцентовалась. Мы и нынѣ еще въ пятѣмъ падежи акцентуемо сплябу першу: **Христе**.

Мѣсто **единносоущна** кладу слово **единносоуществена**. (Такужъ замѣну роблю и въ молитвѣ **Отъчешашь**: **хлѣбо наш насѣщственно дажде намо дѣнесе**).

Мѣсто **прежде** домагаець ритмика формы **преднже**.

Якъ акцентовати **жизни**, рѣшиться не могу; зъ молитвы **Царю небесный** выходитъ акцентъ **жизни**.

Переглядъ.

	стор.
Вступный уваги	3
Тексть Слова	11
Перекладъ	33
Поглядъ на истор. и митол. сторону Слова . . .	48
Ритмъ поемату	51
Старорускй рими (алитерація, ассонанція, вл- стивй рими)	56
Правила акцентовй.	
Самогласнй р и л	69
Самогласна ꙗ	71
Спябы слабий и сильнй	73
Самогласнй ъ и ѣ, и впливъ согласныхъ на ак- центъ	78
Историчный розвй руского акценту	87
Самогласнй вставнй е и о	91
Акцентъ въ словахъ зложеныхъ	93
Акцентъ глаголбвъ	95
Двоакій акцентъ слбвъ	96
Впливъ приименикбвъ на акцентъ	101
Слова зъ двоакимъ акцентомъ	103
<hr/>	
Доповненя до митологій Готбвъ	107
Поправки	113
Словарь	119
Тексть Слова пбсла Мусинъ-Пушкина	147
Ритмична будова молитвы Бѣроу	156

1729

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 01090 9771

The KALMBACHER
BOOKBINDING CO.
CERTIFIED
LIBRARY BINDER
TOLEDO, OHIO

